

Э. Р. ТЕНИШЕВ

**САЛАРСКИЕ
ТЕКСТЫ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Э. Р. ТЕНИШЕВ

САЛАРСКИЕ
ТЕКСТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1964

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ответственный редактор

А. Н. КОНОНОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В КНР живет много нацменьшинств, вносящих свой вклад в развитие культуры Китая. Среди них — небольшая тюркоязычная народность салары. Изолировавшее положение в течение большого периода времени позволило сохранить саларам много сомобытных черт в языке и культуре.

Салары сейчас не имеют своей письменности. При наметившейся тенденции к их ассимиляции ценнейшие для тюркологии материалы по языку и народному творчеству саларов могут быть безвозвратно утрачены для науки. Отсюда становится очевидной необходимость прежде всего публикации записей-текстов на саларском языке, сделанных автором.

Основная масса саларов в окружении китайского и тибетского населения живет в провинции Цинхай на высокогорной местности по берегам реки Хуанхэ, юго-восточнее озера Кукунор. Салары южного берега в 1954 г. образовали Саларский автономный уезд Сюньхуа. Саларов в уезде более 20 тыс. Разрозненные группы саларов имеются в соседней провинции Ганьсу, Синьцзян-Уйгурском автономном районе и в некоторых крупных городах на западе страны. Салары — народ земледельческой культуры, исповедуют ислам суннитского направления.

Китайские хроники упоминают саларов в первые годы правления династии Мин (1368—1644). Исторические предания самих саларов говорят о их переселении из Самарканда в Китай в 1370 г.

Предания очень популярны в народе, они бытуют и в прозе и в стихах. Раньше на свадьбах разыгрывалось целое драматическое действо — переезд родоначальника саларов Караманга с Кораном на белом верблюде и странствование его по Китаю. Предания донесли до нас отраженные события, которое безусловно было в действительности, но со временем реальные рамки его стерлись, и оно приняло поэтическую окраску легенды. Саларские легенды в свое время отмечались многими учеными и путешественниками.

Караманг фигурирует почти во всех версиях исторических легенд саларов. Род *караман* есть, как известно, в составе туркменского племени салыр. Совпадение этнонимов позволяет сближать саларов в первую очередь с туркменами, а через них — и с другими народами огузской группы. Но ни древняя, ни новая история саларов еще не написаны и ждут своего исследователя.

Впервые небольшой саларский текст вместе с отдельными словами и фразами записал Г. Н. Потанин во время своего пребывания у саларов¹. Некоторые фразы и слова записал посетивший саларов позже

¹ Г. Н. Потанин, *Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия*, т. II, СПб., 1893, стр. 426—434.

Г. Н. Потанина В. В. Рокхилл². Такие же разрозненные фразы и слова в конце прошлого века записал В. Ф. Ладыгин от двух саларов, оставившихся в Пишпеке (ныне Фрунзе) проездом в Мекку³. Записи В. Ф. Ладыгина, знавшего китайский язык, в фонетическом отношении очень точные. По ним легко угадать, что эти салары родом из восточной части уезда.

Со специально лингвистической целью ездил к саларам во время своего первого путешествия по Китаю С. Е. Малов⁴. Он записывал главным образом поэзию, но, к сожалению, не успел свой материал подготовить к печати, и тетрадка саларских стихов осталась лежать в его архиве.

Венгерский тюрколог С. Какук в 1960 г., будучи в Пекине, записала у работника Института языков национальностей Академии наук КНР Хань Цзинь-е, салара по национальности, несколько сказок, песен и загадок⁵. Все это — очень и очень немного для научной разработки саларского языка. Во время командировки в КНР я побывал летом 1957 г. у саларов в различных районах национального уезда и вел там записи. Записывались на слух и на магнитофон в основном фольклорные тексты и отдельно (по составленной анкете) грамматический материал. Большая часть текстов составляет содержание этой книги. Тексты представлены образцами устной прозы и меньше — поэзии саларов. Такая пропорция не случайна: салары, мужчины и женщины, больше любили сказывать, чем петь или скандировать стихи. Они большие мастера художественного слова, тонко чувствующие ритм, оригинальность сюжета и красоту родной речи.

Многие рассказчики-салары без особых затруднений рассказывали по четыре-пять и более сказок, преданий или песен.

У некоторых рассказчиков был свой репертуар. Тем не менее трудно сказать, есть ли у саларов сказители-профессионалы, такие же, как, например, у казахов, киргизов, туркмен и лобнорцев. Обнаружить их мне не удалось.

Очень важно установить, насколько фольклорные тексты воплощают в себе народно-разговорный язык и, следовательно, пригодны для его изучения; «...начало искусства слова — в фольклоре», — писал М. Горький.

У народов, не имеющих давней письменно-литературной традиции на родном языке (к их числу относятся и салары), произведения фольклора прозаического жанра создаются на живом и общепонятном языке, выделяющемся, естественно, своей образностью⁶.

Другое дело поэтический жанр фольклора. Рудиментов старого языка он хранит в себе больше, чем проза⁷. Например, саларские *сагыши* (плачи невест по родительскому дому), исполняемые обычно женщинами, удержали под рифмой показатели личных глагольных форм, которые давно не употребляются в языке повседневном. Как образец этого

² W. W. Rockhill, *Diary of a journey through Mongolia and Tibet in 1891—1892*, Washington, 1894, pp. 373—376.

³ А. Поярков и В. Ладыгин, *Салары. Этнографический очерк*, — «Этнографическое обозрение», кн. XVI, № 1, М., 1893, стр. 32—36.

⁴ С. Е. Малов, *Отчет о путешествии к уйгурам и саларам*, — «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии», серия № 1, СПб., 1912, стр. 92.

⁵ S. Kakuk, *Textes salars*, — «Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae», t. XIII, fasc. 1—2, Budapest, 1961, pp. 95—117.

⁶ Ср. W. Eberhard u. P. N. Boratav, *Typen türkischer Volksmärchen*, Wiesbaden, 1953, S. 12.

⁷ А. Н. Веселовский, *Три главы из исторической поэтики*, — в кн. «Историческая поэтика», редакция, вступительная статья и примечания В. М. Жирмунского, Л., 1940, стр. 372.

повседневного живого языка, на котором говорят салары между собой, вполне допустимо принять прозаические отрывки опубликованных здесь сказок и рассказов независимо от их типа.

Характерные черты этого языка: *й* в начале слов, дательный падеж на *-a//e* и *-za//ge*, прошедшее время на *-ган* и *-мыш*, т. е. смешение примет северных и южных тюркских языков. Такое же смешение и в лексике. Это с одной стороны. С другой — масса китайских элементов, которые пронизывают и фонетику, и морфологию, и синтаксис, и лексику. Тибетское влияние сказывается сильнее всего в словаре. Все это, вместе взятое, определяет редкое своеобразие саларского языка, в котором слились элементы близких и далеких по строю языков.

Старый племенной язык, можно думать, значительно отличался от современного и был без диалектных различий. Но с течением времени в нем в силу местных условий появились диалектные черты, которые осознаются теперь и самим населением. Чтобы оттенить эту ценную для языка дифференциацию, материал в книге помещен под рубриками, соответственно селениям, откуда происходят рассказчики. Названия селений идут с запада на восток, следом за несколько меняющимся в этом направлении языком. Такая классификация материала облегчит его диалектологическое исследование в дальнейшем.

Группировка по населенным пунктам выделяет лингвистическую сторону материала. Главная цель книги — донести до читателя современный язык саларов. Анализ тех же текстов как фольклорных произведений в задачу книги не входит; это потребовало бы подготовки другой части имеющихся у меня записей.

Фольклорные жанры у саларов такие: *томбах* — сказка, *лиши* (кит.) — исторический рассказ, *сагыш* — плач невесты по родительскому дому, *йыгы* — плач по умершим, *йыр* — песня. Излюбленный и самый распространенный жанр — *томбах*. Сказки знают и сказывают буквально все. Причем у женщин свои сказки, отражающие их интересы и представления, у мужчин — свои. Рассказчик, с присущим ему вкусом и склонностями, неизбежно оставляет определенный отпечаток на произведениях фольклора, в особенности это относится к сказкам. По этой причине перед каждым сюжетом после заглавия приводятся основные сведения о рассказчике. Название сказки часто помогает ориентироваться в ее содержании, и я сохранил те названия, которые дали сами рассказчики, названия же, придуманные мною, снабжены звездочкой.

По содержанию сказки делятся на такие группы — бытовые: 18, 19, 50, 51, 60; новеллистические: 1—6, 10, 20, 23, 24, 37—39, 61—63; анекдоты: 40—43; волшебные: 7, 11, 12, 21, 25, 26, 44, 53—56; о животных: 8, 9, 13, 22, 46.

Самые популярные виды сказок у саларов — сказка-новелла и волшебная сказка. Саларская новелла очень близка по своим мотивам волшебной сказке и имеет тенденцию в нее переходить (см. сказки промежуточного типа). Некоторые сказки имеют варианты. Все они мной сохранены, так как представляют собой самостоятельную ценность, и помечены римскими цифрами. Сюжеты некоторых сказок принадлежат к известным мировым сюжетам. К ним относятся популярная новелла «Коскур-оглан и Агу Караджи» (10, 20, 23) — саларская версия «Ромео и Джульетты», волшебная сказка «Масембу» (53) — с мотивами «Алпамыша»⁸ и «Одиссеи».

⁸ В. М. Жирмунский, *Сказание об Алпамыше и богатырская сказка*, М., 1960; «Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос», перевод акад. В. В. Бартольда, изд. подготовили В. М. Жирмунский и А. Н. Кононов, М.—Л., 1962, стр. 32—49, 200—214.

Книжное влияние в саларских сказках ощущается крайне мало. Отмечу лишь одну новеллу «О прекрасном юноше, который стал императором» (1), по многим чертам напоминающую известный библейско-коранический сюжет о прекрасном Иосифе.

Часть сказочных сюжетов заимствована из китайского фольклора (5, 6, 39, 52, 60—62), некоторые чрезвычайно похожи на китайские хуабэни (2—4), среди них сюжет о плаще бедняка, который император обменивает на свою одежду (приняв за нищего, императора убивают, 54)⁹. Есть и сказки, заимствованные саларами у тибетцев. Количественно их меньше, чем китайских (7, 11, 13, 21, 25, 26, 56)¹⁰.

Исторические предания (*лиши*) повествуют о различных событиях из жизни саларов, посвящены отдельным лицам (например, Су-ахуну) или селениям (например, сел. Комба, 28). Таких легенд мною записано более десяти. Они будут изданы отдельно как источники по истории саларов. Очень интересны саларские «плачи»: *сагыш* — плач невесты и *йыгы* — плач по умершим, напоминающие казахские и киргизские свадебные и похоронные причеты. К свадебному ритуалу относится и *орух сёс* — песня, величающая жениха и невесту (47). Нередко она сочетается с «верблюжьей игрой» (17) — театрализованным представлением путешествия Караманга.

Саларские песни, обычно небольшие по объему, — лирические, любовные и шуточные (29—36, 57, 58). Мелодии саларских песен настолько своеобразны, что их не с чем сравнить, это свои особые саларские напевы.

Собранные здесь тексты по фольклору саларов (кроме «Коскур-оглана», «Масембу» и нескольких песен) публикуются впервые и представляют собой материал совершенно новый.

Тексты печатаются в латинской транскрипции. Для обозначения специфичных китайских звуков служат такие знаки: ʒ(tʂ) ~ ʒ'(tʂ'), ʒ(tʂ̥) ~ ʒ'(tʂ̥'), c(ts) ~ c'(ts'), ç(s').

č обозначает глухую переднеязычную аффрикату tʃ; š' ; j — звонкую переднеязычную аффрикату dʃ; ž' ; ʃ — переднеязычный сильно смягченный š, ř — шумный r с ž-образной окраской.

Знаки " обозначают придыхание при сильных согласных: ' при сильноначальных, ' при сильноконечных, " при двувершинных.

Кружочек над буквой для гласных обозначает смешанность (ö<ö̇>); черточка над буквой для гласных — долготу гласного; знак ' указывает на смягчение.

Диакритика под буквами не обозначается.

Переводы по возможности максимально отражают строй саларского предложения, не искажая существенно норм литературного русского языка. Иными словами, перевод саларских текстов, прозаических и поэтических, по стилю занимает среднее положение между переводом дословным и переводом литературным, но научные цели при переводе стоят на первом плане.

В квадратных скобках добавлены слова, облегчающие понимание текста перевода, круглые скобки заключают в себе пояснения. После публикации текстов намечаются к изданию словарь и грамматика современного языка саларов.

За помощь при издании этой книги благодарю Е. А. Тенишеву.

⁹ W. Eberhard, *Typen chinesischer Volksmärchen*, Helsinki, 1937 (FFC, № 120), S. 251—253.

¹⁰ Г. Н. Потанин, *Тибетские сказки и предания*, — «Живая старина», год XXI, вып. 2—4, Пг., 1914, стр. 389—436.

ПРОЗА

СКАЗКИ

* О ПРЕКРАСНОМ ЮНОШЕ, КОТОРЫЙ СТАЛ ИМПЕРАТОРОМ (ТОМБАХ)

(Ха Ми-ду, мужч., 40 лет, род. в сел. Уджирем, крестьянин.
Записано в сел. Уджирем 18 июня 1957 г.)

Текст

Kiiny iſki vāra. Piř kiine oγuſ iſke toγmiſ. Kiči kiiny nene iſki toγmiſ. Uſſy avusy apasyna jaſaži: «Men taqqa vaγuř, rytux vurmāγa (<vurmā vāγà), kiči avuny paſta vāγà!» — «Kiči avu varalmes pa-a-a!» Kakasy jaſaži: «Men paſta vāγy!»

Taγda kakasy kiči avune sig iſina čaγaži. Kakasy ōjina kelzi, apasyna jaſaži: «Avuny puřo jiži!» Avunige xanterini apasyna verzi. «Pu puřy jaſa-
ra — mini avune xantarene zatamamiſ!» — apa jγγtaži. Kuzy kor^u volzi. Avusyny uſ zuxu syγ iſinden čixarkelzi, apāži.

«Pu avo jaſz'uxaſa. Avuny aparaſ oje. Xoa^uvaga avu joxa. Pu avuny aγa verele. Avuny ſu ox^u qy, čaγnagudana peg o'qal!» — zuxu ete jaſyſmiſ.

Muny xuaγvaga verzi. ſu ox^u tyrzi. Inzi avu peg otyrzi, azy xuaγvaga o'tz'i. Peiſine jaſaži: «Jici jil c'ūgge jaſziſ'ux e', aſlixne suſta! Ač'y jici jil jaγmur jaγmaγa, zūgge kemegā» — elte jaſaži. Inzi peiſina aſtyxne sāt'-
yperzi. Izynige kakasy kelzi, aγa aſtyx sat^y perzi.

— Se ōjiga vāγū apaγa jaſ'a: — helli kelimyř-a? — xu^aγv aγ jaſaži, — kiči iniγne piř paſta-da gē!

Apasy jaſ'aži: «Avu paſta parūmas pà. Kakasy paſta pary piři puři jiderzi!» Xōγ jaſaži: «Piřsy inyγ paſta-da gē!» Kakasy paſtaž'a varzi, xōγ jānynda aſtyx alzi. Xōγ puſarne čai iſterzi.

Xōγ jaſaži: «Avu, sini kakaγ qāta?» Kakasy puχoſda (<pu oxoſda) pu-
ři jiži. Avu jγγtaži.

— Sen meni kakam irà pa? Oxſiri!

— Men emesteř! — xōγ jaſaži.

Inzi aſtyx jūhliž'anā kakasy-inisy ōjina janzi. Joſden avune kif z'ūtparzi, xōγ jānynda aparzi. Kakasy ōjina varzi. Apasy sorzi: «Avu qāta?»

— Avuny xāty z'ūtparzi! — kakasy jaſaži.

— Piři zyγ su iſina zaγaž'a ūlmēſ! — apasy jaſaži, — avu iſkisy ta
joxqan vumēſ. Jγγtaži. Kuzy kor^u volzi.

Xōγ avuγa jaſaži: «Sinigi apaγ vār o?»

— Ōita var!

— Men sinigi kakaḡ ityr! Men ūlmiḡzi pe. Men xḡḡ iter pe. Ei avo, sen ḡjige vaḡ, apaḡa jaḡa: kakam mynda vāra ta, xḡḡ ira ta, sen apani paḡtā ta gél Tosḡ'ī.

Перевод

Были две жены [у одного человека]. [Старшая] жена родила двух сыновей. Младшая (*букв.* малая) жена еще двух [сыновей] родила.

Старший (*букв.* большой) сын сказал отцу: «Я пойду в горы на охоту (*букв.* охотиться), поведу и младшего (*букв.* малого) сына!» — «Младший сын не сможет же идти!» — [возразил отец].

Старший брат ответил: «Я поведу!»

В горах старший брат бросил в колодец младшего, вернулся домой и сказал отцу: «Мальчика съел волк!» Рубашку мальчика [он] отдал отцу. «Этот волк [очень] ловкий (*букв.* хороший) — [совсем] не разорвал рубашку моего мальчика», — [так говоря], отец плакал. [Один] глаз его перестал видеть. Три переносчика тяжестей вытащили мальчика из колодца и унесли.

«Мальчик красивый. Возьмем мальчика домой. У императора нет сына. Отдадим ему этого мальчика. [Он] обучит мальчика, когда [тот] вырастет, сделает начальником!» — так решили носильщики.

[Они] отдали мальчика (*букв.* его) императору. [Император] дал образование [мальчику]. [Вот и] юноша стал князем, [а] потом и императором. [Он] сказал народу: «Семь лет хорошенько сейте, зерно берегите. Следующие семь лет не будет дождя, не будет (*букв.* не придет) и хлеба!»

[Он] продал народу зерно. Пришел его старший брат, [и] ему продал зерна. «Как придешь домой, скажи отцу: не надо ли [ему] денег, — сказал император, — [и] приведи разок своего младшего брата!»

Отец сказал: «Мальчика привести ведь невозможно: старший брат, взяв одного с собой, скормил волку!»

Император сказал: «Приведи одного из младших братьев!»

Старший брат привел [одного из младших братьев]. [Они] купили у императора зерна. Император угостил их чаем.

Император спросил: «Мальчик, где твой старший брат?»

Старшего брата его прежде съел волк. Мальчик заплакал.

— Ты мой старший брат? Похож [на него]! [— спросил мальчик].

— [Нет], не я! — ответил император.

Нагрузившись зерном, старший и младший братья отправились домой. В пути кто-то (*букв.* человек) схватил мальчика и привел [его] к императору. Старший брат пошел домой. Отец спросил: «Где мальчик?»

— Мальчика схватил кто-то, — ответил старший брат.

— Один, упав в колодец с водой, умер, — сказал отец, — [и] обоих мальчиков не стало! [Отец] заплакал.

[И] другой его глаз перестал видеть. Император сказал мальчику: «У тебя есть отец?»

— Дома! [— ответил мальчик].

— Я твой старший брат. Я ведь не умер. Я император. Эй, мальчик, ты иди домой и скажи отцу: «У меня здесь старший брат, [он] император» — и приведи [сюда] отца! [— сказал император].
Конец.

2. * ДОБРОМ ЗА ДОБРО (ТОМБАХ)

(По словам рассказчика, это китайская сказка, услышанная им от сalarов)

(Ха Ки-му, мужч., 32 лет, род. в сел. Уджирем, служащий.
Записано в сел. Уджирем 16 июня 1957 г.)

Текст

Kaka-ine uf vumif. Kakasy ifkysy par kifa. Tafinda jox kiflärä zaḡ qoipä. Inisy šu uxmiš. Piř kunura šu oxmä vař'sa, xanduda kiflär jafafmiš: «Pu ävu šu oxqane jaxša, çusei kötaša, vuḡa(r)! Keřligina inisy öjina jankiimif. Kiinina jafamif: «Me pugon šu oxmä vař'sa, hantuda kiflär jafafpä-mē füsei kötamä vař'sa, vugär! Maḡa jořta j'är'uḡusy heli joḡa(r). İnzi niçüx e'kur-i?»

Kiiny jafamif: «Se uřy kakany öjina vār-tä helli üclä-dī gé!»

Inisi kakasynige öjina vämiš. Kakasyna jafamif: «Men çusei kötamä vägur, sinigi heli piři üclä-tä veř!» Kakasy jafamif: «Täřindäḡy zaḡtäny jyḡmäzi, öitä heli joḡtyr!» Inisi kakasyna jafazi: «Sinigi toḡoḡ pirny jār-ta, me jigi-ta väry!»

Kakasy jafazi: «İç joxmas'a, tox çärmes!»

Inisy nene piř kakasy öjina varzi. Kakasyna jafazi: «Me çuse kötamä vägur, heli piřa üclä-tä veř!» Kakasy jafazi: «Täřindäḡy zaḡny jyḡmäzi, öitä heli joḡtyr!» Inisy kakasynigi äjätynä armut tal väřinda armut piřkin köřzi. Inisy kakasyna jafazi: «Armutyḡden piř tätä-de veř! Me jigi-ta väry!» Kakasy jafazi: «Pugon asmän tumpä, armut tätämäs!»

Inisy (// inisy) kakasy ifkisy heli üclä pemiřgu (// vemiřgu). vUřläz'änä öjina janparzi. Kiiny sorzi: «Sen nege uřabor?» Inisy jafazi: «Kaka ifkisy helli üclä piimyr, me çusei kötamä varytmaḡa, niçüx e'kur-i?» Kiiny jafazi: «Sen minigi kumyř panjer', kumyř kunzy-äny äř-da väř! Saḡa jořta heli jāruxsuř vořyr!»

Inisy kařazi, ätygün çuse kötamä varzi. Piř jeřufe je'z'z'i. Inisy izynige jox jax'ši jirüř korzi. Ä öjina varzi. Muḡa sorzi: «Se qařta vagoř?» Inisy jafazi: «Me çusei kötamä väguř, jořte heli joḡar, kiinyynige kumyř panjer-täny akelzi». Jaxši jira täř kiřten kumyř uf sydyr üclä kelzi, inisy varzi. Seř kuv a to^vřazi, iç'z'i.

Inisy çusei kouřagan jirina jez'z'e. Inisy köřazi. Vuḡ zöḡjen köřazi. Inisy çeḡzaḡ qoři. Kakasy ifkisy bilzi. Jaxši a'tny minzi, jaxz'ux poiķarakny kiři, inisy vařmä varzi. Jämyn köḡa jez'z'i. Kakasy ifkisy kö pařtařučiřa jafazi: «İzy ifkysy çänzöḡnige kakas'tyř. Sē ifina vār-ta çänzöḡa jafa! Kö pařtaḡuče ifina kir parzi: «Kakaḡ ifkisy sini vařmä kiřmiř!» — tä çänzöḡa jafazi. Çänzöḡ kö pařtaḡučiřa nene jafazi: «Se vār-ta jafa — maḡa kaka joḡtyr! Se vuřtara jafa-iç joxmasä, tox jār'mäs, asmän tumysä, armut tätemes!» — etizi. Pu kö pařtaḡuče jämyn köḡa varzi. Kakasy ifkisyna jafazi: «S'eḡzöḡ jafapä, iç joxmasä, tox çärmes tepä; asman tumuse, armut tätemes tepä».

Kakasy ifkisy inisy korelmiž'ux öjinä janzi. Jänzöḡnigi jaxši jir kelzi. Jämyn köḡa varzi. Kö pařtaḡučiřa jafazi: «Se vār-ta řeḡzöḡa jafa — me çeḡzöḡnigi jaxši jiri ityr. Me çeḡzöḡny piř kor'gè!» Kö pařtaḡuči ifina kirpařyř, çeḡzöḡa jafazi: «Sinigi jaxši jirter te pir kiř keimēř. Saḡa piř körenkur!» — tepä. Çeḡzöḡ nigenz'ux ruxten iḡkelzi. Kö pařtaḡučiřa jafazi: «Pu kiř seř kua to^vřařučiřdyr, nuḡ vöřan kiřidyř!» Çeḡzöḡ jämyn köḡa varz'änä jaxši jirni pařta kirpäzi. Jaxši jir çeḡzöḡ jānynda ütyrzi.

Çeḡzöḡnigi kiiny öjinda jořtanzi. Çeḡzöḡny iřte kelzi. Piř t'ente ütyr-

zi. Xaxta čičix jasa sat'z'i. Piř kunura jāmyn kōga sa'tmā varzi. Kō paḥḥa-
guči ifina kirpare fenzōḡa jafaži: «Kōte čičex satkuči (// sy'kuči) vāra,
jaxz'uxar!» Čeḡzōḡ jafaži: «Se piř àt-dy gé! Me piř uçirgāl»

Kō paḥḥaguče čičex piř akelzi. Čeḡzōḡ čičexne piř kōrgilā kōnyna kel-
zi. Čenzōḡ sumurḥāzi: «Pu čičexny mi kīnym jasagan a!» Īnzi kō paḥḥagu-
čiga jafaži: «Se vāx-ty gé pu čičex sa'kučy qātyn kēf kem ōjinda ot'pā?»
Bu kō paḥḥaguči pu qātyn kiř o'kan jirinā vaḡkile čeḡzōḡa jafaži: «Qātyn
kiřz'ux t'enda ot'pā(r)!»

Keřligina čenzōḡ t'en'a varzi. Kiīnyn tānyzi. Pařta kilzi. Čenzōḡ izy
jānynda otырzi.

Piř kuneřa čenzōḡ kiř čixyrazi. Čenzōḡnigi jaxři jiri te kelzi. Kiřlār
čeḡzōḡa sorzi: «Pu naḡ kiřtir-i?» fenzōḡ jafaži: «Īzynige kakasy iřkisy jāny
heli ūčlimā var'sā, piřy jāřire — iř joxmese, tox čar'mes; nene piř jāřire —
asmen tomyse, armut tātemes!» — tijera. Pu kiř me jořta ačyqqanda seřguva
toḡta iřterzi. Nyḡ vōřan kiřtir!»

Īnže jax'ři jirine heli verzi. Kiīny iřkisy anda otz'e. Kakasy iřkisyna
jemen volzi. Tosz'i.

Перевод

Были три брата. Два старших брата — богатые люди. [Они] дают
в долг (букв. кладут долговую тетрадь) беднякам. Младший брат учил-
ся (букв. читал книгу). Однажды, когда [он] шел учиться, на улице лю-
ди говорили: «Хорошо, что этот юноша учится. [Ему] стоит добиться
ученой степени!» Вечером младший брат пришел домой и сказал жене:
Когда я сегодня шел на учење, на улице люди говорят, мне стоит
оехать добиваться ученой степени! У меня нет денег на расход в пу-
ти. Как же быть?» Жена сказала: «Ступай домой к самому старшему
(букв. большому) брату и займи [у него] денег!»

Младший брат отправился домой к старшему брату. [Он] сказал
старшему брату: «Я поеду добиваться ученой степени, дай взаймы не-
много денег!» Старший брат сказал: «Внешние долги [я] не собрал,
в доме денег нет!»

Младший брат сказал старшему: «Зарежь одну курицу, я поем и
поеду!» Старший брат сказал: «Напрасно (букв. если нет дела) курицу
не зарежу!»

Младший брат отправился домой еще к одному старшему брату.
[Он] сказал старшему брату: «Я поеду добиваться ученой степени, дай
взаймы немного денег!» Старший брат сказал: «Внешние долги [я] не
собрал, в доме денег нет!» На вершине грушевого дерева во дворе
старшего брата младший брат увидел спелую грушу. Младший брат
сказал старшему: «Сорви и дай грушу! Я поем и поеду!» Старший брат
сказал: «Сегодня небо затуманилось, грушу не буду срывать!» [Так]
два старших брата не дают взаймы денег своему младшему брату.
Опечаленный [младший брат] вернулся домой. Жена спросила: «Ты по-
чему печален?» Младший брат ответил: «Старшие братья не дают взай-
мы денег, я не могу поехать добиваться ученой степени. Как же быть?»
Жена сказала: «Возьми мои серсбряныс браслет и медальон. Тебе бу-
дет что расходовать в пути».

Младший брат обрадовался и на другой день уехал добиваться
ученой степени. Добрался до одного места. Увидел [там одного своего]
очень хорошего приятеля. Пошел к нему домой. [Приятель] спросил
младшего брата (букв. его): «Ты куда едешь?» Младший брат ответил:

«Еду добиваться ученой степени, да денег нет, привез серебряные украшения (*букв.* браслеты) жены». Добрый приятель взял взаймы у постороннего человека три сыдыра серебра, принес и отдал младшему брату. Поджарили кабачки, поели.

Младший брат добрался до места, где получают ученую степень. Младший брат получил [ученую степень]. [Он] получил степень чиновника первого (начального) ранга. Младшего брата назначили начальником уезда. Оба старших брата узнали [об этом], сели на хороших коней, надели красивые халаты и поехали смотреть младшего брата. Добрались до ворот правительственного учреждения. Старшие братья обратились к привратнику: «Мы оба — старшие братья начальника уезда. Ступай доложи [о нас] начальнику уезда!» Привратник вошел внутрь [дома] и сказал начальнику уезда: «Оба твоих старших брата пришли [на] тебя посмотреть». Начальник уезда сказал привратнику: «Ступай и скажи: у меня нет старших братьев! Скажи тем: „Напрасно (*букв.* если нет дела) курицу не зарежу; если небо затуманится, грушу не сорву!»» Привратник отправился к воротам правительственного здания и сказал старшим братьям: «Начальник уезда говорит: „Напрасно (*букв.* если нет дела) курицу не зарежу; если небо затуманится, грушу не сорву!»»

Оба старших брата, [так] и не увидев своего младшего брата, вернулись домой. Пришел хороший приятель начальника уезда. Пошел к воротам правительственного здания и сказал привратнику: «Ступай и доложи начальнику уезда, я хороший друг начальника уезда. Посмотрю-ка я разок на него (*букв.* начальника уезда)». Привратник, войдя внутрь [дома], сказал начальнику уезда: «[Пришел один человек, который называет себя твоим хорошим другом. Говорит, что [хочет] разок показаться тебе!» Начальник уезда поспешно спустился с веранды и сказал привратнику: «Этот человек — [мастер] жарить кабачки, очень способный человек!» Начальник уезда, подойдя к воротам, привел хорошего друга. Хороший друг [начал] жить (*букв.* сел) вместе с начальником уезда.

[Между тем] жена начальника уезда [стала] бедствовать. [Она] отправилась искать начальника уезда. Остановилась (*букв.* села) в одной гостинице. Делала цветы из бумаги и продавала их. Однажды пошла продавать к воротам правительственного здания. Привратник, войдя внутрь [дома], сказал начальнику уезда: «У ворот продавщица цветов, красивая!» Начальник уезда сказал: «[Принеси один [цветок], я посмотрю!»

Привратник принес один цветок. Цветок сразу же (*букв.* при одном взгляде) понравился начальнику уезда. Начальник уезда подумал: «Этот цветок ведь моя жена сделала!» [И] вот он сказал привратнику: «Посмотри, эта женщина, продавщица цветов, в чьем доме живет (*букв.* сидит)!» Привратник, сходя в то место, где жила (*букв.* сидела) эта женщина, сказал начальнику уезда: «Женщина живет (*букв.* сидит) в гостинице!»

Вечером начальник уезда отправился в гостиницу, признал свою жену и привел [ее домой]. [Она] стала жить (*букв.* сидеть) вместе с начальником уезда.

Однажды начальник уезда созвал людей. Пришел и хороший друг начальника уезда. Люди спросили у начальника уезда: «Что это за человек?» Начальник уезда сказал: «Когда я пошел к двум моим старшим братьям занять денег, один говорит: „Напрасно (*букв.* если нет дела) курицу не зарежу“, другой говорит: „Если небо затуманится, грушу не сорву“. Этот человек, когда я проголодался в пути, пожарив, угостил кабачками. Очень способный человек!»

Вот [начальник уезда] наградила деньгами своего хорошего друга. Вдвоем с женой [они] там [начали] жить (*букв.* сидеть). Двум старшим братьям [все это] обернулось бедой (*букв.* стало плохо). Конец.

3. * ДОБРОМУ — ДОБРО (ТОМБАХ)

(Ха Ми-ду, мужч., 40 лет, род. в сел. Уджирем, крестьянин.
Записано в сел. Уджирем 18 июня 1957 г.)

Текст

Piř bou syra vumēř. Avu uř vumēř. Piř zūnge e'mēř, piř sātyx e'mēř, piř šu oхumēř.

Šu oхуyūči kakasy jānyна helle kelemē vāmeř. Helle vemēmīř. Kiči kakasy jānyна vāmēř. Kiči kakasy am vemēmēř. Įnzi ōjina jaŋki'y mēř, kiīnyна jařameř: «Kaka iškisy da helle vemēmēř!» Įnzi kiīny jařazi: «Sinigi jax'ši jir'i T'uxuřu jāna var! Vu kifnigi qoi kūřpā».

T'uxuřu qoiны isyřa jařazi: «Minigi jaxši jirim piř ki'y mēř. Ařa helli veř kelegà(r)!» Vu helli piřa veřimīř.

Įnzi ōjina jaŋkelze. Pu hellini z'ūz'z'anā šu oхumā vařā. Peř jil šu oхumēř. Oхuz'anā peř jilta ōjina čixke'y mēř. Įnzi vu pex o'miř.

Įnzi kakasy any vařmā vāmiř. Įřina ki'y mamiř, korunmamiř. Nene kic'i kakasy vāmēř, kormemēř. Įnzi T'uxuřu vāmēř. T'uxuřuny ōjina pařta vāmēř. Įřkisy pirinta o'mēř. Įřkisy ka'ča jařazi: «Oxoř'dā utly kaka heli vēmiži, kiči kaka am vēmiži, T'oxuřu, sen mařa hel' verzi, sinigi hellūřta šu oхuzi. Sini me onutuxtyr pe! Sen, pařa, kiīny—jiko pařta-ta muřa kell! Men sařa ōiny ō'tz'i. Sen munda ōz'yri!» Tosz'i.

Перевод

Был некий старик. [У него] были три сына. Один обрабатывал землю, другой (*букв.* один) торговал, третий (*букв.* один) учился (*букв.* читал книгу).

Тот, кто учился, пошел к старшему брату просить денег. [Старший брат] денег не дал. Пошел к другому (*букв.* малому) старшему брату. И другой (*букв.* малый) старший брат не дал [денег]. [Юноша] вернулся домой и сказал жене: «Оба старших брата не дали денег!» Жена сказала: «Ступай к своему хорошему другу Тюхулу. Он пасет чужих овец!»

Тюхулу сказал хозяину овец: «Пришел один мой хороший приятель. Ему надо дать денег!» Тот дал немного денег.

[Юноша] вернулся домой. Взяв эти деньги, [юноша] поехал учиться (*букв.* читать книгу). Учился (*букв.* читал книгу) пять лет. Окончив учење (*букв.* проучившись), через пять лет [юноша] вернулся домой. Он стал (*букв.* сел) начальником.

Вот старший брат отправился его посмотреть. [Он] не принял [его], [даже] не показался [ему]. Пошел другой (*букв.* малый) старший брат, и [он] не видел [юношу]. Вот пошел Тюхулу. Тюхулу [юноша] повел домой. Оба сели рядом. Поговорили.

[Юноша сказал]: «Сначала самый (*букв.* большой) старший брат не дал денег, [потом] другой (*букв.* малый) старший брат не дал. [А] ты, Тюхулу, мне денег дал. На твои деньги [я] учился (*букв.* читал книгу). Тебя я не забуду! Ты детей, жену — всех приведи сюда! Как построю тебе дом, ты живи (*букв.* сиди) здесь». Конец.

4. * ДОБРЫЙ СТАРИК (ТОМБАХ)

(Ха Ми-ду, мужч., 40 лет, род. в сел. Уджирем, крестьянин.
Записано в сел. Уджирем 18 июня 1957 г.)

Текст

Piř bou syr vumēf. Ninusuř vumēf. Pařa uř vumēf. Pou sy ōlmeř. Pařa-
sŷta ačyqmeř. Iřki kun e'mek jememiř. Pařatar jyřtameř. Pařqa pou syř
pařatařa sormiř: «Sen nege jyřtap'or?»

— Jiğusy joħa, ačyxur, jyřtap'or pa! E-e, pavō, saħa helii vār o? Ma-
ħa peř veř! — pařatar jařameř. Pavōsy helii iřki tāsyr vimīř.

Iřki tāsyrny jikusy alzi. Pařatar piř jiğē! Pařeřer kičara, iř etelmařa,
vāřu jer joħa, apasy ūlzi.

— Eī, pavō, saħa ořyř keligār o? Kelese, saħa piř viigi! — ninusy ja-
řameř.

Pavōsy jařaři: «Izyga maħa pařa kelemes. Men ōjima vāřŷ-ta, men
saħa helii piřa vii gi, pařatarne jyřtattyrquma!»

Pařatar jařaři: «Eī, pavō, sen jařši kiř irā! Sen za'pa kŷn kō čyxsa,
pāřij iřtinda puřyt zuřtař'ana varyr, sen! kōimās. Sen ōjiħa je'ku sen ma-
ħa ka'č'a kel, piğnen jetto? Ka'č'a kēmese, men pilmizi. Sen ōjiħa je'ku
sen maħa ka'č'a piř jařa — minigi kōğnum tyğnanzi». Toszi.

Перевод

Были некий старик и старуха. [У них] было трое детей. Старик
умер. [Старуха] с детьми [стали] голодать. [Уже] два дня не ели хле-
ба. Дети плакали. Чужой (букв. другой) старик спросил детей: «Что вы
(букв. ты) плачете?»

— Нечего есть, от голода (букв. проголодавшись) плачем! Папаша,
у тебя есть деньги? Дай нам (букв. мне) немножко, — ответили дети.
Папаша дал два тасыра денег. На два тасыра купили еды. Пусть дети
разок поедят! Дети маленькие, работать не могут, идти некуда, отец
[их] умер.

— Эй, почтенный, тебе нужен сын? Коли хочешь, отдам тебе одно-
го! — сказала старуха.

Папаша ответил: «Я не хочу ребенка. Схожу домой и дам тебе не-
много денег. Не позволяй детям плакать!»

Дети сказали: «О папаша, ты хороший человек! Когда ты в жаркий
день выйдешь наружу (букв. в дверь), над твоей головой, прикрывая,
пойдет облако. [Солнце] не будет тебя жечь. Придешь домой, пришли
нам (букв. мне) известие, как добрался. Не будет (букв. не придет) ве-
сточки, мы (букв. я) не узнаем [о том, как добрался]. Придешь домой,
ты скажи нам (букв. мне), [чтобы] наши (букв. мое) сердца успокоились». Конец.

5. * СЫНОВНЯЯ МЕСТЬ (ТОМБАХ)

(Ха Ки-му, мужч., 32 лет, род. в сел. Уджирем, служащий.
Записано в сел. Уджирем 17 июня 1957 г.)

Текст

Piř ař'usur vumēf. Aħa kiřny iřki vumēf. Ař'usy čirix teřtapā. Āniği
āzisyngi ħar'sy azuden hēle otos sydyr ūčlemēf. Pu kiř ōjinda jox vumēf,
heltsyn vereřmāmēf. Ařusy, heli vermigiř-ta, muny zi'ŷtpar ūltermēf. Ūi-

terganda kiĭnynige xusagynda pała vumēf. Āt'y avur tuymēf. Avu çagna un ifki jaſamēf. Piř kunura avu pałała oĭnamēf. Pałaſar avuny ūhremēf: «Saņa apa joxmařan pała!» — di' mēf.

Avuž'ux jařta-jařta ōjina ki' mēf. Avuž'ux amasyňa sormēf: «Minigi apym qała varzi?» — demēf. Amasy: «Sē suř na 'kur-i?» — dimēf, — si apyň ūlzi! — dimiř.

Piř kunura amasy su k'u'tmā vāmēf. Avusy çazy piřany joř'šina kořrimif, kōsyn tygnāmiř. Amasy su ku't kiimef. Avusyna: «Kō ař!» — te çixramēf. Avusy kōny piřaž'ux açmeř: «Si uřiň pirne vere!» — tiimiř. Amasy uřin ko ifina viimiř. Ōž'ux kořrgan çazyny amasynigi uřifina xořyrmēf. Inži avusy sormēf: «Mi apym qała varzi? Si jafa!» — dimēf. Amasy uři kōigū jaſamēf: «Si apaňny ažuň ūlterzi!» — diimiř. Inži avusy kōsyn ařmēf.

Piř kunura avuž'ux apasy miňgen at jāna var' jyřtamiř: «Mi apamni-gi zusyny pořagur, at, sen neçux e'kur?» — dimiř. At jafaži: «Sē izynige iřtine min-de, se kōžu xys-tā tōrengūma! İzy ažuňnige çiriginy t'ō'kini' — t'ō'ki, çillāgin' — çilligi!» — te jaſamiř.

Avuž'ux apasy oĭnagan qyliř jānyňa vār jyřtamēf: «Me apam zusyny pořařur! Sen neçux e'kur?» Qyliř ka'č'a jafaži: «Se miny uřiňa ž'ūt-ta, iň kūzyň xystyřō. Men eřse — peřsoř ažuňnige çirygyny č'e'psa, ūlter tořar!»

Atyguna avu a'tny eđerle, qyliřny a'tnigi jānyňa tāxy, atyn mine až'u-syn kōsyna varzi. Avuž'ux çixraži: «Vusyn-ažu, çix-ty gé, sinyge otys sy-dyr komuřuň akelzi. Minigi apymniği jānyň ver!»

Až'usynige kiçilyx kiĭny çix kelzi. Piř uçırsa, a'tnige purnunden ž'üten çixki' pā, ařzynden o't çixki' pā. Kiçilyx kirpařyř, Vusyn-ažuňa jafaži: «Kō-ta kiçiz'ux avur at minpā, a'tnigi purnunden žücün çixki'pā, ařzynden o't çixki' pā. Avuž'ux jařeř: «Sinige otus sydyr kōmuřne akelzi. İzynige apasynige jān'yn ver tepā!»

Vusyn-ažunige ařyř kelzi. Uřlylyxqa jafaži: «Se vār-ta avuž'uxka jafa — saņa xal vosā, tūzā jūr (// jōř), me kige-te vaxja!» Vusyn-ažu peř meň çerixne pařtaži, tūzā varzi.

Avuž'ux açu, quliř, ifkysyna, jafaži: «Pugun ifkysyň qūř çixyřū kele-gār!» A't ma qyleř jafaži: «Avu, se xorgaquma, me ifkysym vāra!» — teži.

Avu a'tnigi eđer iřtinda (// iřtina) minži, qyliřni uřina ž'ūž'ce, kū-zyň xysci. A't çirek jānyňa jukurzi. A't t'ō'kiny t'ō'ž'i, çillāgin çillāzi. Qyleř eřse-peřse č'e'pž'i, peř miň çirekne ūlter tořž'i. Vusyn-ažu xorgā: «Qařqur!» — diiže.

Pu avo Vusyn-ažune ž'ūž'ž'e. ž'ūž'ž'ānā Vusyn-ažuňa sorzi: «Sinigi otys sydyr kumuřuňny me viğē, minigi apamniğe jānyňny se veri!» Vusyn-ažu jafaži: «Apaňny mé ūlterzi, apaň jānyň qāten akigur-i?»

Pu avu Vusyn-ažunige sačiny a'tnigi kur^u guna pařtaži, a'tny oĭnaž'ž'e. Vusyn-ažuny saň'sen' osž'i. Pāfin avu izyn ōjina aparzi. Amasy korzi. Kōrgiła avusyna jafaži: «Se ažuň nege ūlterže?» — te sorzi. Pu avunige ařyř kelzi: «Sinigi inyň mi apymny ūlterzi. Se maňa jaſamagar. Se pogon tāy muňa ifkōigā!» Avu qyłařta amasyn bir c'at ūlterzi. Tořž'i.

Перевод

Был дядя — брат матери. У него были две жены. Дядя командует войском. Муж старшей сестры занял у дяди тридцать сыдыров денег. Этот человек впал в бедность и не мог возратить денег. Дядя, [говоря], «не отдает денег», схватил того и умертвил. Его жена была беременна. Родился [у нее] сын. Мальчик достиг двенадцати (лет). Однаж-

ды мальчик играл с детьми. Дети дразнили мальчика. «Ты ребенок, у которого нет отца!» — говорили [они].

Мальчик плача пришел домой. Мальчик спросил свою мать: «Куда ушел мой отец?» Мать: «Ты зачем спрашиваешь? — сказала. — Твой отец умер!»

Однажды мать пошла принести воды. Мальчик накалил немного песку в железной ложке и запер дверь. Мать пришла, неся воду. Крикнула своему сыну: «Открой дверь!» Сын чуть-чуть открыл дверь и сказал: «Дай-ка одну твою руку!» Мать просунула руку в дверь. Мальчик насыпал раскаленный песок на ладонь матери и спросил: «Мой отец куда ушел? Скажи!» Мать, ладонь которой жгло, ответила: «Твоего отца убил твой дядя!» Мальчик открыл дверь.

Однажды мальчик, подойдя к коню, на котором ездил его отец, плача сказал: «Я отомщу за отца! Конь, как ты поступишь (букв. сделаешь)?» Конь ответил: «Садись на меня, закрой глаза и не шевелись! Я сам войско дяди истопчу и искусаю!»

Мальчик, подойдя к мечу, которым сражался (букв. играл) его отец, заплакал [говоря]: «Я отомщу за отца! Как ты поступишь (букв. сделаешь)?» Меч промолвил: «Ты возьми меня в руки, [а] сам закрой глаза. Я там и сям искрошу войско твоего дяди — [всех] уничтожу!»

На другой день мальчик оседлал коня, повесил сбоку коня меч, [сам] сел на коня и поехал к воротам [дома] дяди. Мальчик крикнул: «Дядя Вусын, выйди-ка, [я] привез твои тридцать сыдыров серебра. Верни душу моего отца!»

Появилась младшая жена дяди. Взглянула, а из поздрей коня дым валит, из рта огнем пышет. Младшая жена, войдя, сказала дяде Вусыну: «У дверей маленький мальчик сидит на коне, из ноздрей коня дым валит, из рта огнем пышет. Мальчик говорит, [что] привез твои тридцать сыдыров серебра. Просит вернуть душу своего отца».

Дядя Вусын рассердился. [Он] сказал старшей жене: «Ступай и скажи мальчику, если он чувствует силу, пусть идет в степь, я приду и померяемся [силами]!» Дядя Вусын во главе пятитысячного войска двинулся в степь.

Мальчик сказал коню и мечу: «Сегодня вам обоим придется показать силу!» Конь и меч сказали: «Мальчик, ты не бойся, мы оба здесь (букв. есть)!»

Мальчик сел в седло, взял в руки меч и закрыл глаза. Конь помчался к войску. Конь истоптал и искусал [войско]. Меч там и сям искрошил и полностью уничтожил пятитысячное войско. Дядя Вусын, испугавшись, сказал: «Убегу!»

Мальчик поймал дядю Вусына. Поймав, сказал дяде Вусыну: «Твои тридцать сыдыров серебра дам я, душу моего отца верни ты!» Дядя Вусын сказал: «Твоего отца я убил, откуда [я] принесу тебе душу твоего отца?»

Мальчик привязал волосы дяди Вусына к хвосту коня. Коня погнал. Дядя Вусын был разорван на куски. Голову его мальчик отнес к себе домой. Мать увидела и спросила сына: «Ты почему убил дядю?» Мальчик рассердился: «Твой брат убил моего отца. Ты мне [ничего] не говоришь. Да вот еще жалеешь [брата]?!» Мальчик взмахнул мечом и убил свою мать. Конец.

(Ха Ки-му, мужч., 32 лет, род. в сел. Уджирем, служащий.
Записано в сел. Уджирем 17 июня 1957 г.)

Текст

Piř pař kiřuř vumiř. Aña oγuř iřke vumiř. Uñısy sätyx etpà, kiřisy řu oxupà.

Kiř'ısy kiř met à (<met ira). Her kune řò uxmä var'sa, řou-fe ja'ten-kuçi tõiřà. Piř kunera pu ò sumurłazi: «Łu-fe her kune mini tõiřer, mem muņa hejřur ekku keligà».

Piř kunura mōhkenda řo-ři čařtařan jerinde uřin tařyř'xusy ahyřne piř-kuřta xyrřa, řatyřmaz'ux e'miř. Pu ahyřa avu izynige ätyny piřte, ki' miř. Piř kunera řou-ři mōhkena č'ařtamà vamiř. Vu ahyřa täxyřmiř. Čyř č'ařtařanda ahyř sunmiř, řou-ři poři iřina ř'iç pamiř. Ahyřa piř uçırs'ã, avu-ř'uxnige äty piřtipà.

Ło-ři čixkilř'anã uxuči pařařa jařa pu avuny ř'ũ'miř. Ło-ři poiřara-gyn äliřmiř. Pařařar'ne jyřmeř. Ło-ři jařameř: «Pugun mō'kenda pu avu me't e'miř. Mem mō'ken iřina ř'iç'parři, munigi ondořuna panzy elli vu-řu kelegà!»

Pařeřer man jařazi: «Mun' tõiřã, ira!» — tiři. Pu avu k'ača jařazi: «Me ese, mini elli vuř, me e'mese, řou-řinny elli vuřguř!» Pu avu nene jařazi: «Pu maņa me't e'tpà. Ahyřni me xyrřasa, mi äty m piçtimäs. Maņa me't e'kuçi vara!» Pařyřar man jařazi: «Pu avu jařagany li-syř irà, tõi vōmařa!» — tiř ři. Pu avu řou-řinny elli vuřři.

Jařy řiř kirkelři. Pařeřer myř tařy'ři. Avuřa kiin alři. Ař kiigen kiçısına kiiny janynda ja'ři. Ēısy ěř'ũ xuz'ři, kiiny nige òjına varři. Apasyna-amasyňa jařazi: «Si anyř zıřju emesar. Si anyř mi òjimda kiřã tořři, inři nečux e'kur?»

Äpäsı-ãmäsı jařazi: «Kuřo, tuřsã, nečux e'kur?» Pu avu jařazi: «Sōtãna, seler řilimäsã, mi òjına vaxmä vara!»

Pu avu òjına varři, kiinyňa jařazi: «Sōtana me kezme vauř, se kony tyřna, jeřgunige kicci pařasyn äř-dy ge, se xocuxřa-da òi iřinda otır-da řa! Me ki' gutãna koten čixrař'a, se pařanige onduřuna zimde. Pu pařa syqyřasa, ihiřořa řün'ři ki' por. Jyřřamasã, řün'ři kiiořtyr (<kił jořtyr!»

Pu avo keřligina kiinyňu òjına varři. Apa-amasyň pařta kelři. Kōsına jic'i. Avu kiinyň čixraři. Kiiny pařanyn ondořun e'imdiři. Pařa zyqyřaři. Apasy-amasy izynigi anasy tořmyř te xorgaři. Pu avu apasy-amasyňa jařazi: «İřkysyň vař! Ēısy vaxà!»

Ēısy avu kiinyň òjına varři. Amasy sorři: «Koho, ničux e'kur?» — diři. Pu avu jařazi: «Sen iřkisyň čex řigurmu? Heli vi' gür!»

Amasy jařazi: «Sen men iřkysymny tõiřuma! Naň kelese, viigè!» — tiři. Pu avu jařazi: «Ätux kelemes. Ař pōz iřki banzy keligür!»

Amasy pu pōzni varři. Avuř'ux any ř'ũze, vusřařan řořna òjına varři. Kiinyňa jařazi: «Amyň ūlmiř, negenř'ux ax tıx, ěısyňy sēnyř usa'mã vara».

Kiiny ax tıřři. Ēısyňa pu avu kiinyňige k'u'řin xoxoř iřina qara qoř. ři. Kiiny řün řuři. Qarany k'u'řinter te sařanři. Axny kiři. İřkisy pařmu-řyňa varři. Kōsına řiř parři. Pu avu ilına varři, amasyňa jařazi: «Sinigi anyř tiřilmiř. Jořden ki' pà, in vax-ta ge!»

Avu piř tiřaņa vamiř. Amasy řořa vaxmä vamiř. Anasy: «Ama!» — de jařřamiř. Amasy anasy: «Tiřiltu?» — dimiř. İnři amasyň òjına vamiř iřkysy. Amasy k'ohusy jemen kiřa te anasyň veřmemēř. Tosři.

Был один богатый человек. У него было два сына. Старший (*букв.* большой) торгует, младший (*букв.* маленький) учится.

Младший — человек дурного [права]. Каждый день во время ученья учитель без [всякого] повода колотит [его]. Однажды юноша подумал: «Учитель каждый день меня бьет, надо и ему сделать [что-нибудь] плохое».

Однажды в уборной, которой пользовался учитель, юноша подпилил пилой деревяшку, за которую держался [учитель], вот-вот [она] сломается. На деревяшке написал свое имя. Как-то учитель пошел в уборную. Схватился за деревяшку. Деревяшка сломалась, и учитель полетел вниз. Посмотрел на деревяшку: [на ней] написано имя юноши.

Выбравшись [наружу], учитель [с помощью] ученика поймал юношу. Учитель переменял одежду. Собрав детей, учитель сказал: «Сегодня в уборной этот юноша причинил [мне] зло. Я упал вниз. Ему надо дать пятьдесят ударов!» Ребята все сказали: «Его побить — хорошо!» Юноша промолвил: «Коли я [это] сделал, мне всыпьте пятьдесят, коли не я [это] сделал, учителю всыпем пятьдесят!» Еще юноша сказал: «Этот на зло мне делает. Если бы я подпилил деревяшку, я не написал бы свое имя! [Он] мой мучитель!» Ребята все сказали: «[То, что] сказал парень, правда, нельзя [его] бить!» Юноша всыпал учителю пятьдесят [ударов].

Наступил новый год. Все ребята разошлись. Юношу жепили (*букв.* взяли жену). В ту же ночь, как привели жену, [юноша] лег с ней. Утром рано [он] встал и отправился [в дом жены]. [Придя], отцу и матери [жены он] сказал: «Ваша дочь не певинная. Вчера в моем доме ваша дочь родила. Что же будем делать?!» Юноша сказал: «Если вы не верите, приходите вечером ко мне домой посмотреть!»

Юноша отправился домой и сказал жене: «Вечером я пойду погулять, ты запри дверь, принеси маленького ребенка невестки, возьми (*букв.* обними) [его] на руки и сиди дома. [Когда] я приду, покричу у дверей, ты ущипни ребенка. [Если] ребенок заорет, нам с тобой выпадет (*букв.* придет) счастье! [Если он] не заплачет, счастья не будет (*букв.* не придет)».

Вечером юноша пошел в дом жены. Повел отца и мать [жены]. Добрались до дверей [дома юноши]. Юноша крикнул жене. Жена в это время ущипнула ребенка. Ребенок закричал. Отец и мать, убедившись (*букв.* сказав), [что] их дочь родила, испугались. Юноша сказал отцу и матери [жены]: «Ступайте! Завтра посмотрим [что делать]!»

На следующий день юноша пошел в дом жены. Мать [жены] спросила: «Зять, что делать?» Юноша сказал: «Хотите ли вы оба отведать палку? [Или] дадите денег?» Мать [жены] сказала: «Ты нас не бей! Что хочешь, дадим!» Юноша сказал: «Лишнего не хочу. Мне надо два тюка белой бязи!»

Мать [жены] дала эту бязь. Юноша взял ее и, притворившись грустным, пошел домой.

Жене [он] сказал: «Твоя мать умерла, быстро шей белый [траурный наряд], завтра пойдем хоронить (*букв.* провожать кости)».

Жена сшила белую [одежду]. На другой день юноша положил в коробку с пудрой жены сажу. Жена вымыла лицо. Попудрилась сажой, думая (*букв.* сказав), что [это] пудра. Надела белое [платье]. Оба (*т. е.* юноша и жена) отправились в семью жены. Достигли дверей [дома]. Юноша прошел вперед и сказал матери [жены]: «Твоя дочь сошла с ума. Идет по дороге. Иди сама и взгляни!»

Юноша куда-то скрылся (букв. ушел). Мать пошла посмотреть. Дочь [се] плакала, говоря: «Мама!» Мать сказала дочери: «[Ты] сошла с ума?» Обе отправились в дом к матери. Мать не отдала [больше] дочь, говоря, [что] зять плохой человек. Конец.

7. *МУНГЫСКАРДЖАХ. I (ТОМБАХ)

(По словам рассказчика, это тибетская сказка, услышанная им от саларов)

(Хе Ли-лу, мужч., 30 лет, род. в сел. Уджирем, служащий.
Записано в сел. Уджирем 15 июня 1957 г.)

Текст

Piř bösyř vumēř. Ninusur vumēř. Anur vumēř. Posy ma ninusy, iřkysy, her kuni taqqa č'öp ormā vāpā. Var'sa, jořta arxur vāra. Ařında su kiř pā. Anden elsā ūtparsa, ōzenur vāra. Ōzen iřina su kiřpā. Anden elsā var'sa, taqqa jipā. Oryx č'ū'ny ur'kiřpā. Tāryx č'ū'ny tar'v kiřpā. Janganda ōzen suny māny kiřpā. Āruř suny a'tta kiřpā.

Anasynige ař'iny Tutyrja čařapa. Apāsy kōny tařnař'anā syřtapā. Apāsy-amāsy kōsynā kiř'anā anasyny čařtapā. Čařtas'a, pelege čařtapā:

Tutyrja, kōne ař!

Apa kelzi, ama kelzi,

oryx č'ū'ny ur kelzi,

tāryx č'ū'ny tāry kelzi,

ōzen suny māni kelzi,

āruř suny a'tta kelzi,

Tutyrja, kōne ař!

Tutyrja kōne ařmiř. Apasy-amasy ōjina kir'kiřmiř. Piř kuna apāsy ōlmiř. Amāsy tařqa č'öp ormā vāmiř. Vu tiřanda Muřas-qarjař piř vāra. Muřysqarjař anař'uxnige amāsyna pellenmēř. Anař'uxnige kōsyna kiř miř. Kiř'anā anař'uxny čařamēř:

Tutyrja a, kōny ař!

Ama kelzi, oryx č'ū'ne ury kelzi,

tāryx č'ū'ne tāry kelzi,

ōzen suny māni kelzi,

āruř suny a'tta kelzi!

Eteř'anā jeřyan čexmiř. Tutyrja kōnige arāšinten ućirmēř. Ućiř'anā jařamēř: «Sen menige amym emesa, mi amym ařař'uxtyř, sē qarāř'uxā!»

Muřysqarjař jan'meř. Jan'zānā ař toryx iřinta pařtanmeř. Nene anař'uxnige kōsyna kiř meř. Kiř'anā čařamēř. Anēř'ux kōnyge arāšynten ućirmēř. Amasy eřny emeskiny pilmemēř, kōny ařmēř. Ař'anā izu ōi iřinta kuřy jūřinta jařinmiř.

Muřysqarjař ōi iřina kirpāmēř, anař'uxne iřtimēř. Iřteř'anā ta'māmēř. Jātāgutānā kuřy iř'ina zogzāmēř. Kuřy jūřinda anař'ux xor'hamiř. Xorhagutānā usyramiř. Muřysqarjař pilmiř. Pil'z'anā kuřyny almiř. Anař'uxny ř'ummiř. ř'ūř'z'anā jimiř.

Amāsy tařdan kiř miř. Kelse, Muřysqarjař ōjynda o'tpā. Amāsy xorgāmiř. Muřysqarjařqa sormiř: «Sen menige ōjimda na'ti por? Mi anař'ugum qāta varzi?» Muřysqarjař jařamiř: «Sinige anař'ugurj mē jizi, sōtānā mē sen-te jiř gur» — teř'anā vāmiř.

Amāsy č'öpne ōjinta qoiř'anā tāřina jyřta-jyřta vāmiř. Varz'anā jořta jiginūr kōrmiř. Jig'ne k'ačā jařamiř: «Ninō, sen nēgē jařtapor?» — tiř miř. Ninusy jařamiř: «Iřynige anāsny Muřysqarjař jiř miř, sōtana izyn'dā jiř»

gur!» — tiše, — ele'ku jyřapor». Jigenä jafämif: «Jyřtaquma-a-a, sötana mä saŋ'a jöp o'qá».

Ninusy «ja!» taz'anä nene jürmif. Jořtä pizur kórmif. Piz ninusyna sormif. Ninusy jö'än iligi k'ača kagy jafämif. Piz ninusyna jafämif: «Jyřtaquma-a-a! Sötänä izer tišep o'ma ki'ge», — dimif.

Ninusy «ja!» taz'anä jürmif. Jořta senzür üčramif. Ninusyna sormif. Ninusy jöaň ilige k'ačany jafämef. Jafägudänä senzy ninusyna jafämif: «Sötänä izer tišep ki'ge», — dimif.

Ninusy «ja!» taz'anä jürmif. Jürz'anä jořta jumotor üčramef. Ninusyna sormif: «Sen nēgē jürapor?» — dimif. Ninusy jöän iligi k'ačany jafämif. Jumotä ninusyna jafämif: «Sē jyřtaquma-a-a! Sötänä izer tišep ki'ge», — de'imif.

Ninusy «ja!» taz'anä jürmif. Jürz'anä jořta pagor üčramif. Pagaž'ux ninusyna sormif. Ninusy jöän iligi k'ačany jafämif. Pagaž'ux ninusyna jafämif: «Se jayřtaquma-a-a! Sötänä izer tišep ki'ge», — demif.

Ninusy «ja!» taz'anä jürmif. Jürz'anä jořta qořkor pir koř kormif. Ninusyna sormif. Ninusy jöän ilige k'ačany jafämif. Qořkor pir kořy ninusyna jafämif: «Sē jayřtaquma-a-a! Sötänä izer tišep ki'ge», — dimif.

Ninusy «ja!» taz'anä jürmif. Jürz'anä jořta čaryx tezexur kórmif. Čaryx tezex ninusyna sormif. Ninusy jöän ilige k'ačany jafämif: Čaryx tezex ninusyna jafämif: «Se jayřtaquma-a-a! Sötänä izer tišep ki'ge», — dimif.

Ninusy «ja!» taz'anä jürmif. Jořta töjixur kórmif. Töjex ninusyna sormif: «Sen nēgē jayřapor?» — temif. Ninusy jöän ilige k'ačany jafämef. Töjex ninusyna jafämif: «Se jyřtaquma-a-a! Sötänä izer tišep ki'ge», — dimif.

Ninusy «ja!» tiž'anä izynige öjina jan'mef. Öjina kilz'anä keřligina vuler jořta köginy naňkisy ki'mif. Kilz'anä pučösy ninusyny syřtämif. Jigine ninusynige pařinta syřtämif. Piz ninusynige xusařynda syřtämif. Senzy ajeğynda syřtämif. Jumotä öčyxřinda (<očax řinda) syřtämif. Pařa sučyx řinda o'mef. Kořkor biř kofe kö ätynda syřtämef. Čarex tezex ötex jüřinda syřtämef. Töjex kö pařinda syřtämef.

Keřligina Muňysqarjax ki'mif. Ninusyna sormif: «Nino, me sine qäten jü'gu?» — de'imif. Ninusy jafämif: «Se miny qäten jü'sa, jü'!» — dimif. Muňysqarjax ninusynige «pařinden jigur!» te'imif. Jignä Muňysqarjaxnige ařyza jüřtämif. «Xusařynden jigur!» — de'imif. Piz Muňysqarjaxnige ařyza jüřtämif. «Ajařynden jü'gur!» — de'imif. Senzy totařyny selli'mif. Muňysqarjax o'taxqa č'öp ałmä vämif. O'luxta jövä pařina jořtämif. O'tcyx řinta o'ny Muňysqarjax furmef. Jumotä pätamif. Muňysqarjaxnige kuzina toryx vämif. Muňysqarjax sučyx řina: «Jüzyn jugur», — te'imif. Pařa zampäsyna šöřtämif. Muňysqarjax xoręgyž'anä qařmif. Qařz'anä kö jan'nda č'aryx tözexka töjinz'anä kulenmif. Xot kilz'anä: «Qařqur!» — dimif. Qořqur biř qořse sü'ž'anä kulendermif. Kö pařindağy tölex čixkilz'anä üldermif. Ülderz'anä vuller neňkisy syřtaguče tařalmif. Ninusyna jüřtämif. Tosmef.

Перевод

Были некие старик и старуха. [У них] была дочь. Старик и старуха вдвоем каждый день ходят в горы косить траву. На [их] пути арык. В нем течет вода. После него речка. В ней вода бежит. Если [речку] перейти, достигнешь горы. [Старик и старуха] серпом траву косят, граблями траву собирают. При возвращении [домой] речку вброд переходят, арык перешагивают.

Их дочь зовут Тутырджа. Она, заперев дверь, сторожит [дом]. Отец и мать, придя к дверям, зовут свою дочь. [Они] зовут так (поется):

«Тутырджа, открой дверь!
Отец пришел, мать пришла,
серпом траву накосили,
граблями траву собрали,
речку вброд перешли,
арык перешагнули.
Тутырджа, открой дверь!»

Тутырджа открыла дверь. Отец и мать вошли в дом. Однажды отец умер. Мать [одна] отправилась в горы косить траву. В этой местности живет (*букв.* есть) Мунгыскарджах. Мунгыскарджах принял образ матери девушки и пришел к ее дверям. Придя, [он] позвал девушку (поется):

«Тутырджа-а, открой дверь!
Ма-а-ать пришла,
серпом траву накосила,
граблями траву собрала,
речку вброд перешла,
арык перешагнула».

Говоря так, [он] лгал (*букв.* тянул ложь). Тутырджа посмотрела в дверную щель. Посмотрев, сказала: «Ты не моя мать. Моя мама беленькая, [а] ты черный!»

Мунгыскарджах ушел (*букв.* вернулся). Покатался в бел[о]-ватой] пыли и снова пришел к дверям девушки. Придя, позвал [девушку]. Девушка посмотрела в дверную щель. Не узнала, что [это] не (*букв.* есть или нет) ее мать, и открыла дверь. Сама спряталась дома под мерой для зерна.

Мунгыскарджах вошел в дом и [начал] искать девушку. Не нашел [ее]. Устав, [он] сел на меру для зерна. Под мерой [сидевшая] девушка испугалась и издала звук. Мунгыскарджах узнал [ее]. Поднял (*букв.* взял) меру и схватил девушку. Схватив [ее], съел.

Пришла мать [девушки] с гор. Пришла, а в ее доме сидит Мунгыскарджах. Мать испугалась. Спросила Мунгыскарджаха: «Что ты делаешь в моем доме? Куда ушла моя дочь?» Мунгыскарджах ответил: «Твою дочь я съел, на ужин и тебя съем!» Сказал [так] и ушел.

Мать, положив дома траву, плача вышла наружу. Выйдя, увидела на дороге иглу. Игла промолвила: «Старушка, ты что плачешь?» Старуха сказала: «Мою дочь Мунгыскарджах съел, на ужин и тебя съем, говорит! Поэтому и плачу». Игла сказала: «Не плачь! Вечером мы с тобой вдвоем посидим».

Старуха, сказав «да!», пошла дальше (*букв.* опять). В пути [она] увидела шило.

Шило спросило старуху. Старуха, как и раньше, ответила теми же словами. Шило сказало старухе: «Не плачь! Вечером приду с тобой посидеть вдвоем».

Старуха, сказав «да!», пошла [дальше]. В пути [она] встретила ножницы. [Ножницы] спросили старуху. Старуха ответила прежними словами. Ножницы сказали старухе: «Вечером придем к тебе [посидеть] вдвоем».

Старуха, сказав «да!», пошла [дальше]. Идя, в пути [она] встретила яйцо. [Яйцо] спросило старуху: «Ты почему плачешь?» Старуха ответила прежними словами. Яйцо сказало старухе: «Ты не плачь! Вечером приду к тебе [посидеть] вдвоем».

Старуха, сказав «да!», пошла [дальше]. Идя, в пути [она] встретила лягушку. Лягушка спросила старуху. Старуха ответила прежними словами. Лягушка сказала старухе: «Ты не плачь! Вечером приду к тебе [посидеть] вдвоем».

Старуха, сказав «да!», пошла [дальше]. Идя, в пути [она] увидела пару баранов. [Бараны] спросили старуху. Старуха ответила прежними словами. Пара баранов сказала старухе: «Ты не плачь! Вечером придем к тебе [посидеть] вдвоем».

Старуха, сказав «да!», пошла [дальше]. Идя, в пути [она] увидела жидкий кизяк. Жидкий кизяк спросил старуху. Старуха ответила прежними словами. Жидкий кизяк сказал старухе: «Ты не плачь! Вечером приду к тебе [посидеть] вдвоем».

Старуха, сказав «да!», пошла [дальше]. В пути [она] увидела каменный валик для обмолачивания пшеницы. Валик спросил старуху: «Ты почему плачешь?» Старуха ответила прежними словами. Валик сказал старухе: «Ты не плачь! Вечером приду к тебе [посидеть] вдвоем».

Старуха, сказав «да!», пришла (*букв.* вернулась) к себе домой. Вечером те, которых [она] видела в дороге, все пришли. Придя, они все [стали] охранять старуху. Игла охраняла старуху на голове. Шило охраняло старуху на животе. Ножницы охраняли [старуху] у ног. Яйцо охраняло [старуху] в очаге. Лягушка села в чан для воды. Пара баранов охраняла [старуху] за дверью. Жидкий кизяк охранял [старуху] у порога. Валик охранял [старуху] под дверью.

Вечером пришел Мунгыскарджах. [Он] спросил старуху: «Старуха, откуда тебя есть?» Старуха ответила: «Где хочешь, там меня и ешь!» Мунгыскарджах сказал: «[Начну] есть с головы старухи!» Игла кольнула губы (*букв.* рот) Мунгыскарджаха.

«[Начну] есть с живота!» — сказал [Мунгыскарджах]. Шило кольнуло губы (*букв.* рот) Мунгыскарджаха. «[Начну] есть с ног!» — сказал [Мунгыскарджах]. Ножницы вонзились в губы [Мунгыскарджаха]. Мунгыскарджах пошел в сеновал взять сена. На сеновале вилы свалились на его голову. Мунгыскарджах дунул на огонь в очаге. Яйцо лопнуло и залепило пылью глаза Мунгыскарджаха. Мунгыскарджах сказал: «Вымою лицо в чане!» Лягушка ударила [его] по щеке. Мунгыскарджах, испугавшись, убежал. Убегая, он поскользнулся о жидкий кизяк у очага и упал. Встав, сказал: «Убегу!» Пара баранов боднула [его] и свалила наземь. Валик сорвался с двери и убил [Мунгыскарджаха]. Все охраняющие разошлись. Старуху [они] спасли. Конец.

8. * ГЛУПЫЙ ВОЛК (ТОМБАХ)

(Ха Ми-ду, мужч., 40 лет, род. в сел. Уджирем, крестьянин.
Записано в сел. Уджирем 18 июня 1957 г.)

Текст

Puře vumēf. Goł t'ü'ne kiimif. A'tur kormēf. A't palčyx ifina tyxytmēf.
Puře a'ta jafazi: «A't, men seni jegâr a!» — ti'zi.

— Meni piligi jina'kur i? Palčyx ifinden meni sūr^o te tařinda ji! — dimif.

Tāřina sūr^omēf. Tāřinda a't jafazi: «Menigi peřjexemni āryt^y sen je!»

A't puřeni biř t'ö'zi. A't qařzi. Puře jan'fazi: «A'tni palčix ifinda (// ifinden) sur'gen kuřli puři, a'tnigi palčagyn āry'qan āřy puře, a'tnigi řařařyn řegen iřkin puřa. Toszi.

Перевод

Был некий волк. Пришел [он] к низовью горной речки. Увидел коня. Конь увяз в грязи. Волк сказал коню: «Конь, я тебя съем, а?»

«Зачем есть меня такого? Вытащи меня из грязи и на воле (букв. снаружи) съешь!» — сказал конь.

[Волк] вытащил [коня]. На воле (букв. снаружи) конь сказал: «Очисти меня от грязи и ешь!».

Конь вдруг (букв. раз) лягнул волка и убежал. Волк сказал: «Коня из грязи вытащивший — сильный волк, коня от грязи очистивший — чистый волк, от коня получивший (букв. съевший) ослеуху — жалкий волк!»
Конец.

9. * ЗАЯЦ И МЕДВЕДИЦА (ТОМБАХ)

(Ха Ми-ду, мужч., 40 лет, род. в сел. Уджирем, крестьянин.

Записано в сел. Уджирем 18 июня 1957 г.)

Текст

Piř ätyx vumēf. Tořjanur vumēf. İfkysy zuma qazymēf. Ätyx zuma sön-sön çyxki'gu jimif. Töšen zumane jimimēf. Keřligina, İfkise jan'mēf. Ätyx töfen(n)ä jafazi: «Zumany maņa piņa veř!» Piņa varzi. Ätyx jizi. Nene kelizi zuma. Töfen vemizi. Ätyx jan'fazi: «Sen ver'se, veř! Vēmese, men sene jigurl»

Töfenne ätyx jizi. Töšennigi pařine ätyx pařasyna akelzi. Ätyx, pařasyna jan'fazi: «Änigi pařini sen jel Töšennigi pařasyna jafaquma!»

İnzi töfen pařasy ätyxqa sorzi: «Mini amÿm qařa varzi?» Ätyx jafazi: «Men kormizi!»

— Pöxtä İfkysyğ piřořuga varzi, menigi amÿm kēmi'zi!

Töfen pařasy ätyxnige pařasynе çallazi: «Eheřo zuma qaz'mā vařař!» İfkysy varzi. Töfen pařasy ätyx pařasyny űlderzi. Töfen qařz'i. Ätyx İjasy töfenni qořazi. Töfen qoř arasyна varzi. Ätyx qoř k'o'kuçiga sorzi: «Töfenni kortu?»

— Kormizi!

— Sen jafasa, jan'fal Jan'famasasa, men seni jigurl

— Qořini arasynda piř vax!

Töfen qařmif. Töfen pugu jänyna varzi. Töfen puguga jan'fazi: «Sen meni jäřirgu jery vösa, piř jäřir! Ätyx mini amÿmny jizi, meni ham jigurl tepa!»

Puřu töfenni jäřirzi. Ätyx kelzi, puguga sorzi: «Sen töfenni korto?»

— Kormizi!

— Sen jafäsä, jefal Jefamasasa, men seni jigurl

Pugu jafamaži.

— Sen mini jisa, jel

Ätyxny muğäřta piř suřz'çe. Ätyxne űlterzi. Töfen jänyny culaži.

Tombax anda qalzi. Toszi.

Перевод

Были медведица и зайчиха. Обе выкапывали сладкий корень. Медведица выкапывала корень и тут же съедала [его]. Зайчиха корень не ела. К вечеру обе они [решили] вернуться [домой]. Медведица сказала зайчихе: «Дай мне корня немного!» [Зайчиха] дала немного [медведице].

Медведица съела. [Потом] опять попросила корень. Зайчиха не дала. Медведица сказала: «Дашь, так дай. Не дашь, я тебя съем!»

Медведица съела зайчиху. Голову зайчихи медведица принесла своему детенышу. Медведица сказала детенышу: «Съешь ее голову, но зайчонку не говори!»

Вот зайчонок спросил медведицу: «Куда ушла моя мама?» Медведица ответила: «Я не видела!»

— Сегодня утром вы вместе пошли, [а] моя мама не пришла! [— сказал зайчонок].

Зайчонок пригласил медвежонка: «Пойдем вдвоём копать корень!» Оба отправились. Зайчонок убил медвежонка. Заяц убежал. Мать медвежонка погналась за зайцем. Заяц забежал к овцам. Медведица спросила пастуха овец: «Ты видел зайца?»

— Не видел! [— ответил пастух].

— [Хочешь] говорить, [так] говори! Не скажешь, я тебя съем! [— сказала медведица].

— Посмотри среди овец! [— сказал пастух].

Заяц убежал. Заяц направился к оленю. Заяц сказал оленю: «Если у тебя есть место, где меня спрятать, [то] спрячь! Медведица съела мою мать и меня намеревается съесть!»

Олень спрятал зайца. Пришла медведица [и] спросила оленя: «Ты видел зайца?»

— Не видел! [— ответил олень].

— [Хочешь] говорить, [так] говори! Не скажешь, я тебя съем! [— сказала медведица].

Олень не выдал (*букв.* не сказал) [зайца].

— [Хочешь] есть, так ешь меня! [— промолвил он].

И вдруг (*букв.* раз) пырнул рогами медведицу и убил. [Так он] спас жизнь (*букв.* душу) зайца. Сказка там осталась. Конец.

10. АГУ КАРАДЖИ. I (ТОМБАХ)

(Ту Да-гу, женщ., 56 лет, род. в сел. Уджирем, домохозяйка.
Записано в сел. Уджирем 19 июня 1957 г.)

Текст

Oxtā baḡasyř vumēř. Ninusuř vumēř. Avu jic'i vāra. İnzı ana pıřz'ux vāra. Anasyņige ātyny Agu Karađı çařapā. Agu Karađıga kufu iřteřāmēř apasy. Anda mař k'o'ken pıř avur kōrmeř.

— Avū, sen mađa ořuř vořtořu! dimıř. İnzı avuz'uxny Agu Karađıga k'ufu apasy bařta kiımēř.

— Öje je'z'i mu? avu boḡsyna dimēř. İnzı öje je'z'z'i.

— Pıřıņıgı öi pazar — t'ūgu, öje je'z'i! el dimıř.

— Avu, pıřıņıgı öi iter!

— Apa, sıņıgı pazaryđa quřaq jořara? — dimeř. İnzı öjına je'mēř. Apasy Agu Karađıga: «Ana, sađa kufur akiımıř! — dimeř. İnzı Agu Karađı: «A-a, apa, sađa jořda nađ dira?» — di ĩmēř.

— Sıņıgı pazaryđa quřaq jořa? — dimeř. İnzı Agu Karađı apasyňa: «Apa, sen kamagura, pazaryđa quřaq jořa — öjıņda iřt jořa digen'era! — dimeř. Agu Karađı apasyňa: «Ara, avuz'ux sūlor, sen kamaguar, kakařer any ũltergā pa!» — dimeř. İnzı xorgymıř. Tařında iř e'mıř.

Agu Karađı jogumusunden her kunc ař vijüımıř (< veri jürmiř). Jogumu jořda qořusyn iřmiř, susyny aparmiř. Komeř emexņıgı ĩřymyny jeımiř, ĩřymyny apāmiř. Avunıge ātyny Kuzkur-ořřān çıřramıř. Jogumuga el deı-

mif: «Agu Karaĵiga jaſatoŷo-on beſnigi keĉisindiĝi aĵ ĵarym tuĵar, on aĉc'-ynigi keĉisindiĝi ĵiltis sirixer! te jaſatuŷu!»

Ĵnzi jogumu dĵina kilmif.

— Aze, Kuzkur-oĵĵān jaſapa — on beſnigi keĉisindiĝi aĵ ĵarym tuĵar te pa, on aĉc'-ynigi keĉisindiĝi ĵiltis sirixer tepal

Āgu Karaĵi jogumusuny uhremif: «Aſni iſmifoĵ, susyny hāmifoĵ, emexni ĵarym ĵemifoĵ!» — te ŷhremif.

— Ĵnzi, jogumu, sen var-ta Kozkur-oĵĵāne vaĵ-ta jaſatuŷu: ĵnzi a'tni iſinda jaĵi a'tny taĵna-da, pō iſinda jaĵi pōny taĵna-da niĵgenz'ux qaſ! Ĵic'i kaka dōreten qyĵri kiĵpa. Enſeden pō vur kiĵpa, sini ŷĵtergā. Niĵgen qaſ!

Kuzkur-oĵĵān jaſaĵi: «Sinigi qara saĉiĵny men piĵ kōrgi-ta jaĵŷŷ!» — dimeſ.

Agu Karaĵi jaſamif: «Kōrgu neme joĵtyr! Q'ara a'tnigi kuruguna ŷĉŷr-da jan!» — dimeſ.

Kuzkur-oĵĵān jaſameſ: «Sinigi kōmūſ ĵŷzŷĵni bir kōrgi-ta janinal!» — diĵmif.

Ĵnzi Agu Karaĵi jaſameſ: «Kōmāſ ĵŷzŷm kōrgŷ neme joĵtyr. Om beſnigi keĉisindiĝi aĵny ŷĉŷr-de jan!» — dimeſ.

Ĵnzi Kozkur-oĵĵān qaſmif. Kakasy ĉosy qōĵapor, ŷĵtermif. Ĵnzi Agu Karaĵi: «Eſ-ſ, minigi apym iſti kigen kufu, kiſi paĵasyn ŷĵtermifoĵ!» — te senigin iſte pāmif. Paŷsor kōrmeſ: «Pavō, Kuzkur-oĵĵān qāta ŷĵtermeſ, qarĵa — quzŷun qāta ilānpā?» Paŷsy jaſameſ: «Tŷ, taſ ĵŷĵinda ŷĵtermeſ, qarĵa — quzŷun anta ilēnpā!»

Ĵnzi Agu Karaĵi jaſamif: «Sinigi o'toĵ ata pellengi-te min-de varioĵ!» — dimeſ. Agu Karaĵi piĵ ŷĉŷrsa, o'toĵ ata pellenmif. Poŷy mine vāmif. Ante iline varsa, axun bir qoſ kōrmif.

Agu Karaĵi el dimeſ: «Axun, sentuĵ iſki jaſa! Kozkur-oĵĵāne āſina qoĵŷŷ! Se iſkysynĵigi sandugi qaſsy ili ĉix kiſsa, maĵa iſy taĵna!» — dimeſ.

Piĵ kiſnigi iliz'ux ĉixkiĵmif.

— Men vaĵqŷju! — Sanduĵ iĉina kirpāmif.

— Ĵnzi Kozkur-oĵĵāne sinigini sanduĵ iĉina qoĵal-ŷ! — dimeſ.

Ĵnzi qoĵmif. Agu Karaĵi «Kozkur-oĵĵāni sinigi ornaſpa mo?» vaĵqŷ kirpāmif. Ĵnzi iĉinden ĉixkiĵmimif. Axun iſkisy pile piĵ ŷĉŷrse, zaĵyr ĵirigi aŷzyna qatamif ta Agu Karaĵi ŷĵmif. Axunz'ux iſkisy il dimeſ: «E-e-e, pu jaĵz'ux anaz'ux piligi ŷĵto: ŷĵiŷto iſy tanyĵmatol! Sanduĵny soĵaĵa te, ĉōi-gata vāra!» — dimeſ.

Tombax anta qalmif. Tosmif.

Перевод

Давным-давно были старик и старуха. [У них] — семь сыновей и только одна дочь. Девушку зовут Агу Караджи. Отец отправился искать для Агу Караджи жениха. В одном месте (*букв. там*) [он] увидел юношу, который пас скот.

— Мблodeц, будь мне сыном! — сказал [отец Агу Караджи]. Вот он повел юношу — жениха для Агу Караджи.

— Добрались ли мы до дома? — спросил юноша старика. Вот [они] добрались до дома.

— Стены нашего дома вон там! Домой [мы] добрались! — так сказал [отец Агу Караджи].

— Мблodeц, [вот] и наш дом! [— сказал он].

— Отец, у твоих стен ушей нет? — спросил [юноша]. Достигли [они] дома. Отец сказал Агу Караджи: «Дочь, привел тебе жениха!» Агу Караджи сказала: «Отец, что он сказал (*букв. говорит*) тебе в пути?»

«У твоих стен ушей нет?» — ответил [отец]. Агу Караджи сказала отцу: «Отец, ты — глупец; „нет ли ушей у твоих стен“ означает „нет ли дома собаки?“» Агу Караджи сказала [еще] отцу: «Отец, юноша — умный, ты — глупец, старшие братья его убьют, пожалуй!» [Агу Караджи испугалась. Приняла меры (букв. вне дома дело сделала)].

Каждый день Агу Караджи посылала со служанкой [юноше] пищу. В пути служанка гушу съедала (букв. пила), [а] жидкость относила. Юношу звали Коскур-оглан. [Он] так сказал служанке: «Скажи Агу Караджи: „Месяц на пятнадцатый вечер [только] вполнощину нарождается, звезды на шестнадцатый вечер редкие!“».

Служанка пришла домой.

«Госпожа (букв. старшая сестра), Коскур-оглан говорит: „Месяц на пятнадцатый вечер [только] вполнощину нарождается, звезды на шестнадцатый вечер редкие!“» [— сказала служанка].

Агу Караджи побранила свою служанку: «Пищу ты съела, жидкость отнесла, половину хлеба [тоже] съела!» [Так] говоря, [она] бранила [служанку]. [Еще она сказала служанке]:

«Служанка, ступай посмотри Коскур-оглана и скажи ему: „Выбери лучшего из коней и лучшее из ружей и быстро скрывайся! С юга семь старших братьев идут крича, с севера ружья палят, тебя убьют. Скрывайся скорей!“»

Коскур-оглан сказал: «Посмотрю-ка разок на твои черные волосы и пойду!»

Агу Караджи сказала: «Нечего смотреть. Посмотри на хвост вороного коня и ступай!»

Коскур-оглан сказал: «Посмотрю разок на твоё круглое (букв. лепешка) лицо и пойду!»

Агу Караджи сказала: «Нечего смотреть на моё круглое (букв. лепешка) лицо. Посмотри на месяц в пятнадцатый вечер и ступай!»

Коскур-оглан убежал. Все старшие братья погнались [за ним] и убили [его]. Агу Караджи, говоря: «Жениха, которого нашел мой отец, убили», отправилась искать его кости. [Она] увидела старика. «Папаша, где убили Коскур-оглана, где кружатся вороны?» [— спросила Агу Караджи]. Старик ответил: «Вон, под деревом [его] убили, там вороны кружатся!»

Агу Караджи сказала: «Пусть твой посох превратится в коня. Садись [на него] и поедem!» Агу Караджи раз взглянула, и посох превратился в коня. Старик сел [на него] и поехал. Впереди увидели двух (букв. пару) ахунов.

Агу Караджи сказала: «Ахуны, сделайте два сундука. Положим в один из них Коскур-оглана. Тот, кто раньше сделает сундук, станет моим [мужем]!»

У одного [работа] раньше кончилась (букв. получилась).

— Посмотрю-ка [я]! [— сказала Агу Караджи] и забралась в сундук.

— Теперь положим кости Коскур-оглана в сундук! — сказала [Агу Караджи].

[Кости Коскур-оглана] положили [в сундук].

Агу Караджи забралась в сундук, чтобы посмотреть, поместилась ли кости Коскур-оглана. И не вышла оттуда.

Ахуны посмотрели, [и что же?] Агу Караджи вонзила себе в сердце булавку и умерла. Ахуны сказали [друг другу]: «Э-э-э, так умерла эта красивая девица. Никто из нас не смог стать её [мужем]! Закроем сундук, оставим [его здесь] и поедem!»

Сказка там осталась. Конец.

(Ми Ри-зу, женш., 37 лет, род. в сел. Уджирем, крестьянка.
Записано в сел. Уджирем 20 июня 1957 г.)

Текст

Piř bosyr, aǵa iřki kiřnur vumıř. Piř uřyřyx, piř kiçilix.

Pařa joǵa (// joǵmamiř). ǰar'sy asmane pařa kelemē vāmiř. Asmande oǵuř uř yumēř. Uřisinden kiçi vosa, piřni viř miř. Keleme vaguçi apasy iřkiimiř. Ōsy: «Atykune ēřz'ux kiigi!» — dimeř.

Ēřz'ux pazara piř űçirmiř. Ūçirsä, piř qara perkutur pazara kelz'anā konmiř. Apasy aǵa sü'ni qařna'z'anā appāmiř. Apāǵaty sü' iřina berkut piř qanatyny mänmiř. Apasynigi iřtini bir řařřamiř. Uřyřyn iřtini bir řařřamiř. Kiçiřyx kēmigili o'myř. İhinři qanatyn sü' iřinā mänmiř. Kiçiřyxny poǵunc bir řařřamiř. İnzi uřz'anā vāmiř.

Vu kiçiřyxny řusařyna kiimiř. İnzi řatař řusařy tořmaz'ux vumıř. Uřyřyx any aparz'anā řařda çüřkiřmiř. Vu kiçisy qar jařmyř. Apasy kōřnanmiř. «İnzi kiřny toř űlzi!» — el diř'anā kōřnanmiř.

Atykun apasy ēřz'ux taqqa vaxmā vāmiř. Var'sa, anda qar jařmamıř. Keřny tořmyř. Kiřny avur tořmyř. İnzi kiřny kařamiř. Tař a'kunz'ux tořmyř. Uçiř'ugunda avu tuřmyř. Avusyn öjina akiř miř. Uřina harařmamıř, uřyřxtan řořřamiř. İnzi tiřux iřinda o'mıř.

Muřysqarřyx kiimiř.

— Se avuřny jiř gur! — timıř.

Avusy amasyňa jařamiř: «Se meni āryz'ux řü-ta tez iřina qořtuřu!» — Avusy pařařa pellenmiř.

Amasy: «İnzi çenikuma, men seni ařzyřni iřiz'ugunda qoř quřu. Paqa kiçiř'uxa, eligiz'ux uxtuřu. Muřysqarřax se any uxqur joǵa, eligiz'ux ux quřu!» — dimıř.

Uxqarřy pařa kiři ke pellenmiř. İfte ařzyny asmane asmyř, řüji ařzyny jere qadāmiř. İnzi ante any űltermıř. İnzi ārtynři kiři jejeřmamıř.

Anda tombax qalmiř. Tosz'i.

Перевод

Были старик и две его жены. Одна — старшая (букв. большая), другая (букв. одна) — младшая (букв. малая).

Детей не было. Муж отправился на небо просить ребенка. На небе были три мальчика. Из них (букв. трех) дали [старик] одного младшего (букв. малого). Отец, который [ходил] просить, явился (букв. спустился) [домой]. Сын его сказал: «Завтра рано приду!»

[Отец] рано [утром] взглянул на стену и увидел, что какой-то черный беркут, прилетев (букв. придя), сел на стену. Отец, вскипятив, отнес ему молоко. Беркут окунул в молоко одно крыло и вдруг ударил [им] отца, ударил его старшую [жену]. Пока не пришла младшая жена, [беркут] сидел. [Он] окунул второе крыло в молоко и вдруг ударил [им] по телу младшей жены. Потом улелет.

[С тех пор] младшая жена забеременела. Живот ее раздулся, вот-вот родит. Старшая жена отнесла ее в горы и оставила [там]. Вечером повалил снег. Отец забеспокоился. «Жена замерзнет и умрет!» — так говоря, [он] беспокоился.

На другой день рано-рано отец пошел в горы посмотреть [жену]. Там снега не было (букв. снег не шел). Жена его родила. Родила мальчика. [Она] родила до зари. В конце концов родила мальчика. Принесла

сына домой. Но внести домой не решалась: боялась старшей жены. [Она стала] жить (*букв.* сидеть) в пещере (*букв.* внутри отверстия).

Пришел Мунгыскарджак.

— [Я] съем твоего сына! — сказал [он].

Мальчик сказал своей матери: «Вымой меня и посади (*букв.* положи) на чистую тарелку!»

Мальчик превратился в лягушку.

Мать сказала [Мунгыскарджаху]: «Ты не жуй [только], я положу в твой рот. Лягушка малюсенькая, [ты] проглоти [ее] целиком. Мунгыскарджах, ты не глотай [ее по частям], [а] целиком проглоти!»

Как только [Мунгыскарджах] проглотил, лягушка обернулась человеком.

Верхнюю челюсть (*букв.* рот) [Мунгыскарджаха он] подвесил к небу, [а] нижнюю челюсть (*букв.* рот) к земле прикрепил. И так [его] там убил. Больше [Мунгыскарджах] не мог пожирать людей.

Сказка осталась там. Конец.

12. * МАЛЬЧИК — СЫН КОРОВЫ (ТОМБАХ)

(Ми Ри-зу, женщ., 37 лет, род. в сел. Уджирем, крестьянка.
Записано в сел. Уджирем 20 июня 1957 г.)

Текст

Piř uřıııyř ma kičiıyř vāra. İřkisy xarsy kō çyxıııř. Uřıyıyry el diııııř: «İs^y saņa poıkyryř e'ki-ta seligi!» Kičiıyry diııııř: «İzyga peıkyryř e'ku negař? Niııgu juřar. İzy avur tořqıy, seni zeligil İnzi xar^ysy vāıııř. Kičiıyry toııııř. Uřıyıyry zeleııııř. Avusy ūltermıř, pařda any kommiř. Xapaıyry akiııııř.

— Se tořqan — bu ira! — diııııř. İnzi vu juřıamıř. Any apasy kiııııř. Uřıyıyry: «Se kiııny xapaıy tořzıı!» — diııııř.

İnzi apasy varzıānā simeř pařda. «Apa, sen mi pāřima sigūr u?» — diııııř. El digele uřııııř jařaganne iřtimıř.

Uřıyıyry pařany iıux taıy jūjında kom^y kilmiř. Mōden čiçex ačiııııř. Čiçexni kōlex jydyrmiř. Kōlex puzyřamıř. Elıgu pařařııııř. Aņa jıgusy veııııııř.

Kičiıyry inzi her kuny kōlex k'u'mē vāıııř. Emex vēıııııř. Tēzex tere-mē jōrmiř. Kōlex el diııııř: «Četelni kuruguma pařatatuıy!» — diııııř. İnzi ađıııı tořuzıııř. Pařasinigi amasy kōlex vumiř. Aņa jař emezııııř.

Ujina kiııııř. Ujina kelzıā urxanny tiřmiř. Jař emex piřařııııř. Uřıyıyry avuzııııř toııııř: «Se pu egııııııřne qāten akelzi?»

— İnzi vu kōlex izyga veriri — dimeř, — četelni izy kurııııııřna pařııııııř, çarııııııř — diııııř.

İnzi uřıyıyry izyne ōsune jūrmiř. Vu pařııııııř. Aņa çarııııııř. Jař ek mex vēıııııř.

Keřkunzııııř uřıyıyry ačiııııř juřıamıř. Ūjina kiııııř. Amāřyna jařamıř. Amasy nene avuzııııřne toııııř.

Томбах anda qalııııř. Toszıı.

Перевод

Были старшая (*букв.* большая) жена и младшая (*букв.* малая) жена. Муж их уехал [куда-то] из дому. Старшая (*букв.* большая) жена сказала: «Сам тебе сошьет платье и пожалует!» Младшая (*букв.* ма-

лая) жена сказала: «Зачем ему [для меня] шить платье? Детей (букв. ничего) [у меня] нет. Ты родишь сына, тебя [он] и одарит!»

Муж [куда-то] уехал. Младшая (букв. малая) жена родила. Старшая (букв. большая) жена поздравила [ее]. [Сама же] убила [новорожденного] мальчика и закопала его в саду. [Вместо сына] принесла собаку.

— Ты родила вот это!— сказала [она]. [Младшая жена] заплакала.

Приехал муж (букв. отец). Старшая (букв. большая) жена сказала: «Твоя жена родила собаку!»

Муж вышел в сад по своей надобности. «Отец, ты зачем меня беспокоишь?» — сказал [его сын]. [Затем] муж услышал, [что] сказала старшая (букв. большая) жена.

Старшая (букв. большая) жена закопала ребенка под абрикосовым деревом. [Там] вырос (букв. раскрылся) цветок олеандра. Цветок съела корова. [Стала стельной] и отелилась. [Так появился] прежний ребенок. Ему не давали есть.

Младшая (букв. малая) жена каждый день ходила пасти корову. Хлеба [мальчику] не давали. [Он] ходил собирать кизяк. Корова сказала: «Привяжи корзину к моему хвосту!» [Корова] наполнила [корзину] навозом. Матерью ребенка стала корова. [Она] угощала его маслом и хлебом.

[Мальчик] пришел домой, развязал веревки. Появились в небольшом количестве масло и хлеб. Старшая (букв. большая) жена побила мальчика, [говоря]: «Ты где взял этот хлеб?»

— Та корова мне дает!— сказал [мальчик].— Корзину подвешиваю к хвосту, [и она] наполняет!

Вот старшая (букв. большая) жена погнала своего сына. Тот подвязал [корзинку]. Но [корова] ее не наполнила. Не дала ни масла, ни хлеба.

Вечером [сын] старшей (букв. большой) жены, проголодавшись, заплакал. Пришел домой и рассказал матери. Мать снова побила мальчика (т. е. неродного сына).

Сказка там осталась. Конец.

13. * ХИТРЫЙ ЗАЯЦ (ТОМБАХ)

(Зей Не-па-ту, женщ., 47 лет, род. в сел. Уджирем, крестьянка
Записано в сел. Уджирем 20 июня 1957 г.)

Текст

Ах то^үшенур вумēф. Ву ах кара жүјинда јилем қаіна'мēф. Пуře кіімē.

— То^үшен, на'пор і? — dimeф.

— Пу јилемне к'озуҗа сағаса, қој^үхуі јиса, вуғур!

Пуřeз'ухне к'озуна јилем сағамēф. Пуřeз'ух қоі јемā вāmēф. Варса, к'узу кормемēф. Інзі мағçиā пуғуны тōимēф.

То^үшенз'ух нене қузыл қажани жүјина вāmēф. Пуřeз'ух ах то^үшени иҗте пāmēф. Інзі қузыл қажа жүјина вāmēф пуғуз'ух. То^үшенз'ухне танымамēф.

— Ах то^үшенур к'урто? — dimeф.

— Ізы то^үшен кормізи на'кури? — dimeф.

Ах то^үшенз'ух җғғурçух јасамēф.

— Пу җғғурçухны на'кур е? — dimeф.

— Пу җғғурçухны билеғā қоіз'анā қоі јиса, ҳуту јиса воғар! Пу җғғурçухны иҗтуға қоі кутыр кēсе. воғар!

Инзі пуғи: «Пу еғғурçухны маға вертоғо!» — dimēф.

— Vemese! — dimef.

Puřiz'ux: «Sen vemese, men seni jigur!» — timēf.

— Sen meni jikuma, men saņa viġġel — dimēf.

Īnzi viimēf. Puřyz'uxnige pilenāz'ux qoimēf. Īnzi qoimige jānyna vāmēf. Qoi jyjytmamēf. Maččiŧa puřeny tōimef, poqutary čiqamēf.

Īnzi toŷšenz'ux xy qyryņyna vāmēf. Xēi qyr'ņynda aņu čū'pne tat'poř diz'anā o'myf. Īnzi puřy kiimēf.

— Tū anda toŷšenz'uxne korto? — dimef.

— Na'z'i? — dimef.

— Avu mini xyi etz'i! — dimēf, — toŷšen, sen na'por i? — dimef.

— Men aņu čū'ne tātypoř, tātymyř! — dimēf.

Pūre: «Any men tātaņā!» — dimēf.

Īzy pir tāt'sa, inzi hyšine z'iparmiř. Īnzi toŷšenz'ux anda kozur kor-mēf. Kozyz'ux jyřtamēf.

— Kozy, nege jyřtapor i? — dimēf.

— Izny anda puřur jigur tepa — izy jyřtapoř.

— Se jyřtaquma, ihito vāra! — dimēf.

Īnzi ifkisy vāmēf. Jořta ax qātexur ta'mēf. Nene aņa-a-a varsa, qara qātexur ta'mēf. Ax z'aņy piř tikke ta'mēf. Qara čaņy piř tikke ta'mēf. Īnzi ax xāxyt piř tikke ta'mēf. Kozy ifkisy aņa-a-a vāmēf. Var'sa, puře z'ux kiimef.

— Ja, toŷšen, kelto? — el dimēf.

— Men ifkisym kelzi! — el dimef.

Toŷšen qozyņa: «Ax čexne čiiťoťo! — dimēf, — qara čixne čiiťoťo! — dimef, — synny maņa veř, me oxqā!» — dimef.

Īnzi ox'mēf.

Īnzi: «Puře, — el dimef, — pox k'oz, — el dimēf, — ahys jatax, — el dimef, ku jirdigi puře ūltosmēf, — el dimef, — a, puře, sen pirz'ugun qalto? — el dimef, — kozy, ax sinjirny āť-dy ġel — dimef, — qara sinjirni āť-dy ġel!» — dimef.

Digeli puřiz'ux qařmēf.

Puřiz'ux t'uligur kormēf.

— Puře, nege qařpor i? — dimēf.

— Anda toŷšenur ma kozur vāra! — demiř.

— Ax sinjirni āť-dy ġel! — el tiġēr, — qara sinjirni āť-dy ġel! — el tiġēr.

Īnzi izy qařz'il

— Ihito vāra! — dimef t'ulugo.

Īnzi t'ulugo ma puře ifkysynige kuruguny izy pařtařtyrmēf. Kozyz'ux ma toŷšenz'ux jānyna vāmēf.

— Ja, puře, kelto? — el dimēf.

Toŷšenur: «Sen maņa sat pi'ġi tiġini, sary inegin pudyr o? — dimēf.

Puře ma t'ulugo ifkysy qařmēf. Īnzi toŷšenz'ux ma kozyz'ux ifkisy vāmēf. Atyxurnigi ōjina kirpāmēf.

Ātyx'ux: «E-e, toŷšen, ne'mē kelzi? — dimēf.

Tū elendigi ōiz'ux, kem ōjidir i? — dimef.

— Vu pāsnigi ōji, vāquma, seni jjer! — dimiř.

— Īzy vaņy-da piř vař kigi! — dimēf.

— Īnzi pasz'ux: «Toŷšen ne'mē kelzi? — dimēf, — men seni jiġur!» — dimef.

— E-e, sen meni ji na'kur? Men si tiřin arasynda z'ux qařā! — el timēf.

— Pās, seni ōjunda jāja vāra? — dimēf.

— Naņāř i? — dimēf.

— Sen muņa ké, jāja munda vāra! — dimef.

— Qalé? — dimef.

— Ajetnigi otaz'ugynda xyjur vara!
 Pas xyi qyrqyna vamēf.
 — Inzi xyi isinta t'ugu seni jigur tepal — timif.
 Pasz'ux xyi isindagyny qōla pāmēf.
 Xyi ifina z'üz'pāmēf izy. Inzi atyxnigi öjina vāmēf.
 — Atyx naqdyr ma kiipá! — dimēf.
 — Qälé? — dimēf.
 — Tü ez'ikke çixparał, üçirel! — dimef.
 Inzi atyxz'ux xorgamef.
 — Inzi, toŷšen qälé jašyngur a? — dimef.
 — Ātŷx, sinigi altun ma kumuš qātá vāre? — demif.
 — Kumuš qazembaš artynda vār! — dimēf, — altun z'ugu jüjinda vār! —
 dimēf.
 — Inzi — qaçał! — dimeš te qasmēf.
 Qaz'z'ānā: «Hyi ifina kirtuŷu!» — dimef. Hyi ifina kirmēf. Hyi ifinda
 atyx ūlmēf.
 Kazembaš ift'inda kumuŷne vātamef. Z'ügü jüjinda ałt'unne vātāmēf.
 Inzi toŷšen z'ux kozyz'uxke kiiny almēf. Kozy emes, inzi avu ira vu!
 Inzi tombax qalmēf. Tosmiŷ.

Перевод

Был белый заяц. Он варил клей у подножия белой горы. Пришел волк.

— Заяц, что ты делаешь? — спросил [волк].

— Если ты этим клеем намажешь глаза, [то] сможешь съесть много овец! [— ответил заяц].

[Он] намазал клеем волку глаза. Волк пошел ловить (*букв. есть*) овец. А глаза у него не видят. Пастухи побили волка.

Заяц устроился (*букв. пошел*) под красной скалой. Волк направился на поиски белого зайца. Вот волк пошел под красную скалу, но зайца не узнал.

— [Ты] белого зайца видел? [— спросил волк].

— [Я] зайца не видел, что делать? [— ответил заяц].

Белый заяц сделал седло.

— С этим седлом что делать? — спросил [волк].

— С этим седлом на пояснице ты сможешь съесть много овец.

Если положишь это седло на спину и понесешь [его], [то все] будет! [— сказал заяц].

Волк сказал: «Дай мне это седло!»

— Не дам! — сказал [заяц].

— Если не дашь, я тебя съем! — сказал волк.

— [Нет], не ешь меня, я тебе дам! — сказал [заяц].

[Он] отдал [седло волку]. [Заяц] положил [седло] на поясницу волка. [Волк] отправился к овцам и [опять] не мог съесть овец. Пастухи сильно побили волка.

Заяц побежал к берегу реки. На берегу реки [он] остался, решив (*букв. думая*) нарвать ядовитой травы. Пришел волк.

— [Ты] видел вон там зайца? — спросил [он].

— Зачем он тебе (*букв. что сделал*)? — сказал [заяц].

— Он мне сделал плохое! — сказал [волк]. — А ты, заяц, что [здесь] делаешь?

— Я рву ядовитую траву, да не могу вырвать! — ответил [заяц].

— Я вырву! — сказал [волк].

Он рванул [траву] и полетел в реку. Заяц увидел ягненка. Ягненок плакал.

— Ягненок, почему плачешь? — спросил [заяц].

— Меня там волк собирается съесть, [потому] и плачу! — ответил ягненок].

— Не плачь, [мы] вдвоем пойдем! — сказал [заяц].

Оба они отправились. На дороге нашли белую бечевку. Пройдя немного, нашли черную бечевку. Нашли кусок белого войлока. Нашли кусок черного войлока. Нашли кусочек белой бумаги. Ягненок [и заяц] пошли дальше. Встретили (*букв.* пришел) волка.

— А-а, заяц пришел? — сказал [волк].

— Мы (*букв.* я) вдвоем пришли! — сказал [заяц].

— Расстели белую кошму, — сказал заяц ягненку, — расстели черную кошму, — продолжал [он], — письмо дай мне, я почитаю!

[Заяц начал] читать [письмо].

— Волк, — сказал [он], — такой-сякой, — сказал [он], -- большеротый, — сказал [он], — в разных местах все волки погибли, -- сказал [он], — только ты один остался, — сказал [он]. — Ягненок, принеси белую цепь, — сказал [он], — принеси черную цепь, — сказал [он].

Волк убежал. [По пути] волк увидел лису.

— Волк, [ты] почему бежишь? — спросила [лиса].

— Там заяц и ягненок! — ответил [волк]. «Принеси белую цепь, — говорят, -- принеси черную цепь», — говорят. Вот я и убежал!

— Пойдем вдвоем! — сказала лиса.

Вот лиса и волк связали себе хвосты и отправились к ягненку и зайцу.

— Ну, волк, пришел? -- сказали [ягненок и заяц].

Заяц [еще] сказал [волку]: «Продай мне то, что обещал (*букв.* сказал). Твоя желтая корова эта самая и есть?»

Волк и лиса убежали. Заяц и ягненок пошли [дальше]. Пришли [они] в дом к медведю.

Медведь сказал: «Э-э, заяц, ты что пришел?»

— Вон, недалеко дом. Чей это дом? — спросил [заяц].

— Это дом тигра. Не ходи, [он] тебя съест! — ответил [медведь].

— Пойду-ка посмотрю! -- сказал [заяц].

Вот тигр сказал: «Заяц, зачем пришел? Я тебя съем!»

-- Э-э, меня есть не стоит. Я застряну в твоих зубах! — сказал [заяц].

— Тигр, в твоём доме есть враг? — спросил [заяц].

— Что? — сказал [тигр].

— Иди сюда, враг здесь! — сказал [заяц].

— Где? — спросил [тигр].

— Посреди двора река [течет]! [-- сказал заяц].

Тигр побежал к берегу реки.

-- Тот (*т. е.* враг) сейчас съест тебя в реке! — сказал [заяц].

Тигр бросился за тем, кто [находился] в реке. Тигр свалился в реку. И вот они отправились в дом к медведю.

— Медведь, кто-то идет! — сказал [заяц].

— Где? — спросил [медведь].

— Поднимись наверх, посмотри! — ответил [заяц]. Медведь испугался.

— Заяц, куда же спрячемся? — сказал [медведь].

— Медведь, где находятся твои золото и серебро? — спросил [заяц].

— Серебро — за плитой! — сказал [медведь]. — [А] золото под каном!

— Теперь бежим! — сказал [медведь], и [они] убежали.
[Заяц сказал]: «Бросайся (*букв.* войди) в речку!» [Медведь] бросился (*букв.* вошел) в речку и там умер.
[Заяц] у плиты раскопал серебро. Под каном [он] раскопал золото.
Заяц добыл жену для ягненка. [Он] вовсе не ягненок, а юноша!
Вот и сказка осталась. Конец.

ПОЭЗИЯ

14. САГЫШ. I

(Ми Ри-зу, женщ., 37 лет, род. в сел. Уджирем, крестьянка.
Записано в сел. Уджирем 19 июня 1957 г.)

Текст

(Jaŋy kiŋny atganda juŋtaŋan egen. Saŋar kiŋi juŋtaŋan)
Sāhyj jaŋna'kan,
İosa ta'faī. İosa ta'z'i!
Mi pašima el qoŋuči,
qaryntajim aŋuz'ixuī!
minⁱ artyma aŋ ar'ane
kormājⁱ k'ā ačıŋuī kiŋsyn-jō!
Mē artyma serkizny (<sary kizny-ny)
urŋuŋu k'ā peligur kēsyn'-jō!
Sen avaler, menⁱ qyzyŋne
aŋzymdege sary tiŋim
sōleŋgine kujyŋmazi!
Pašimdegi qara sačim
tüzelgene kujyŋmazi!
Sen avaler, mē qyzyŋny
koj ilima koj tüfe
«z'üt te jigé» dimiŋoŋ!
Koj ilima koj senzy
«z'üt te išká» demiŋoŋ!
İsmegí-jū! jimegí-jū!
İŋku nigí-de Xudaī egısy jara'miŋz'e?
Āny jānitine, men telli qyz,
jandyrmas-či, Aŋta jandyryŋ!
Tosz'i.

Перевод

[То, о чем плакала (женщина), когда ее брали
в жены. Саларская женщина плакала.]
Сагыш заставляет вспоминать,
мула найдут, мула нашли!
О расплетающая мои косы (*букв.* кладущая руку на мою голову),
родственница моя, девушка!
Пусть за мной последует [жизнь],
которая раскроется, как жареные зерна белого ячменя!
Пусть за мной последует [жизнь],
которая станет обильной, как семя желтой горчицы!
Вы (*букв.* ты), родители (*букв.* отцы), у меня, вашей дочери,
во рту младенческие зубы

пока вырастут, не подождали!
 Черные волосы на голове
 пока выровняются, не подождали!
 Вы (*букв.* ты), родители (*букв.* отцы), мне, вашей дочери,
 в обе руки две лепешки [положили].
 «Возьми и сшь!» — сказали [вы].
 В обе руки две чашки [дали].
 «Возьми и пей!» — сказали [вы].
 [Я] не буду пить! [Я] не буду есть!
 «Зачем мне пища, — сказав, — о бог владыка?» — с удовольст-
 вием ли (*букв.* любя ли) съела?

Ответ на это я, неразумная девочка,
 не [могу] дать (*букв.* вернуть), пусть бог даст [ответ] (*букв.*
 вернет)!

Конец.

15. САГЫШ. II

(Ми Ри-зу, женщ., 37 лет, род. в сел. Уджирем, крестьянка.
 Записано в сел. Уджирем 20 июня 1957 г.)

Текст

Sahyŋ janna'kan,
 ʃosa taʔaʔ, ʃosa ta'z'i!
 Mi bāšima el qoŋyūci,
 qāryntaŋim āguz'uxuŋ!
 Muŋa jyŋyŋan avulerim
 jānteŋ ta jyŋyl dal
 Ło pilmegen ʃošisy avamni
 jānyna kir te ʃo pir āhys
 k'ogāskočur čixyŋysz'ānā!
 Mal paŋnagan orny da iteri-ju!
 Mō jyŋyŋan ijūlerim,
 jānteŋ te jyŋyŋ ta!
 Ło pilmegen ʃošisy ijemni
 jānyna kir te ʃo pir āhys
 kohūskočur čixyŋysz'āny!
 Aŋ tēŋgen orny da iteri-ju!
 Men ārtyma pās pūŋi k'ā
 pasyŋ da keliŋyz!
 Men ārtyma iŋz'i tūxli
 ūtil de keliŋiz!
 Kēmēri tесе, myjaŋ moronny
 puŋaŋy sācaŋy pir ider oŋ!
 Sen avanigi a't quŋax ider oŋ!
 Men qyzyŋnigi c't kōŋni ider oŋ!
 Sazyxyrāni kāvusynta
 un pir ŋanzy čixar per'se,
 āny vāŋina su per zanzы
 qoŋaŋmaŋanda tāŋina čix'
 taš qajāny tōi! jaŋer oŋ!
 Xaŋmen piŋ čizы čixar perse,
 āny vāŋina k'ōh zenzeden
 piŋ juriŋz'ux jurelmaŋanda

İf'na kir i: iſi piſkut
ü.ke te jaſer' oſ!
Tosmiſ.

Перевод

Сагыш заставляет вспоминать,
мула найдут, мула нашли!
О расплетающая мои косы (*букв.* кладущая руку на мою голову),
родственница моя, девушка!
Собравшиеся сюда дружки мои,
стекайтесь и собирайтесь!
К неразумному и простому отцу моему
придите и разум
раскрывающими будьте (*букв.* выйдите)!
Разве здесь место, где помогают, [одарив] скотом!
Собравшиеся сюда подружки (*букв.* матери) мои,
стекайтесь и собирайтесь!
К неразумной и простой матери моей
придите и разум
раскрывающими будьте (*букв.* выйдите)!
Разве здесь место, где раздают пищу!
[Вслед] за мной, как тигр [и] волк
ступая, следуйте!
[Вслед] за мной, [шубу] шерстью наружу
набросив, следуйте!
Если скажут, едва ли придут! [То ведь]
иногда по рисунку (*букв.* по облику) ветви и корни похожи
(*т. е.* едины, как один!)
У тебя, отца, это — слава (*букв.* ухо коня)!
У меня, твоей дочери, это — мягкость сердца!
В доме мужа
дают [такую] кроху муки,
[что] не могу чашку воды
налить [в нее]. [Тогда], выйдя наружу,
говорят: «Беда с ней (*букв.* хоть бей каменную скалу)!»
Материю для обуви дают такой длины,
[что] из нее стальными (?) (*букв.* синими) ножницами
не могу отрезать [даже] полоску.
[Тогда], войдя ко мне (*букв.* внутрь), говорят: «Напрасный труд
(*букв.* дело ее — пугай беркута)!»
Конец.

16. САГЫШ. III

(Ми Ри-зу, женщ., 37 лет, род. в сел. Уджирем, крестьянка.
Записано в сел. Уджирем 20 июня 1957 г.)

Текст

(Köi aſan sāhyſ)

Sāhyſ ſaſna'kan,
İosa taſar, İosa ta'pzi!
Me pāſ.ma el qoııuči,

qārintaſim akuz'ixur!
 Sen avaler, men qyzyſny
 ajetyſny ō'tasynda tūr'mā
 zizy k'ā zilafampo: (<zilāsāſ pir) iratyr či?
 Kiſni qānyny tōsy kile
 ine qānyna qar'yur 'tiroſ!
 Qāryımaſanda sen avagā,
 ilgi lenjāt, lānjāt vomasa,
 ātyy lānjāt, lānjāt vomasi ju!
 Men qyzyſa iligi sāhyſ,
 sāgyſ vomasa, ārtıy sāhyſ,
 sāhyſ vomasi ju!
 Toz'ı.

Перевод

(Песнь о том, как муж брал жену)

Сагыш заставляет вспоминать,
 мула найдут, мула нашли!
 О расплетающая мои косы (*букв.* кладущая руку на мою
 голову),
 родственница моя, девушка!
 Вы (*букв.* ты), родители (*букв.* отцы), меня, вашу дочь,
 посреди двора, как рассадку редьки,
 посадили бы, неправда ли?
 «Чужая (*букв.* человека) кровь, накопившись,
 пусть смешается с моею кровью!» — [ты] говоришь.
 Если [она] не смешается, тебе, отцу,
 прежде всего раскаяние, если нет раскаяния [сейчас],
 потом [придет] раскаяние, как не быть раскаянию!
 Мне, твоей дочери, прежде всего воспоминания,
 если нет воспоминаний [сейчас], потом [придут] воспоминания,
 как не быть воспоминаниям!
 Конец.

ПРОЗА

СВАДЕБНЫЙ ОБЫЧАЙ

(предание)

17. ВЕРБЛЮЖЬЯ ИГРА

(Мухаммеди Ша Бая-бо, мужч., 86 лет, род. в сел. Алтиюли, крестьянин. Записано в сел. Алтиюли 4 июля 1957 г.)

Текст

Íški kif törtenni çũre kije tõe taɣnaġ. Piġ kifi törtenni çõre kije Qaramaɣ taɣnaġ. Qaramaɣ tõejenigi purnuna çuġyġ taħy je'ler. Qaramaɣ asany z'ijener. Taši piġ kif Qaramaɣa sorryr.

Paſqa kif: «Sen qātan kēgen?»

Qaramaɣ: «Sāmārkandiden çixkēgen!»

Paſqa kif: «Qāfā kegen anden?»

Qaramaɣ: «Kanzatana kelzi!»

Paſqa kif: «Anda naɣ jegen?»

Qaramaɣ: «Anda šo^vmu qaġaɣan, xõs çaġtaɣan!»

Paſqa kif: «Anden qāfa kēgen?»

Qaramaɣ: «Anden Zaɣzavaɣa je'z'i!»

Paſqa kif: «Naɣ jegen?»

Qaramaɣ: «Šo^vmu jezi, çõbuɣan çaġtazi!»

Paſqa kif: «Anda qāfā vāɣan?»

Qaramaɣ: «Otuz taqqa je'z'i! Tõruxny piɣna vursa, piɣ çixqan, õmen vursa, õmen toɣan. Anden saġar tifaɣa je'z'i!»

Paſqa kif: «Saġar tifaɣda naɣ e'ken?»

Qaramaɣ: «Jule je'ken. Suny õmene vursa, õmen toɣan, piɣ vursa, piɣ toɣan. Munda ja'qu jer te-ta ja'qan. O:ħa uçirsa, xui ĵāxynare, rytax vure, e't jije koñen tulagu jeħaře!

En'ja uçirsa. Mõren ĵāxynare. Aktun qāzy koñen tulasa, voġaŷy!

(далее — orux sos)

Seġ ihifonige uruɣu tũvitaŷy.

Seġ ihifon ge uruɣu k'o'x vumusinige muɣazy kemagy tuħlag'al

Uzaɣ'i kile seġ ĵizany, Šansite qõjy,

men ĵiza Ĥasite ot'yre, z'ēnũny zāry, zejoɣny zāry.

Men ĵizany Šansyte qõjy,

sen ĵiza Ĥansyta õtyre,

meni teizın ız'ı, zamexkune qayınu,
seı ihıtonıgı uruıu — nāpnāgān urıxaı.

Перевод

Два человека, надев вывернутую шерстью наружу шубу, изображают (*букв. становятся*) верблюда. Кто-нибудь, надев вывернутую шерстью наружу шубу, изображает (*букв. становится*) Караманга. Караманг ведет верблюда за веревку, продетую в его нос. Караманг опирается на посох. Кто-либо еще (*букв. чужой человек*) задает вопросы Карамангу.

Человек¹: «Ты откуда пришел?»

Караманг²: «[Я] вышел из Самарканда!»

Человек: «Куда пришел оттуда?»

Караманг: «[Я] пришел в Канджа-танг³».

Человек: «Что там ел?»

Караманг: «Ел жесткую траву, оставлял [после себя] орешки».

Человек: «Потом куда пришел?»

Караманг: «Потом пришел (*букв. достиг*) в Джангджава⁴».

Человек: «Что ел [там]?»

Караманг: «Ел жесткую траву, оставлял [после себя аргал], как ягода чабуган».

Человек: «Затем куда ходил?»

Караманг: «Добрался до Отузтага. Взвесил землю на больших весах, веса сравнялись (*букв. вышли*). [Один] омен [местной земли] оказался равным (*букв. наполнился*) [одному] омену [священной земли]. Затем достиг местности саларов».

Человек: «Что делал в местности саларов?»

Караманг: «Добрался до источника. [Один] омен воды оказался равным [одному] омену [священной воды]. Взвесил воду на больших весах, веса сравнялись (*букв. наполнились*). Сказав, что здесь подходящая земля, остановился [здесь]. Посмотришь на юг, лес близок, можно жить (*букв. передвигать время*), охотясь и питаясь мясом. Посмотришь на север, река близка. Можно жить (*букв. передвигать время*), добывая золото».

(далее идет «величальная»)

Ваши (*букв. твои, т. е. жниха и невесты*) родственники — тибетцы. Пусть соединятся ваши (*букв. твои*) родственники, как рога серого (*букв. синего*) яка!

[Как только] проводим вас (*букв. тебя*), единую семью, поселим в Шансы[-гуне],

а мы (*букв. я*) единой семьей останемся в Хасы[-гуне], закалывая коров и баранов.

[Или] нас (*букв. я*), единую семью, оставим в Шансы[-гуне], а вас (*букв. ты*), единую семью, оставим в Хансы[-гуне], [чтобы] меня ублажать, густым чаем поить.

Родственники ваши (*букв. ты*) — равные друг другу две части.

¹ Его изображал Та Ли-бу.

² Его изображал Ша Бан-бо.

³ Место в 10) ли на юг от Алтиюли.

⁴ Современный Мантал-таг, в 30) ли южнее Алтиюли.

СКАЗКИ

18. * БЕДНЫЙ ЗЯТЬ (ТОМБАХ)

(Ма Ху-сей, мужч., 29 лет, род. в сел. Алтиюли, крестьянин.
Записано в сел. Улагыл 13 мая 1957 г.)

Текст

Piř bösyr vumij, ninsur vumij. Aņy qyz' iřki vumij. Piř qyzyne bar gufuga viimij. Nene piř qyzyne joř kuhuga viimij. Bar gufune taņžeņ e'mij. Joř gufune taņžeņ e'mimij. Joř gūfū kilenmij. Bar gufuga sūt'ča viimij, pilmař viimij. Joř kufuga juřiza viimij, arun kōten viimij.

Mune viikutānē joř kufu jiriginta teišin saņynmij.

Bar gufune suguda jatyrmij. Ruzuni puļa biimij, tonzy jorganne ōt'ip piimij, zizex jatuxne qoi piimij.

Joř kufune jerda jattyrmij. Ķarane čli piimij, jaņsune ōzi piimij, harne jatyx qoi piimij.

Mune ja'zane par gufu, joř kufu uxłaze. Jarym geĵeda joř gufu tonže, azygy kelzi, xusage agryze. Jiriginda kilenzi. Joř kiři: «Āřixaroņ!» — tiři. Joř kufu par kufuga xyi etz'i, sūguga čix parzi, bar kufune sałłazi. Ořnena piř zyłazi. Zyłaz'ane iņ kelzi. Joř kufu izy ořnyna kirzi. Kirzane syqyrazi.

— Par gufu, par gufu! — čixrazi, — sen osyrapar-u? — tiři.

Par gufu uĵānzi, ořnyne pir mōlazı, użina poř pezελzi, poņyna rałłazi. Par gufu hutz'i, jiriginda qaņņynzi. Par gufu ryłłamiz'ux qařz'i.

Qařkudane joř kufu apāsyni čyxrazi: «Apā-apā, mali kele!» — tiři. Apasy kelzi.

— Par gufune daņžen e'kine kō'p vumij! — tiři, — bar gufu qařz'i! — tiř mij.

Apasy jaņšazi: «Nege qařmij?» — timij.

— Keze par gufu ĵigeni kō'p vumij! — timij, — sūgūta zaĵłamij, uĵāy qařmij.

Apāsi joř kufune u'riži: «Ļapaxy! — tiři, — pa'kyr!» — tiři, — par gufu qařz'i. Eřten nege jaņšamas? — tiři. — Xusaņy vułłanmamij! — Mali qōlij!» — timij.

Joř kufu koliz'i, aĵintān qyryzi: «Par gufu, par gufu! — diři, — oita zan čixiřpor! — tiři. — Zaĵłaganune pařiņa āt-taz'ux vār!» — tiři.

Bar gufu aĵina čürilmij qařz'i.

Joř gufu jaņzi. Apasy na jaņšazi: «Apā, bar gufu kimir i! — tiři, — an dān ĵmpare!» Joř gufu ta ojyna jaņzi.

Kiřnina jaņšazi. ĵyłazi. Tūņata joř kiřtān ařagur jořar, iřkinur jořar. Joř kufu kiřnina jaņšazi: «Simini sař'a koļa (řsatkōļa!» — tiři.

Sim'ni sař'e, ĵarmaņyļa a'tur ařzi. Minzane kiřnina pam'nine varzi. A'tniĵi ontuguna kumuř kozy uř tyxz'i. Apasy ojina inzi. Apasy joř kufunige at'ina kōzini tixz'i.

— Joř gufu karłamij! — tiři.

«Nino gufuga čaņy' ne», — tiři. «Gufu, iřina ĵūr!» — tiři. Apasi jaņšazi: «Apant koņnina ařgur tesā, ātyņne apaga raņna-ta vēr!» — tiři.

Joř kufu jaņšazi: «Apa, pařqa tūņsiny vērsā, voņyr. Mi pu atymni ve-relmās. Mi pu at'ym — publi āttyr. Musinta koņiņņ vāpor. Mi bu at'ym piř gunta kumuř kozy uř čaņleř. Inzi zaĵłagu volzi!» Joř kufu ine at'i qyryņna kelzi. At'ini uř suvaži. Ati zyłazi. Amāsinī čixrazi: «Su biņa āt-dy ge!» — tiři. Tezex iřinda kumuř kōzini taņa čixkelzi, Suļa ĵūzi. Kumuř kōzini zyņnazi.

— Uř sydyr vara! — tiři,

Apasi jiriginda neŭxi etz'i.

— Gufu, — diŭzi, — at'ygni apaga žaŭna pigur mu, vĕmes? — tiŭzi.

Gufu jaŭšazi: «Atygne žaŭna viŭgi!» — tiŭze.

— Vĕmese, apani koŭnine aŭaŭmagar! — tiŭzi. — Ĵarmay še iŭky jūzdyr! — tiŭzi.

Apasi iŭki jūz hellini zoŭta perzi. Apasy sōjinzi. Gufusyna aŭnaŭz'i: «A'tne niz'i'li asyray keler?» — tiŭzi. Joŭ kufu māt jaŭšazi: «Mi pu atymni piččax saŭarax iŭina vurgy keler!» — diŭzi.

Joŭ kufu hellisini kōtiri ujina janzi.

Apasi atini piččyx saŭarax iŭina vurzi. Aty taŭgynta patazi. Apasi azygy kelzi.

— Joŭ kufune ŭltūrgur! — tiŭzi. Joŭ kufune ŭltermā varzi.

Joŭ kufu pilzi. Kiŭnina janšazi: «Apa mini ŭlterma kiŭpara(r). Oje kiŭ ganda kō aŭyndigi pengyŕne uŭiŭa aŭ-ta, mĕn čōŭta ŭlzi tigi-ta uzytkŭ! Apa kirkiganta sen jes čixyr. Sovam-o dŭ-ta jŭŭfā! Sen jŭŭŭagu, apa-ta jŭŭŭar. Apa jŭŭŭaŭanda sen apani čōllā: «Apa, jŭŭŭakoma! Maŭa pubinigi penggurur var, moŭta ŭ šovlāsā, tūrelār. Sālār čofaŭkōma!»

Apasy gufune ŭltermā kiŭmiŭ. Apasi kirkiganta kiŭne jes čixyrzi. Pengyŕne akelzi. Kiŭne asampor šōŭazi, kūdi(r) terenzi. Nene piŕ šōŭazi, jaŭzyn piŕ terenzi. Xytyryx piŕ šōŭazi, joŭ kufu xū kelzi. Apasy na sālām verzi.

— Apa kel-tu? — tiŭzi.

Apasi janšazi: «Sen apaga xyŭ e'miŭŭoŭ! — tiŭzi, — atyŭ patazi!»

Joŭ kufu janšazi: «Asyrygane o'nyšmamiŭ!» — tiŭzi.

Apasi joŭ kufunige pengyŕina koz tixz'i.

— Gufu, apanige koŭnine aŭgur dese, penggerune apaga žaŭna-te vĕr! — tiŭzi.

Joŭ kufu janšazi: «Apa, ačyxŭanguma! Mune veryŕ-o tесе, vĕmes! Minigi pu piŕ penggartyr. Bu joxmāsā, pukun mĕn tō-yŭŭŭgar mu? Tō:etyŭmagar! Iligi bubl atymny sinigi koŭnygne aŭŭmagar tā žaŭna perzi. Mune žaŭna permes!» — tiŭzi.

Apasy ōnymazi. Joŭ kufu janšazi: «Žaŭna bĕmesĕ, sen onymĕgar. Žaŭna biŭgi!» — diŭze.

— Minigi pengyŕema ja'max piŭa kelĕgur! — diŭzi.

Piŕ jūz kelzi. Piŕ jūz verzi. Apasi penggarny aparzi. Ujina jite z'ige kunda ninusy ulzi. Ujina hāmmā kiŭ jŭŭŭlzi, jŭŭŭaŭzi. Jaŭŭŭqanda apasy čix kile nengisine tusz'e: «Čosyŭ jŭŭŭaŭkuma! Maŭa pubinigi penggeruŕ var; aŭta uŭ šōŭasā, ŭlgen kiŭi tō-eler!»

Apasi vari pengyŕne akelzi. Piŕ šōŭazi — terenmiŭzi. Iŭki šōŭazi — terenmiŭzi. Uŭ šōŭazi — terenmiŭze. Zaŭtakali bir šōŭazi — kiŭni terenmiŭzi. Apasy aŭgy kile: «Joŭ kufu jirigi teŭŭari, mĕtin — met etipar, mini xeŭŭapar. Mune pu geske oŭtertugu!»

Apasy ŭltermā varzi. Joŭ kufune z'ūz'z'c, baŭŭazi, teŭzi. Joŭ kufune apare sox jaŭŭyx iŭinda tānxanter kitire pexlzi.

— Taŭgunz'ux piŭarŭ da ŭlgiŭ! — tiŭzi. Apasy janzi.

Joŭ kufu jŭŭŭyx iŭnda taŭor uli taŭne ele-bele kūtzi. Tangen jaŭyn. Apasi joŭ kufune ŭlte mu? te vaxmĕ gelzi.

Joŭ kufu apasini un'ni iŭtigu suguga čixz'i. Tirini saŭazi. Agzyŭŭa janšazi: «E-e, publi xanter! Sen joxmese, mĕn ŭlgār! Sen qyŭin da yssy, jŭŭin da laŭ!»

Apasi kōsynŭ aŭz'i. Apasina herun volzi. Nene joŭ kufun'ige xanterina kozini tixz'i. Nene kufina janšazi: «Apan'igi koŭniŭ aŭgur tesā, xantaryŭni apaga žaŭna ta ver!» — tiŭzi.

Joŭ kufu janšazi: «Xantaremne žaŭna pĕmes! — tiŭzi, — minigi publiŭ saŭa vir tusz'i. Muny verir-o tесе, vĕmes!»

Apasi jan'ša onymazi. Onymagú — jox gufufu tajin etz'i.

— Mini muņa jarmax keligur! — tiži.

Apasy: «Jarmax viǵil!» — diži.

— Mini muņa ifki jüz keligur! — tiži.

Ifki jüzni verzi. Apasy sǵjine xantaryne aparzi. Ojyna ifkisy vare apasy jox kufuga janšazi: «Apa xantareǵni kigi-ta apane jaıtyx ifinta čöitugul!» — tiži.

Apasini paštap pare jaıtyx išinta čüži. Apasi taǵgynta üži. Apasini anta xuytaži.

Anda-synda tombax qałzi. Tosz'i.

Перевод

Были старик и старуха. У них были две дочери. Одну дочь выдали за богатого мужа, другую — за бедного. Богатому зятю [они] оказали хороший прием, бедному [такого] приема не оказали. Бедный зять загрустил. Богатого зятя [они] угостили чаем с молоком и мукой, перемешанной с маслом. Бедному зятю дали напиток из пшеницы и овсяную кашу.

Бедный зять задумал отомстить (*букв.* недоброе в сердце).

Богатого зятя уложили [спать] на лежанку. Постелили ему тюфяк, укрыли шелковым одеялом, [под голову] положили [вышитую] цветами подушку.

Бедного зятя уложили на землю. Бросили [ему] матрасик из грубой шерсти, укрыли тканью из сырой овечьей шерсти, мешок положили [вместо] подушки.

Когда таким образом улеглись, богатый зять и бедный зять уснули. В полночь бедный зять замерз, рассердился и у него заболел живот. Ему (*букв.* в сердце) стало тоскливо. «Ах негодяй!» — сказал бедный зять. Он [решил] проучить богатого зятя — забрался на лежанку, толкнул его и обмарал место, [где тот лежал]. Затем спустился и лег (*букв.* вошел) на свое место. Лег и завопил.

— Богатый зять, богатый зять, — кричал [он], — ты чем занимаешься?

Богатый зять проснулся, потрогал свое место. Руки и весь он (*букв.* тело его) выпачканы. Он вскочил, перепугался и немедля убежал.

Как только [он] убежал, бедный зять закричал отцу. «Отец, отец, иди скорей!» — сказал [он]. Пришел отец.

— Богатого зятя сильно угостили! — сказал [бедный зять]. — Богатый зять убежал! — сказал [бедный зять].

Отец промолвил: «Почему убежал?»

— Вчера богатый зять много поел, обмарал лежанку и от стыда (*букв.* устыдась) скрылся, — ответил [бедный зять].

Отец поругал бедного зятя. «Бездельник, лентяй! — сказал [он] — Богатый зять убежал. Почему раньше не сказал?! — говорил [он]. — Желудок у него не переварил. Скорее догоняй!» — говорил [он].

Бедный зять пустился в погоню, кричал вслед [богатому зятю]: «Богатый зять, богатый зять! — говорил он. — Дома большое событие! Признавайся-ка в своем проступке!» — говорил [он].

Богатый зять бежал без оглядки (*букв.* не оборачиваясь).

Бедный зять вернулся и сказал отцу: «Отец, богатый зять не возвращается, поэтому и я уйду!» И бедный зять вернулся к себе домой.

Рассказал жене, пожаловался (*букв.* всплакнул). В мире нет ничего [более] униженного и жалкого, чем бедняк! Бедный зять сказал жене: «Продадим землю!»

[Он] продал землю, на деньги купил коня. [Затем], сев на коня, поехал в дом (*букв.* семью) жены. Всунул под хвост коня три серебряные монеты. Приехал в дом отца [жены]. Отец уставился на коня бедного зятя.

— Бедный зять разбогател! — сказал [он].

— Старуха, приготовь (*букв.* сварить) зятю чаю. Зять, войди внутрь [дома]! — сказал [он]. Отец промолвил: «Если захочешь привлечь [к себе] отца, поднеси отцу своего коня!»

Бедный зять сказал: «Отец, дам [любую] другую вещь, [но] этого коня моего дать не могу. Мой конь — драгоценный конь. С ним можно прокормиться (*букв.* проводить время). Мой конь в день выбрасывает три серебряные монеты. [Вот] сейчас он выбросит!»

Бедный зять подошел к коню. Три раза сго погладил. Конь выбросил навоз. [Бедный зять] сказал матери: «Принеси немного воды!» Показались серебряные монеты. [Бедный зять] вымыл и взвесил серебряные монеты.

— Три сыдыра есть! — сказал [он].

У отца потеплело (*букв.* полюбил) на сердце.

— Зять, — сказал [он], — дашь или не дашь коня отцу?

Зять ответил: «Отдам коня! Если не дам, не смогу привлечь [к себе] отца! Стоит он две сотни!» — сказал [зять].

Отец заплатил две сотни денег. Очень обрадовался. Спросил у своего зятя: «Как надо смотреть (*букв.* воспитывать) за конем». Бедный зять со злым умыслом сказал: «Моего коня надо поместить в кладовую с горохом!»

Бедный зять с деньгами отправился домой.

Отец поместил коня в кладовую с горохом. На рассвете конь лопнул. Отец рассердился.

— Убью бедного зятя! — сказал [он].

Отправился убивать бедного зятя.

Бедный зять знал [это]. Он сказал жене: «Отец идет убивать меня. Когда он придет, возьми из-за двери палку, скажи, что я умер в постели, и растянись! Когда отец войдет, ты заплачь. Говори: „Муж мой“ — и рыдай. Ты заплачешь, и отец заплачет. Когда он начнет плакать, ты отца утешай, [говоря]: „Отец, не плачь! У меня есть чудесная палка. Если ею три раза постучать, [то он] оживет. Вы не беспокойтесь!“»

[Вот] отец пришел убивать зятя. Когда он входил, жена [зятя] заплакала. Принесла палку. Тихо раз стукнула. [Зять] чуть-чуть пошевелился. Еще раз стукнула. [Зять] зашвелился больше. [Еще] сильнее стукнула. Бедный зять встал и приветствовал отца.

— Отец пришел? — сказал [он].

Отец сказал: «Ты отцу слелал плохо. Твой конь лопнул!»

Бедный зять возразил: «(Ты) не так за ним ухаживал (*букв.* воспитывал)!»

Отец уставился на палку бедного зятя. «Зять, если хочешь привлечь [к себе] отца, отдай отцу палку!»

Бедный зять сказал: «Отец, не сердись! Этого я не дам. У меня такая палка — одна. Если бы ее не было, сегодня [разве] я смог бы ожить? Не смог бы! Прежде я отдал [тебе] своего драгоценного коня, [боясь], что не смогу привлечь [к себе] тебя. А этого [я] не отдам!»

Отец не унимался. Бедный зять сказал: «Не отдам! Ты не унимаешься — отдам!»

— За палку немного надо денег! — сказал [он].

Он захотел сотню. [Отец] сотню дал и унес палку. Пришел домой.

За эти дни его старуха умерла. Дома собрались все люди и плакали. Когда они плакали, появился отец и остановил некоторых: «Не плачьте все. У меня есть чудесная палка. Если ею три раза стукнуть, то мертвый оживет!»

Отец принес палку. Стукнул раз — [старуха] не пошевелилась. Стукнул другой — не пошевелилась. Стукнул третий — не пошевелилась. Бросившись [вперед], еще раз стукнул — жена не пошевелилась. Отец, рассердившись, [сказал]: «Бессовестный бедный зять! Плохое за плохим делает, мучает меня. На этот раз [я] его убью!»

Отец отправился убивать [бедного зятя]. Поймал бедного зятя, связал [его], поколотил. Взял бедного зятя и в одной рубашке запер в холодном помещении для выжимания масла.

— До рассвета окоченей и умри! — сказал [он].

Отец ушел. Бедный зять в помещении до утра таскал туда-сюда тяжелый камень. Вот и рассвет. Отец пришел проведать бедного зятя, [говоря]: «Не умер ли?»

Бедный зять, услышав голос отца, забрался на лежанку. Вытер пот. Устами своими сказал: «Эй, драгоценная рубашка. Не будь тебя, я бы умер! Зимой в тебе (букв. ты) тепло, летом — холодно!»

Отец открыл дверь. Удивился. Опять уставился на рубашку бедного зятя. Опять сказал своему зятю: «Если хочешь привлечь [к себе] отца, отлай отцу рубашку».

Бедный зять возразил: «Рубашку не дам! Все ценности тебе отдал. Этого не дам!»

Отец не унимался. Тогда бедный зять согласился.

— За это я хочу денег! — сказал [он].

Отец сказал: «Дам денег!»

— За это я хочу две сотни! — сказал [зять].

[Отец] дал две сотни и, радуясь, взял (букв. унес) рубашку. Придя домой, отец сказал бедному зятю: «Отец наденет твою рубашку, и ты его запри в помещении для выжимания масла!»

Приведя отца, [зять] запер его в помещении. На рассвете отец умер. [Так] отомстил [он] отцу.

Там и сям сказка осталась. Конец.

19. О СЕМЬЕ (ТОМБАХ)

(Хан Редже-бу, мужч., 46 лет, род. в сел. Алтиюли, крестьянин.
Записано в сел. Алтиюли 11 июня 1957 г.)

Текст

Piř bösyř vāra, ninusur vāra. Ana iřki vāra. Ūgyř joxar. Ana iřkige kufuř vāra. Ana piř bosyņu asyrypra. Ana piř ninusyny asvrypyra. Posyny as^yragan ja'z'uxar. Ninusvny asryan ja'z'uxa emesar. Ninusy her kuny jařtaraar. Posyž'ux any čölläpyra: «Uřakuma!» — tepera. Ninusy koņnāņz'-āne ūlm'iř. Pösy jyřtam'iř. Anāsy hām jyřtam'iř. Kufusy bir vām'iř. Anasy da vām'iř. Posy anasy, iřkiŷy ořyřpara. Anasy pařa tořzi. O pyr tořzi. Ana uř tořzi. Bosy inži kařazi.

Перевод

Живут (букв. есть) старик и старуха. [У них] две дочери. Сыновей нет. Дочери замужем. Одна дочь смотрит за отцом (букв. стариком), другая — за матерью (букв. старухой). Та, что смотрела за отцом (букв.

стариком), — красивая. Смотревшая за матерью (букз. старухой) — некрасивая. Старуха каждый день плачет. Старичок ее утешает. «Не горюй!» — говорит он.

Старуха, горюя, умерла. Старик плакал. И его дочь плакала. Один зять ушел, и дочь ушла. Старик и другая дочь живут вдвоем. Дочь родила детей. Родила одного сына и трех дочерей. [Вот] старик и обрадовался.

20. АГУ КАРАДЖИ. II (ТОМБАХ)

(Хай Ю Су-фу, мужч., 56 лет, род. в сел. Алтиюли, торговец.
Записано в сел. Алтиюли 12 июля 1957 г.)

Текст

Kuskur-oŷlān tep piŷ var. Agu Karaži tep piŷ qatyn kiš var. İfkysy tãšep (<tanišep) Agu Karaži Kuskur-oŷłanne čöjalmamıŷ. Arzi vaŷfa pilep Kuzkur-oŷłanne z'umã ki' m'ŷ. Agu Karaže Kuzkur-oŷłanne qaf tep jan'ŷamıŷ.

Kuzkur-oŷlān Agu Karažinige: «Sažıŷny piŷ vaŷqı da jaŷıŷ!»—dimiŷ.
Agu Karaži Kuzkur-oŷlānã jaŷamıŷ: «Xuŷŷoŷ avunige atnige kuruguna vaŷ tep jan da vãr!» — dimiŷ.

Nene Kuzkur-oŷlān Agu Karažinige: «Men sinigi kōmãŷ jüzüŷne piŷ vaŷqı da jaŷıŷ!» — dimiŷ.

Agu Karaži Kuzkur-oŷlānã jaŷamıŷ: «Ompešnige kēziŷyndagy aıŷa vãŷ t'ã jan!» — dimiŷ.

Перевод

[Были] юноша, по имени Коскур-оглан, и женщина, по имени Агу Караджи. [Они] познакомились, и Агу Караджи не могла оставить Коскур-оглана. Затем [об этом] узнали служивые люди и пришли схватить Коскур-оглана. Агу Караджи сказала Коскур-оглану, чтобы он бежал. Коскур-оглан сказал: «Взгляну разок на твои волосы и уйду!»

Агу Караджи сказала Коскур-оглану: «Взгляни на хвост коня императорского сына и иди!»

Коскур-оглан снова сказал Агу Караджи: «Взгляну разок на твое круглое лицо (букз. лепешка-лицо) и уйду!»

Агу Караджи сказала Коскур-оглану: «Взгляни на луну в пятнадцатый вечер и иди!»

21. ХРАБРЫЙ ЛАН САН ЧЕНЬ (ТОМБАХ)

(Ма Усман, мужч., 43 лет, род. в сел. Алтиюли, крестьянин.
Записано в сел. Алтиюли 11 июня 1957 г.)

Текст

Łaŷ Saŷ Čeŷ. Xu-kekiŷ, Kirniŷ, ŷimra ŷun'a, Artyŷ łamu, Tyŷ. Łaŷ Saŷ Čen izy niŷ kiŷ, naŷqa beŷ kiŷ vuryŷŷan.

Pu beŷ kiŷ Łaŷ Saŷ Čen kiŷnina čixarımıŷ. Łaŷ Saŷ Čen jötuŷ iŷinta o'mıŷ, pu beŷ kiŷine qarımıŷ. Qarıŷsa, niŷ xa'sy, kiŷne, iŷkysy, jaŷ(t)amã kiŷimıŷ. Jätuŷkōta čã vu:mıŷ. Čã vursa, iŷkısyna zanzı piŷz'ux vumıŷ. Zaŷızy čixiŷimıŷ. Vuriŷimıŷ.

Kiine xarseny õ'rimif: «Sī a'jyḡa irifsa, kōjyḡ (<kojyḡ) tūlālmagar, — il temif, — saḡa ūjit joxar!»

Xarsy jašamif: «Maḡa ūjit naḡ vugur? Łaḡ Saḡ Čen kiīny ny čixparsa, ūjāl joxar, jūtuḡ ifinda qarḡypra».

Łaḡ Saḡ Čen jūtuḡkūta kiīny, xarsy, ifkisy, vurišmif. Vuruškutāna Łaḡ Saḡ Čen tórmasy ny jy'z'āna jaḡamif. Jūtuḡden čixkiīmif. Čixkiīžāna kiīny ny čixmā vāmif.

Kiīny ny ātyny Manzygmu čyḡarpora. Any Tył čixparmif. Tyłnige tifaḡyna Łaḡ Saḡ Čen vāmif. Varsa, su qyrgyna je'mif. Kiīne su k'ū'mā kiīmif. Kiīni pir jān jūzyny jūmif, pir jan jūzine jūmāmif. Pašintaḡy pir jaḡ saḡiny fūrmif, pir jān saḡiny fūrmāmif.

— Pir jān jūzūḡni neḡe jū joḡtyr, pir jān saḡiny neḡe furuḡtyr (<fur joḡtyr)? — Łaḡ Saḡ Čen keīny na sormif.

Kiīny Łaḡ Saḡ Čena: «Neḡe jessanapor?» — teīmif. Łaḡ Saḡ Čen kiīny na: «Otyrtuḡu! diīmif. — Sunige ašaḡyndan õ'ssā, tiruḡar-o?» — tiīmif.

Kiīny: «Ti:uḡar! — diīmif, — jema pir xōpen ūtiparyr, quḡaḡyny temāsā, korymer, anden õtikikuma!»

— Anden ūrisinden õ'ssā neči'lār? — diīmif.

Xuaḡjoḡ bir xōpen õtepāryr, ānigi quḡaḡyn demāsā, kormyr. Anden õttigī! — diīmif kiīne.

Łaḡ Saḡ Čen õtepāmif. Keīnini jānige je'mmif.

Kiīny Łaḡ Saḡ Čenni sormif: «Sen qašy difaḡdagy kifster?»

— Men Łaḡ Saḡ Čender diīmif.

— Sen Łaḡ Saḡ Čen vōsa, men sī kiīnyḡdyr! — diīmif.

Kiīny vōsa, tānyłmamif.

İškisyneḡe pānjir bir vūmif. İškisy k'arlanganda jārem-jārem e'mmif. İ'k'isv rānjirny tōilāmif. İškisy inzi tānišmif anta. İnzi ifkisy tāgylišžāna jyłamif.

Łaḡ Saḡ Čen kiīny na: «Kaška!» — diīmif.

Kiīne jāšamif: «Ka'šmagā!» — diīmif.

Łaḡ Saḡ Čen: «Neḡe ka'šmagā?» — diīmif.

«Kašsa, — kiīny, — ohilāny z'ūtī kile!» — jāšamif.

Kiīny Łaḡ Saḡ Čena ū'i'mif: «Sen izy difaḡa kell!» — diīmif.

— İzy su k'õ'ki-ta vāḡý! — diīmif.

Łaḡ Saḡ Čen kiīny na so'mif: «Men izy kelsa, niči'li kigu?» — diīmif.

— Sen kelsa, małj'ni ūlter-ta, kojyny sūr-ta, małj'niḡe poikaragyny ki-ta, koīny sūr-ta kell! — kiīny diīmif.

— Kiīgudāna õita: ligi-ligi šeī, rama-rama šeī! elte jaša! — diīmif.

— Saḡa nēme: qan bir zany, sūt bir zany ve'e'e. Qanne tū'toḡo, sū'tne iftoḡo! — kiīny dimif.

Kiīny su koter vāmif. Łaḡ Saḡ Čen małj'ni ūltermif. Koīny sū:mif. Małj'ni poikaragyny kiīmif. Tyłnige õjina je'mmif.

— Ligi-ligi, šeī, rama-rama, ščī! — syqyramif.

Koī koīja kēlenmif, esku eskuja kē lenmif. Łaḡ Saḡ Čen sūt bir zany ny ifmif. Qan bir zany ny tō'mif. Tył kiīmif. Kiīuina so mif: «Łaḡtagy kif kiīmif nā?» — te so mif. Kiīny izy Łaḡtagy kifster.

— İskim mi kaša vācur? — diīmif.

Tył kiīn'neḡe ka'č'asyny: «čigār!» — diīmif. Łaḡ Saḡ Čenny keīny očax z'ūjina kommif. Zūjina Łaḡ Saḡ Čenny qoīmif, iftina taš pašymif. Tašni iftina q'arynur qoīmif. Q'a'yn iftina pašux qoīmif. Pašuxny iftina et qoīmif. E'tni iftina torvx te'ilemif. Toryxny iftina qāzembaf tōīmif. Tyłnige āz'yni pašamif. At jašalmif. Qāzembafni pir tō'mif, pir čillāmif.

Tyť kiĩnyna so miť: «A't qazembašny nēgē tō'pora? Nēgē čillāpora?»
Kiĩny aľa jaťamiť: «Seniġi aťyġ tiilgenañ, eli'kudana tō'pora, tičlāpora!»
Tyť: «Pu ta čyňa!»—eltemiť.

Tyť, kiĩny, iškysy «Inzi ja'qal»—diĩmiť. Iškisy ja'miť. Jatz'ana Tyťnige ġirigi kyzyġu-sōġu e'miť. Tyť kiĩnyna sormiť: «Mi izyniġe ġirigi kyzyġu-sōġu ityr, nēgesať?»

Kiĩne jaťamiť: «Ryťame-ta uxťal!»—diĩmiť. Uxťamiť. Nene piť zamanta nene so miť: «Izyniġi ġi.ġi kyzyġu-sōġu iter, negesať?» Kiĩny jaťamiť: «Uxťal!»—diĩmiť. Tyť: «Uxťamas!»—diĩmiť.

Xumiť. Kazembašne kazymiť. Kazz'ana e'tni čyxarmiť. Anden kljin-ta pařsuxny čixa'miť. Kiĩny jaťam iť: «Inzi vūġy, kazymaġa, cimenni kōz tiťka!»—diĩmiť. Kōz tiťsa, su čyx keg'ar, uhillny millig'a!»—diĩmiť.

Nene kazy'miť. Kāryn čyxklĩmiť. Kiĩny: «Qařġu!»—diĩmiť. Zimenne kōmmiť. Kilzānā uxťamiť. Kiĩny ōsyny tātāmiť. Tyť: «Avu nige ġy'ťapo:a?»—te sormiť. Kiĩne jaťamiť: «Avu sini pařťasa, nāġťa pařťaiť?»—te sorpa.

Tyť jaťamiť: «Mini kiřniġi tāmur urxānťa pařťasa, k'atāťyr!»

Kiĩny nene ōsyny tātāmiť. Tyť sormiť: «Avu neġe ġy'ťapo:a?»—diĩmiť. Kiĩne jaťamiť: «Avu sorpora, apy uxťasa, nič'i'li uxťar? Uġānsā, nič'i'li ūġāner?»

Tyť kiĩnyna jaťazi: «Mē uxťasa, kōzem ačyr. Mē kōzym ġunganda uxťaxťyr (<uxťa joťxťyr>).

Inzi Tyť, kiĩny, ōsy — čōsy ja'miť. Kiĩny ūčĩrmiť: Tyť uxťāmiť, kōzyny ačpora. Kiĩny xuty kiĩmiť. Āvusyny ġiřťamiť, izy ġiilenmiť. Łaġ Saġ Čenny kazybař ġiřťinden čixřāmiť. Łaġ Saġ Čen čixklĩmiť. Iřkisy ōxuťa vuriřmiť. Tyťnige sekis pařin'y jaťāmiť. Piť pař qalmiť. Iřkisy čaliřmiť. Tyťni paťťāmiť. Kiřniġi tāmur urxānťa pařťamiť. Inzi ūltermiť.

Łaġ Saġ Čen kiĩniny pařťzāna oġina kiĩmiť. Oġina kēsā, nene piť kiĩnyne Xořkekir čixřāmiť. Łaġ Saġ Čen kiĩniny arġina čixmā vāmiť. Any čixz'ānā ōġine aklĩmiť. Inzi Xořkekir, Kirnyx, Šampaġavu — čōsyny ūčysyny Łaġ Saġ Čen z'ūt'i kiĩmiť. Xořkekirny tēmur synġyryna pařťāmiť. Iřť kāmā asrāmiť. Kiĩnyny ūġen kiťermiť, a't k'emaga minmiť. Šambaġa'uga tenurġinyġy toxmařur veĩmiť. Šambaġa'uniġi āvusy on iřki jaťapora. Rūx'ťa otupora. Šambaġa'nige aġētynda tēmur ketur vara. Łaġ Saġ Čen Šambaġavu iřkisy, tēmur e'miť.

Toxmāry pāři čixřāmiť, rux'ťāry ōsyny ūltermiť. Tosmiť.

Перевод

Лан Сан Чень, Хоркекир, Кирих, Шэмпя Луня, Артых Ламу, Тыл.

Лан Сан Чень один [с теми] другими пятью человекaми воевал. Эти пять человек утащили жену Лан Сан Ченя.

Лан Сан Чень сидел в ютуне¹ и проклинал этих пять человек. Когда он проклинал, пришли муж и жена вдвоем молиться. В ютуне [они] приготовили чай. [Оказалось, что] на двоих одна чашка. [Они] стали тянуть [друг у друга] чашку. Подрались.

Жена [стала] ругать мужа: «Пойдешь за тобой (букв. последуешь сзади), так не проживешь (букв. не сможешь проводить время), — так говорила [она], — стыда нет у тебя!»

¹ Ютун — жилище в пещере (кит.).

Муж промолвил: «Какой мне стыд? Жену Лан Сан Ченя утащить не постыжусь — [ведь он только сидит] в ютуне и проклинаят».

В ютуне Лан Сан Ченя, муж и жена вдвоем, [затеяли] драку. Во время драки (*букв. дерясь*) Лан Сан Чень собрал [все] гормы¹ и бросил [на пол]. [Сам] выбежал из ютуна. Пошел выручать (*букв. тащить*) жену.

Жену его зовут Манчыгму. Ее утащил Тыл. Лан Сан Чень отправился в землю (*букв. место*) Тыла. Добрался до берега реки (*букв. воды*). Жена его пришла за водой (*букв. нести воду*). Одну половину (*букв. сторону*) лица [она] вымыла, другую половину (*букв. сторону*) лица не вымыла. На голове одну половину (*букв. сторону*) волос [она] заплела, другую половину (*букв. сторону*) волос не заплела.

— Почему [ты] одну половину (*букв. сторону*) своего лица не вымыла, одну половину (*букв. сторону*) волос не заплела? — спросил Лан Сан Чень жену.

Жена сказала Лан Сан Ченю: «[Ты] зачем носишь траур?» Лан Сан Чень сказал жене: «Присядь! Река, если пройти по низу ее, глубокая?» — сказал [он].

— Глубокая, — сказала жена, — проходит табун диких коней — кроме ушей, не видны [кони], там не переходит!

— Если выше переправляться, то какво? — спросил [Лан Сан Чень].

— Стадо диких баранов проходит — кроме ушей, не видны [бараны]. Там переходит! — молвила жена.

Лан Сан Чень переправился и добрался до жены.

Жена спросила Лан Сан Ченя: «Ты человек какой местности?»

— Я Лан Сан Чень! — ответил [он].

— Коли ты Лан Сан Чень, то я твоя жена! — сказала [она].

Хотя и жена, но не узнать [се]. У них на двоих был один браслет. Когда расставались, [они] поделили [его] пополам. Примерили [обе половинки] браслета. [Так] теперь они узнали друг друга. Бросились в объятия и заплакали.

Лан Сан Чень сказал жене: «Бежим!» Жена ответила: «[Я] не [могу] бежать!» Лан Сан Чень воскликнул (*букв. сказал*): «Почему не [можешь] бежать?» — «Убежим, нас обоих поймают!» — ответила жена.

Лан Сан Ченю жена дала совет (*букв. поучила*). «Ты [ещё] приди в [это] место, — сказала [она], — а я пойду отнесу воду».

Лан Сан Чень спросил жену: «Если я [еще] приду, то как [мне] прийти?»

— Коли ты придешь, убей пастуха (*букв. скотовода*), возьми его овец, надень платье пастуха (*букв. скотовода*) и, ведя овец, приди [сюда]! — сказала жена.

— Придя домой (*букв. в доме*), скажи: „Овцы-овцы, отделитесь! Козы-козы, отделитесь!“ — сказала [она]. — Тебе дадут чашку крови и чашку молока. Кровь вылей, а молоко выпей! — сказала жена.

Жена ушла, неся воду. Лан Сан Чень убил пастуха (*букв. скотовода*). Угнал овец. Надел [на себя] платье пастуха (*букв. скотовода*). Добрался до дома Тыла.

— Овцы-овцы, отделитесь! Козы-козы, отделитесь! — закричал [он].

Овцы соединились с овцами, козы соединились с козами.

¹ Гормы — фигурки животных и людей (из теста) (*тиб.*).

Лан Сан Чень выпил чашку молока, а чашку крови вылил.

Пришел Тыл. Спросил жену: «Что, ланский человек пришел?» А жена сама из Лана.

— По запаху не узнаешь! (*букв.* куда доберется мой нюх?) — сказала [она].

Тыл слова жены признал правильными. Лан Сан Чень жена закопала в очаге. Вниз положила Лан Сан Чень, сверху придавила [его] камнем. На камень положила желудок. На желудок положила кишки. На кишки положила мясо. Мясо посыпала пылью. Сверху установила плиту. Привязала коня Тыла. Конь освободился от привязи. Лягнул плиту, разок укусил.

Тыл спросил жену: «Почему конь лягает плиту? Зачем кусает?»

Жена ему ответила: «Твой конь взбесился, поэтому он лягает и кусает!»

— Это верно! — сказал Тыл. Тыл и жена решили: «Теперь ляжем!» Оба легли. Сердце Тыла становилось то горячим, то холодным. Тыл спросил жену: «Мое сердце то горячее, то холодное. Почему бы?» Жена ответила: «Не разговаривай, спи!» [Тыл] уснул. Вдруг снова спросил: «Мое сердце то горячее, то холодное. Почему бы?» Жена ответила: «Спи!» Тыл сказал: «Не буду спать!» [Тыл] встал. Откопал плиту. Вытащил мясо. После этого вытащил кишки. Жена промолвила: «Ну хватит, не рой [больше]! Землю продырявишь! Сделаешь дыру, появится вода и нас затопит!»

Тыл [продолжал] рыть. Появился желудок. «Бежим!» — сказала жена. [Они] закопали снова все (*букв.* на земле). Пришли и уснули. Жена [стала] тянуть своего мальчика. Тыл спросил: «Мальчик почему плачет?» Жена ответила: «Мальчик спрашивает: если тебя вязать, [то] чем [можно] вязать?» Тыл ответил: «Если меня будут связывать жилами человека, то это будет возможно!»

Жена еще раз потянула своего мальчика. Тыл спросил: «Мальчик почему плачет?» Жена ответила: «Мальчик спрашивает: „Когда отец спит, [то] как он спит, а если просыпается, [то] как просыпается?“»

Тыл сказал своей жене: «Когда я сплю, мои глаза открыты. Когда закрываю глаза, [я] не сплю».

Вот Тыл, его жена и сын — все легли. Жена увидела, [что] Тыл спал и глаза его открыты. Жена встала, повела сына и пошла сама. Позвала Лан Сан Чень из-под плиты. Лан Сан Чень появился. Оба они (*т. е.* Лан Сан Чень и Тыл) [начали] сражаться стрелами. [Лан Сан Чень] уничтожил восемь голов Тыла. Осталась одна голова. [Начали] бороться. [Лан Сан Чень] опрокинул Тыла. Связал его жилами человека. [Потом] убил [его].

Лан Сан Чень повел жену домой. Придя домой, [узнал, что] еще одну его жену утащил Хоркекир. Лан Сан Чень отправился выручать (*букв.* тащить) жену. Выручив (*букв.* вытащив) ее, привел домой. Вот Лан Сан Чень изловил всех троих — Хоркекира, Кирниха и Шампаджаву. Хоркекира посадил на железную цепь. На Кирниха надел узду и сел [на него], как на коня. Шампаджаве [он] дал молот кузнеца. У Шампаджавы сын двенадцати лет. Он живет на верхнем этаже. Во дворе Шампаджавы куски железа. Лан Сан Чень и Шампаджава ковали (*букв.* делали) железо.

Молот взвился вверх и убил сына [Шампаджавы], который находился [в это время] на верхнем этаже. Конец.

(Ма Ху-сей, мужч., 29 лет, род. в сел. Алтиюли, крестьянин.
Записано в сел. Уллагыл 14 мая 1957 г.)

Текст

Piř tořenuř vumif. Piř púřeř vumif. Iřkisyñe pařa vara. Iřkisy hār kuna zuma vařama vāřora. Puře sen vařařu, sen jipora. Tořen sen vařařu pařa-syna jipora. Oiře jařřanda poře izega ařāgysy řoxmařu, tořenni jimif, řo-masyny řihmif.

Tořennigi pařasy bilmif. Bilzane amasinigi zusine pořymā vāmif. Puřin-gigi pařasyni řixřāmif:

— Pure-kaka, oiņařa! — diřmif.

Pure janřamif: «Oināmās — tiřmif, — minigi amem sinigi amegni jimif».

Tořen janřamif: «řani jisā, jigif! Őhilā oinami na'kur? — diřmif.

Pure bařasy tajn e'mif. Iřkisy oināmā řix kelmif.

Touřen janřamif: «Pure-kaka, ōgeli piř řaliřa!» — diřmif. Pure: «Ja!» — diřmif.

Iřkisy řaliřmif. Tořenni bir gāz bařāmif. «Nene piř gez řaliřa!» — diřmif. Tořen ořřyndāņ'ūx pičyxni jere tik kiřmif. Tořen iřkisi řaliřqanda puřene pičix ičina žagāmif. Pure bařasyne ūltermif. Amasinigi řusini řu-řāmif.

Purinigi iřisi bilmif. Tořen qařmif. Pure kōřamif. Tořan'qařž'ane qoi ko'kuzisi janyna je'mif. Qoi ko'kučiřa janřamif: «Ei, qoi ko'kuzi, sen mini piř jařer! Mini pure kōřař kipor, minigi žanym piř žuřa!»

Qoi ko'kuři janřazi: «Men jařerelmes!» — tiři.

Tořan' jareži. Mař ko'kuři tājin etž'e: «Qojimdigi arasynda jařintuřu!» — diři.

Pure kōřaři aņa ježž'e. Puře aņnařž'e: «Mař ko'kuže, muņa tořenur va-řeřu(r)?» — tiři.

Mař ko'kuže jaņřaze: «Me kō:miři!»

— Sen jaņřagur mu, jaņřamas? — tiři, — jaņřamāsā, mān sini jigur! — tiři.

— Jaņřamās! Jisā, jii! — diři.

Puře tiřini bilizi. Malči orařyny bilizi. Pure qařž'i. Tořen hām qařž'i. Tořen nene piř je.e ježž'e. Puřune kōži.

— Puřu-kaka, sen meni piř jařer! — diři, — puře mini kōřa kipoř, puře mini jigur řepēřa!

Puři jaņřaze: «Sen maņa jaž'ūžūx řařqafūr jūr, men sini jařirgil

Tořan jaņřazi: «Puřu, puřu, sinigi muņasyņ qyemā ořřiri, sinigi puř-nej řō:e cřřiri, sinigi řoņyņ jaž'ūřari!»

Mune jaņřařu puřu řōjinzi: «Sen minigi p'urnym ičina jařintuřu!» — diři. Tořen puřnu ičina kiři.

Pure kōřaře aņa ježž'e. Puřuņa sorži: «Puřu, muņa tořenur kelto?» — diři.

Puřu jaņřazi: «Kō:miři!» — diři.

Puře jaņřaze: «Sen jaž'ūž'ūx jaņřagur mu, jaņřamās? — tiři. — Jaņřa-māsā, mān seni jigur!» — tiři.

Puřu jaņřazi: «Jisā, jii!» — diři.

Pure tiřini pilizi. Puři muņasyņ pilizi. Puře jimā varži. Puři bir sūt-ž'ane (s'ūž'ane?) puřine ūlterži. Puři tořenni řixřazi: «Tořan, sen én-di ge, mān puřini ūlterži!»

Tořan inggelže. Puři jaņřazi: «Tořan, sinigi žanyņne men žulizi, inže sen maņa jaž'ūž'ūx řařqafūr jū!» — tiři.

To^ujan jiriginta deñuit saɣynzi. To^uñan koz ifina kirzi. Koz ifinden janfaži: «Pu^uŷu, sen tiɣna, men saɣa xaɣeŷ jürgi!» — diiži. To^uñan xaɣeŷ jürzi: «Pu^uŷu, pu^uŷu, sinigi muɣasynɣ qaragaŷ jovyra oxŷiri, sinigi p^uurnyɣ mäšu^ura oxŷiri, sinigi kuzey çazuge oxŷiri!»

Muni janšaɣu pu^uŷu k'aɣnane koz elindaž'ux ize-izyne süti (s'üt) üłzi.

To^uñan çixkelzi. To^uñan çixkelli kynje taŷne ž'üte pu^uŷunigi etini kesž'e. Ani ž'üte to^uñan jü ži.

Pir jere jesse, tülügu kö^užzi.

— Tülügu, men aɣyⁱ ne išteper, sen aɣyⁱ ne tanyškur-o? — diiži.

Tülügu janšaži: «Men te aɣyⁱ nur išteper! — diiži. — Üxili tanyšköta!» — diiži.

Iškisy tan'yžž'e. To^uñen janšaži: «Üxiliga kakar vösä, jaxŷi voya!» — tiži.

— Üxili iŷtipaɣa! — diiži.

Nene pir jere je'ze. Purer kö^užzi.

— Qaŷa väɣur, — tiži, — sen?

Pure janšaži: «Izy aɣyⁱ ne ištepagur!» — diiži.

— Eliği vusa, pišä aɣyⁱ ne išteper, eji-žo, tanyšköta! — diiži.

Čösy anta tanyžž'i. To^uñan, akiⁱ gen e'tni iškisinä verzi.

— To^uñan-kaka, sen pu e'tni qatän akelzi? — diiži.

— Xona-xonanigi köliği qaja^ura vämiŷta anten pižä kes kelzi! — diimif.

Iñzi čösy sorifmiŷ. To^uñan kaka taɣnamiŷ. Pure ine taɣnamiŷ. Tülügu kiči ini taɣnamiŷ. Mune suryšqanda öreten xuruntu iŷkiⁱ miŷ.

To^uñan janšaži: «Pu^uŷe, tülügu, xuruntu antan iŷkilzi. Män axsa^u çoɣnaɣy! Vu mini ž'o'qur dä xuruntu sandugene qoiɣanda mini vu kötafer. Köläšqanda xuruntu sanduɣune iškisyɣ k'ü't-te qäŷ!»

Xuruntu je'žž'e. To^uñan axsa^u çoɣnaže. Xuruntu sanduɣune qoiže. To^uñanne kötažž'e. Köläšqanda pu^uŷe xuruntu sanduɣune kö'tere qažž'e. Xurun^utune anda xyiŷaže.

Iñzi čösy ujina vä:e üližž'e.

— Pure üliŷ! — tiže. Pu^uŷe: «Ülišä pilmäs!» — tiži.

— To^uñen-kaka, sen üliŷ! — tiži. Tülüguga raɣnaže: «Sen üliŷ!» — tiži.

— Izy üliŷä pilmäs. To^uñan-kaka, sen üliŷ! — tiži.

To^uñan üližž'i. Patuŷkusyny tülüguga verzi: «Mune sen ujina apago! Pir etete paŷaryɣnigi qulaɣy aɣında pir-pir to^uñat. Paŷaŷaryɣ pir kun pir kundä mäliž'ux çyɣna keler!»

Sandux ičinta itux piŷ qoŷ vara. Mune pu^uŷy^u väigé: «Mune apaɣu, sen mune ki-ta taqqa vä^u-ta, portux-portux èt-ta, to^uñet! Köliär janiɣa myn je-xaŷ kéler. Sen mintonž'ux jiša voler!»

Pu^uŷe, tülügu ujina janzi. To^uñena tiğiine qatun — qatane.

Tülügu aɣında patuŷkusyne pir etete paŷasynige qulaɣy aɣında piŷ-piŷ to^uñetžž'i. Paŷasi k'aɣnane myn üłzi.

Pu^uŷe itüxni kiije, taqqa väre to^uñetžž'i. Köi ürgizäne jiryxtin jiraqqa qažž'i. Purinigi aŷy^u kile janzi. Tülügunige kösynda çixraži. Tülügu çix kelzi.

— To^uñen-kaka xyitin xyi etipa(r), mettin met etipa(r) Pugun taqqa väre qoi bir de tutuŷmaže, jiryxtin jiryx qašir. Men xutu jataži!

Tülügu janšaži: «Pu^uŷu-kaka, maɣa taxi e'miŷ. Patuŷkunc to^uñitiper dä minigi paŷamŷarym myn üłzi. Üxili väɣa-da To^uñen-kakane jikoŷa!» — tiži.

To^uñan sorryšqanne biži. To^uñan aɣında je'žž'i, aɣryxči çoɣnaži. Kösyni tyɣnaži. Puži, tülügu — iškisy, kösynda çixraži: «To^uñin-kaka, To^uñin-kaka!» — diiži. To^uñin unny verzi.

— Sen kemdir? — tiži.

— Men — puru, tülügu-inidir! — diiži.

To^uñan xu kelzi. Kösyni aŷž'i.

— İzy aγγyɾ! — diŷzi, — sen iŷkisyɯ ne'me kelzi? Men aγγyɾanene piŷtu? — diŷzi.

İŷkisy janŷazi: «Aγγyɾanyne bilmizi! To^uŷɾn-kaka, pisyɾa sen xyi etmiŷoŷ! — diŷzi.

Puŷi janŷazi: «Me etuxni kiŷe qoi kōŷaŷmā varzi, piɾ dā tutyŷmazi, men xutu jatazi!»

Tūlüɯ janŷazi: «Sen maɯa vegiini patuŷkune sen janŷagan k'āmā paŷtarimnigi qulayɾ aŷinda to^uŷiti per dā paŷtarym myn ŷiŷi. İŷkisy soreŷa sini jigur ta kelzi!»

Etigu to^uŷinnigi jiriginda teiŷin saγγynzi. İŷki kuzyni qysɯz'i. Puŷe aɯnaŷz'i: — To^uŷin-kaka, si kuzynni na'z'i?

To^uŷin janŷazi: «Mi kuzymni te'lli vuɾu-jizi!»

Pure janŷazi: «Minigi kuzemne ŷor-te vēr, mān dā ji qāy!» — diŷzi.

Uɯar berzi. Kuzina pintaŷ piŷa kar berzi. Pure jizi.

— A'kō, kozem te'lār! — tiŷzi, — nene piŷ kozemne oγγyɾ-dā vērtuɾu! — diŷzi.

Nene biŷ kozini oγγar biŷzi. Jizi. Aɯnaŷz'i.

— Pu iligi k'ama te'lli emesar! — tiŷzi.

To^uŷin janŷazi: «Se xusaγγyɯ teiŷinigar!» — tiŷzi.

Tūlüɯ aɯnaŷz'i: «To^uŷin-kaka, sinigi kōzūɯ nege qyspor?» — diŷzi.

To^uŷin janŷazi: «Mān kozumne te'lli vuɾu jizi!»

Tūlüɯ janŷazi: «Minigi kozumne oγγu-da vēr, men dē kozumne ji qāy!» — diŷzi.

Kozuni oγγar birzi. ŷataŷ biŷa kar berzi. Tūlüɯ jizi.

— Ako, te'llār! — tiŷzi. — Nene bir kozumne oγγu-ta vēr! — tiŷzi.

Aɯa oγγar birzi. Any da jizi.

— Pu te'lli emesar! — tiŷzi.

— Xusaγγyɯ teiŷin'gar! — diŷzi. Puŷe tūŷigini kozyny xeilāzi.

— To^uŷɾn, puŷu, tūlüɯ — iŷkisyɯ paŷle qaja qyɾyɾyna varzi. Anta o't qatazi. To^uŷin met e'tzi. Tūlüɯguga o saŷ berzi.

— Tūlüɯ, sen aŷiɯa piŷā saŷlān, tū'hōɯ jarmaqqa vaɾu, vaxtaɯz'ux xyiŷagar!

Aŷina saŷlanzi, tūlüɯ qajaya varzi. Puyɾa o saŷ perzi.

— Puyɾ, — diŷzi, — aŷiɯa piŷā saŷlān! Sinigi tū'hōɯ jarmaqqa vaɾu, vaxtaɯz'ux xoiŷtaɾar. Aŷiɯa piŷā saŷlān!

Puŷy saŷlanzi. Qajyɾa varzi. To^uŷɾn pu iŷkisyɯ mynda ŷiŷterzi. Tosz'i.

Перевод

Были зайчиха и волчица. У них были дети. Каждый день они обе ходили добывать сладкий корень. Волчица копает и ест. Зайчиха выкапывает и своему ребенку оставляет. Когда они возвращались [домой], у волчицы нечего было нести, [поэтому] она съела зайчиху и взяла у нее сладкий корень.

[Об этом] узнал зайчонок (букв. детеныш зайчихи). Узнав, решил (букв. пошел) отомстить за мать. [Он] позвал волчонка (букв. детеныша волчихи).

— Братец волк, поиграем! — сказал [он].

Волк ответил: «Я не играю. Моя мать съела твою мать».

Заяц промолвил: «Съела так съела! Почему нам не играть вдвоем?»

Волчонок согласился (букв. обещал). Оба вышли поиграть.

Заяц сказал: «Братец волк, поборемся!» Волк ответил: «Давай!»

Оба [начали] бороться. [Волк] один раз поборол зайца. «Ну, еще раз поборемся!» — сказал [заяц]. Заяц тайком воткнул в землю нож.

Когда они боролись, [заяц] бросил волка на нож. Убил волчонка. Отомстил за мать.

[Об этом] узнала мать волка. Заяц убежал. Волчица бросилась догонять [его]. Убегая, заяц добрался до пастуха овец. [Он] сказал пастуху овец: «Эй, пастух, спрячь меня! За мной волчица гонится. Спаси меня!»

Пастух овец ответил: «Я не могу [тебя] спрятать!»

Заяц пригрозил [ему]. Пастух согласился (*букв. обещал*). «Спрячься среди моих овец!» — сказал [он].

Волчица достигла пастуха (*букв. его*). Она (*букв. волчица*) спросила: «Пастух, заяц здесь?»

Пастух ответил: «Я не видел [его]!»

— Ты скажешь или нет (*букв. не скажешь*)? — сказала [волчица]. — Если не скажешь, я тебя съем!

— Не скажу, хочешь есть (*букв. если ешь*) — ешь! — сказал [пастух].

Волчица наточила зубы. Пастух наточил серп. Волчица убежала. Заяц тоже убежал. Заяц добрался еще до одного места. Увидел оленя.

— Братец олень, спрячь меня! — сказал [он]. — Волчица гонится за мной, вот-вот меня съест!

Олень ответил: «Скажи, что я красивый, [тогда] я тебя спрячу!»

Заяц сказал: «Олень, олень, твои рога, как (*букв. похожи*) тростниковое перо, твой нос, как флейта, ты (*букв. твоё тело*) прекрасен!»

После того как [заяц] это сказал, олень обрадовался: «Спрячься в моем носу!» — сказал [он]. Заяц вошел в нос [оленя].

Волчица достигла оленя (*букв. его*). [Она] спросила оленя: «Олень, сюда прибежал заяц?»

Олень ответил: «Не знаю!»

Волчица сказала: «Ты скажешь по-хорошему или нет (*букв. не скажешь*)? Если не скажешь, я тебя съем!»

Олень ответил: «Хочешь есть (*букв. если ешь*) — ешь!»

Волчица наточила зубы. Олень наточил рога. Волчица бросилась [на оленя]. Олень ударил рогами и убил волчицу. [Затем] олень позвал зайца. «Заяц, иди [сюда], я убил волчицу!» [— сказал он].

Заяц прибежал. Олень промолвил: «Заяц, я спас тебя (*букв. твою душу*). Еще разок похвали меня!»

[Тут] заяц задумал недоброе. Заяц бросился в отверстие [на земле]. Оттуда (*букв. из отверстия*) сказал: «Олень, послушай, я похвалю тебя!» Заяц произнес (*букв. похвалил*): «Олень, олень, твои рога как (*букв. похожи*) ветви карагача, твой нос как (*букв. похож*) черпак, твои глаза как (*букв. похожи*) чашка!»

После того как [заяц] это сказал, олень в ярости забодал сам себя и умер.

Заяц вышел [наружу]. Выйдя, он схватил острый камень и отрезал [кусок] оленьего мяса. Взял его и пошел [дальше]. Дошел до одного места и увидел лису.

— Лиса, я ищу родных, породнимся с тобой? — сказал [заяц].

Лиса ответила: «И я ищу родных! Породнимся оба!» — сказала [она].

Оба [они] породнились. Заяц сказал: «Если бы у нас был старший брат, хорошо бы было».

— Поищем вдвоем! — сказали [они].

Опять дошли до одного места. Увидели волка.

— Ты, — сказали [они], — куда идешь?

Волк ответил: «Я ищу родных!»

— Если так, [то и] мы ищем родных, породнимся втроем! — сказали [заяц и лиса]. Все они там породнились. Заяц отдал [тем] двоим мясо, что принес [с собой].

— Братец заяц, ты откуда принес это мясо? — сказали [лиса и волк].

— Корова [одного] человека разбилась о скалу. От нее немного отрезал! — сказал [заяц].

Все [они] посоветовались. Заяца выбрали старшим братом. Лису выбрали самым (*букв. малым*) младшим братом. [Пока] они занимались [этим], с южной [стороны] пришел продавец.

Заяц сказал: «Волк, лиса, оттуда пришел продавец. Я притворюсь хромым. [Желая] меня поймать, продавец поставит [на землю] свой сундук и погонится за мной. Когда он побежит, возьмите сундук и бегите!»

Подошел продавец. Заяц притворился хромым. Продавец поставил свой сундук и погнался за зайцем. Только он побежал, как волк схватил сундук и скрылся. [Так] наказали [они] продавца.

Вот все они пришли домой и начали делить между собой [добычу].

— Волк, [ты] дели! — сказали [заяц и лиса]. Волк ответил: «Я не умею делить!»

— Братец заяц, ты дели! — сказали [волк и лиса]. Обратились к лисе.

«Ты дели!» — сказали [заяц и волк].

— Я не умею делить. Братец заяц, ты дели! — сказала [лиса].

Заяц поделил. Барабан он отдал лисе. «Отнеси это домой. Однажды утром поиграй за ушами детишек. День за днем они быстро вырастут!» — [сказал заяц].

В сундуке оказалась пара сапог. Их [заяц] отдал волку. «Унеси это. Надень их, ступай в горы, поскрипи [ими]. Все овцы к тебе сбегутся (*букв. соберутся*). Ты их запросто съешь!» — [сказал заяц].

Волк и лиса отправились (*букв. вернулись*) домой. Заяц достался весь остаток.

Лиса дома однажды утром поиграла на барабане за ушами своих детишек. Испугавшись, все ее детишки умерли.

Волк надел сапоги, пошел в горы и поскрипел [сапогами]. Овцы испугались и далеко-далеко убежали. Волк, рассердившись, пришел обратно. Покричал у дверей лисы. Лиса вышла.

— Братец заяц сильно мучает [нас], [много] плохого делает. Сегодня в горах ни одну овцу не поймал (*букв. не поймалась*), далеко-далеко [все] убегают. Я очень устал! — [сказал волк].

Лиса промолвила: «Братец волк, и мне [он] то же [самое] сделал. Я поиграла на барабане, и все мои дети умерли. Пойдем вдвоем, да съедем братца зайца!»

Заяц узнал о том, что они решили (*букв. посоветовались*). Заяц дома лег и притворился больным. Двери он запер. Волк и лиса закричали у дверей: «Братец заяц! Братец заяц!» Заяц подал голос.

— Кто вы (*букв. ты*)? — спросил [он].

— Мы (*букв. я*) волк и лиса — младшие братья! — сказали [они].

Заяц встал и открыл дверь.

— Я болею, — сказал [он], — вы (*букв. ты*) оба зачем пришли? Узнали, что я болен?

Волк и лиса (*букв. оба*) ответили: «Мы не знали, что ты болен! Братец заяц, ты помучил нас!» — сказали [они].

Волк промолвил: «Надел я сапоги и пошел за овцами. Ни одна не попала, я очень устал!»

Лиса сказала: «На барабанах, что ты мне дал, я поиграла, как ты говорил, за ушами моих детей, и все они умерли! Оба мы решили прийти и съест тебя!»

[Тут] заяц задумал в сердце недоброе. Он зажмурил глаза. Волк спросил:

— Братец заяц, что с твоими глазами?

Заяц ответил: «Мои глаза вкусные, [я их] съел!»

Волк попросил: «Вырви-ка мой глаз, я [его] съем!»

[Заяц] вырвал. Глаз чуть-чуть посыпал сахаром. Волк съел.

— О-о, глаз мой вкусный!— сказал [он].— Вырви другой!

Заяц снова вырвал глаз.

— Этот не такой вкусный, как тот!— сказал [волк].

Заяц ответил: «Ты уже сыт!»

Лиса спросила: «Братец заяц, почему у тебя глаза закрыты (букв. сжаты)?»

Заяц ответил: «Мои глаза вкусные, [я их] съел!»

Лиса сказала: «Вырви мой глаз, и я съем-ка свой глаз!»

[Заяц] вырвал ее глаз. Посыпал [его] немного сахаром. Лиса съела.

— О-о, вкусно!— сказала [она].— Вырви другой мой глаз!— попросила [лиса].

Заяц вырвал. [Лиса] и его съела.

— Этот невкусный!— сказала она.

— Ты уже сыта!— сказал [заяц].

[Так заяц] лишил глаз волка и лису.

Заяц повел волка и лису к краю скалы. Там развел огонь. Заяц задумал плохое. Швырнул огонь на лису.

— Лиса, немного шагни назад, мех у тебя дорогой, как бы не испортился!

Лиса шагнула назад и разбилась (букв. упала на скалу). [Заяц] швырнул огонь на волка.

— Волк, — сказал он, — шагни немного назад. Твой мех ценится, как бы не испортился. Подвинься назад!

Волк ступил назад и разбился (букв. упал на скалу). [Так] заяц расправился здесь с теми двумя [зверьями]. Конец.

ПРОЗА

СКАЗКИ

23. АГУ КАРАДЖИ. III (ТОМБАХ)

(А Фи-е, женщ., 50 лет, род. в сел. Ханбах, крестьянка.
Записано в сел. Алтиюли 12 июня 1957 г.)

Текст

Piř bösyr vumiř. Aņa Agu Karađi diž'anā anur vumiř. Inzi apasy Agu Karađiņa kuī iřtipāmiř. Inzi jize kaka vugučinigi kičiz'ux inisyny kormiř. Agu Karađinigi apasyна ož'ux sormiř: «Pa-vō, kaļa vagur-a?»—te sormiř.

— Me anamā kuī iřtipagur! — diimiř.

— Mi vūsa, vugar-o? — diimiř.

— Pырных, sē jaramagar! — diimiř.

Jaramagar digili ož'ux jūzini aryz'ux jūz'anā bösyr jānyна giimiř.

Nene sormiř ož'ux: «Pa-vō, kaļa vagur-e?» — diimiř.

— Anamā kuī iřti pagur! — diimiř.

— Mē vūsa, vugar-o? — diimiř.

— E-e, sē vūsa, vugar! — diimiř.

Ož'uxny pařliz'anā vāmiř. Jōļa je'miř. Pōsy a't minpara, ož'ux jūrpora. Inzi ož'ux jařamiř. Inzi posyny varž'anā: «Pačixny a't jasa minsā, vořyr-o?» — diimiř.

— Kamaku, pačixny a't jasa minsā, jaryr-u? — posy diimiř.

Inzi pōsy e'mex ji'i miř, ož'uxqa vīimi'i miř.

— Pačixny emexter te jisa, vořyr-o? — diimiř.

— Kamaku, pačixny emexter te jisa, jaryr-o? — posy diimiř.

Inzi kōsy jānyна je'miř.

— Pa-vō, pāzaryņa quļax vār-o? — diimiř.

— Kamaku, pazarura qařsy quļax kiğur-i? — diimiř.

Inzi ođina varž'anā apasy anasyна jařamiř: «Ana, saņa kujyr akelzi či-kamakuar!» Anasy sormiř: «Nağ kamakuar?»

— Pačixny a't jasa minsā, vořyr-o? — tijer, — vu kamaguar!

— Apa, ož'ux kamaku emesar, sē kamaguar, atyğ arjiny piř minderer mu te'i jařamiř. Nene piř nağ kamaguar? — anasy sormiř.

— Pačixny emexter te jisa, vořyr mu? — tijer, -- vu piř kamaguar!

— Vu kamagu emesar, apa, sē kamaguar. Emegiğten piča verir mu te jařamiř. Nene piř nağ kamakuar? — anasy sormiř.

— Pazaryņa quļax vār-o? — tijer, — vu kamaguar!

— Apa, vu kamaguar emesar, se kamaguar, õjõnda ift vār-o, — tigenar, — e-e, ilig vūsa, kamagu emesar vūgar!

Ïnzi Aku Karaĵini õz'ux čaĵamif: «Aku Karaĵi, kara saĵiĵny piř paqpy-da ĵānina, ĵānina!»

— Koskur-oĵtan-o, qara sačimny paqxu neme ĵuxāne, xuanšõĵ an'gi aty kurgune pa-x-ta ĵanine!

Õz'ux ĵaĵamif: «Aku Karaĵi, čaĵuĵ kõzũĵny pir paqpy-ta ĵanine!»

Aku Karaĵi õz'uxke ĵaĵamif: «Koskur-oĵtan-o, čaĵuĵ kozumny na'ku neme ĵuxune, xuanšõĵ anige so-ma čaĵuĵny pa-x-ta ĵanine!»

Kozkur-oĵtan nene Agu Karaĵine čaĵamif: «Aku Karaĵi, sinigi purnuĵny pir paqpy-da ĵanine, ĵanine!»

— Kozkur-oĵtan-o, mi purnumny paqxu neme ĵoxune, xuanšõĵ anige kāmuf čuryne, pa-x-ta ĵanine!

Õz'ux nene čaĵamif: «Agu Karaĵe-e, komaf ĵuzuĵne pir paqpy-ta ĵanine!»

— Kuzkur-oĵtan-o, komaf ĵuzumny paqxu neme ĵuxuny. Om bešnigi keĵisyndagy ainy pa-x-ta ĵanine!

Ïnzi nene Aku Karaĵini čaĵamif: «Aku Karaĵi, me sini aĵeĵyĵny pir paqpy-ta ĵanine!»

— Kozkur-oĵtan-o, aĵeĵymny paqxu neme ĵuxuny, k'ušini qenyne pa-x-ta ĵanine!

Any ĵašiz'ānā Ïnzi ĵiĵi syĵ ruxta paĵini tarāmif. Saĵi ĵere sālinmif. Ïnzi Kuzkur-oĵtan anigi sāčini tagyĵz'ānā ruxka čyxparmif. Ïnzi Aku Karaĵinigi tũzini Kozkur-oĵlān ĵatyx koĵzānā uxĵāmif. Kozkur-oĵtanige ĵiĵi kakasy Kozkur-oĵlāne ũltermē klīmif. Agu Karaĵi Kozkur-oĵtāne čaĵamif: «Kuzkur-oĵlān-o, Kuzkur-oĵlān-o, õrete põ tušize, eišete qyĵ tušize. Ĵũz a'tni ĵĩntā malisyny tāny-da, ĵũz eĵerny ĵĩnta ĵa'z'uguny tāny-ta, ĵũz qilišni ĵĩnta ĵi'lisyny tāny-da kāĵina, ĵiĵi kaka ĵiĵina!»

Kuzkur-oĵtan uxĵaz'ānā ũĵānmamif. Agu Karaĵi ĵyĵta-ĵyĵta čaĵamif. Ĵy-ĵ'ĵagan ĵaf kuzy Kuzkur-oĵtanĵny kulāĵyna tammiř. Kuzkur-oĵtan a'tn'gi malisyn' tāny, eĵernigi ĵa'z'ugun' tāny, qilišnigi ĵi'lisin' tāny qařmif. Qařz'ānā k'uĵ taĵta čaču arasynda ĵašinmif.

Ïnzi Agu Karaĵi ĵogumusinden her kune neme tāĵittyrmif. Kumeř har'sa, ĵārymny ĵõta ĵogumu ĵeimiř.

Kozkur-oĵtan: «Ĵogumu, sen var'ta āzyĵa ĵaĵa te õmbefnigi kiĵisyntaxy aĵ ĵārym tuxar — tyĵu!» — diimif.

Ĵogumu kilzānā āzisina ĵaĵamif: «Āzē, Kuzkur-oĵlān ombefnigi keĵisyn-degi ainy ĵārym tuxar te ĵařaturu!» — tiĵer.

Ïnzi āzisy: «Ĵogumu, komifni ĵārymny sei ĵemiř-o?» — diimif.

h. Ïnzi ĵogumu Kozkur-oĵlāna ař hāmif. Ĵõta ĵogumu ařny ĵmif, susyny hāmif.

Kozkur-oĵtan ĵogumuga ĵaĵamif: «Asmantāĵy ĵuřtus' serexar'te-ta āzĩĵa ĵařaturu!»

Ĵogumu kelz'ānā āzisyĵa ĵaĵamif: «Asmantāĵy ĵuřtus' serixar!» — dimif.

Ïnzi āzisy ĵogumunu ũhremif: «Ařnigi kõĵusyny sei ĵřparmif, susyny hāmif!» — diiz'ānā ũhremif.

Ïnzi Agu Karaĵi nemeni ĵzy hāmif. Ïnzi Agu Karaĵiĵa Kozkur-oĵtan ĵaĵamif: «Se oĵe vař! Ořta kurgunz'ux kõř-kõř oĵe ensā, mē vār, kurgunz'ux tān-tān ensā, mē ĵoxtyr, se meni senigimni ĵřtetegel!»

Ïnzi kurgunz'ux ili kõř-kõř enmif. Kuzkur-oĵtan vārar o te toĵtāmif. Ařĵi kurgunz'ux tān-tān enmif. «Kuzkur-oĵtan ĵoxar o?» — tiiz'ānā ĵyĵta-ĵyĵta ĵřte pāmif.

Ĵõta ĵe'sa, posyr kormif. Agu Karaĵi põsyny sormif: «Pa-võ, Kozkur-oĵtanĵni qānyĵny qāta tõmif? Kara-kozgun qāfe ilānpõr a?»

Posy Agu Karaĵiġa jaſamiſ: «Mi kormiġi, arĵinden maġta pir qoſ kiġpora, aġa sor!»

Maġta ĵanina je'z'e. Axunz'uxa Agu Karaĵi sormiſ: «Maġta, maġta, Kuzkur-oġtannige qānyuny qāta tō'miſ? Karaġa-kuzgun qāte ilānpora?»

Moġtaġ'ux Agu Karaĵiġa jaſamiſ: «Īnzi Kozkur-oġtanny xui arāsynda ūltermiſ. Karaġa-kuzgun anta ilānpora».

— Īnzi maġta, maġta, se izyŋ meni piſ paſta!

Maġtaġ'ux iſkisy paſtamiſ.

— Īnzi anta tūrpet iſke qazy, qaġsynigi tūrpety ili čyxſā, me kiġny tanāġy!

Īnzi iſkisy ta maliġ'ux qāzymiſ. Īſkisyngige piġiġ'ux čyxmiſ.

Īnzi Agu Karaĵi tūrpet iſinta izy piſ uzuġġy-da vaxqy: «Qaġsynta ornaſsa, āſinta Kozkur-oġtanny komāli!» Tōrpāt iſinte izy uzyġmiſ. Uzyġānā paſintaqy zaŋyryny aġmiſ. Agu Karaĵi ĵirigi aġzynāġ'ux zaŋyrġāta ĵyġtaġ'ānā ūlmiſ.

Īnzi tōrbet pirni iſina Kozkur-oġtanne kommiſ, pirny iſina Agu Karaĵini kommiſ. Īnzi axunz'ux iſkisy kōmġānā kiġmiſ. Īnzi tosz'i.

Перевод

Был один старик. У него была дочь, по имени Агу Караджи. Вот отец отправился искать [для] Агу Караджи жениха. Увидел самого (букв. маленького) младшего брата у семи старших братьев.

Юноша спросил у отца Агу Караджи: «Папаша, куда идешь?»

— Я ищу [для] своей дочери жениха!— ответил [он].

— А я подойду?!— воскликнул [юноша].

— Сопляк, ты не годишься!— ответил [старик].

После этого (букв. сказав не годишься) юноша, тщательно (букв. чисто) вымыв лицо, явился [опять] к старику.

Юноша снова спросил: «Папаша, куда идешь?»

— Ищу [для] своей дочери жениха!— ответил [старик].

— А я не подойду?!— воскликнул [юноша].

— Э-э, ну ты подойдешь!— сказал [старик].

[Он] повел юношу. Достигли дороги. Старик едет на коне, юноша идет пешком. Вот юноша устал. Взглянув на старика, он сказал: «Могу ли ехать на коне, сделав [его] из глины?»

— Глупец, разве можно ехать на коне, сделав [его] из глины? — ответил старик.

Вот старик поел хлеба, а юноше не дал.

— Могу ли есть глину вместо (букв. говоря) хлеба? — спросил [юноша].

— Глупец, разве можно есть глину вместо (букв. говоря) хлеба? — ответил старик.

Вот добрались до дверей [дома старика].

— Папаша, у твоих стен есть уши? — спросил [юноша].

— Глупец, какие уши могут быть (букв. подойдут) у стен? — ответил [старик].

Придя домой, отец сказал своей дочери: «Дочь, привел тебе женишка, совершенный глупец!» Дочь спросила: «Почему глупец?»

— Он говорит: «Могу ли ехать на коне, сделав [его] из глины». Он глупец! [— ответил отец].

— Отец, юноша не глупец, ты глупец. Он сказал, не посадишь ли [ты его] сзади на своего коня. Еще почему он глупец? — спросила дочь.

— Он говорит: «Могу ли есть глину вместо (букв. говоря) хлеба». Он глупец! [— ответил отец].

— Он не глупец, отец, ты глупец. Он сказал, не дашь ли [ты ему] немного своего хлеба. Еще почему он глупец? — спросила дочь.

— Он говорит: «У твоих стен есть уши». Он глупец! [— ответил отец].

— Отец, он не глупец, ты глупец. Он сказал: «Нет ли собаки в твоём доме?» Э-э, если так, [то он] вовсе не глупец! [— сказала дочь].

Вот юноша сказал Агу Караджи: «Агу Караджи, на твои чёрные волосы взгляну-ка разок и уйду [я], уйду!»

— О Коскур-оглан, нечего смотреть на мои чёрные волосы, посмотри на хвост коня императора и уходи! [— сказала Агу Караджи].

Юноша сказал: «Агу Караджи, на твои чашеобразные глаза разок посмотрю и уйду!»

Агу Караджи ответила юноше: «О Коскур-оглан, нечего смотреть на мои чашеобразные глаза, посмотри на императорские чашки из-под сормы¹ и уходи!» [— сказала Агу Караджи].

Коскур-оглан ещё [раз] сказал Агу Караджи: «Агу Караджи, на твой нос взгляну-ка разок и уйду [я], уйду!»

— О Коскур-оглан, нечего смотреть на мой нос, посмотри на камышовую флейту императора и уходи! [— сказала Агу Караджи].

Юноша ещё сказал: «Э-э, Агу Караджи, на твоё круглое (*букв.* как лепешка) лицо разок взгляну и уйду!»

— О Коскур-оглан, нечего смотреть на моё круглое (*букв.* как лепешка) лицо. На месяц в пятнадцатый вечер взгляни и уходи! [— сказала Агу Караджи].

Вот [юноша] ещё сказал Агу Караджи: «Агу-Караджи, на твои ноги взгляну-ка разок и уйду!»

— О Коскур-оглан, нечего смотреть на мои ноги, взгляни на футляр кобуза и уходи! [— сказала Агу Караджи].

Сказав это, [она начала] причёсывать волосы (*букв.* голову) на седьмом этаже. Волосы её свисали до земли. Коскур-оглан, цепляясь за волосы, поднялся наверх (*букв.* на этаж). Положив подушку на колени Агу Караджи, Коскур-оглан уснул.

Семь старших братьев пришли убить Коскур-оглана.

Агу Караджи позвала Коскур-оглана: «О Коскур-оглан, о Коскур-оглан, на юге ружьё гремит, на севере [выстрел] громко раздается. Из сотни коней выбери [самого] быстрого, из сотни седел выбери [самое] красивое, из сотни мечей выбери [самый] острый и скачи, пусть догонят семь братьев!»

Коскур-оглан не проснулся. Агу Караджи плача позвала его. Слёзы [её] закапали в ухо Коскур-оглана. Коскур-оглан, выбрав [самого] быстрого из коней, [самое] красивое из седел и [самый] острый из мечей, бежал. [Он] укрылся в кустарниках на безлюдной (*букв.* пустой) горе.

Каждый день Агу Караджи заставляла свою служанку носить пищу [Коскур-оглану]. Если служанка несла лепешку, [то] половину съедала в пути.

Коскур-оглан сказал: «Служанка, ты иди и скажи своей госпоже (*букв.* старшей сестре): „Месяц в пятнадцатый вечер только вполнощину нарождается!“»

Служанка, придя, сказала своей госпоже (*букв.* старшей сестре): «Госпожа (*букв.* старшая сестра), Коскур-оглан говорит, [чтобы] я сказала, что месяц в пятнадцатый вечер вполнощину нарождается!»

¹ Сорма — водка-сырец (*тиб.*).

Госпожа сказала: «Служанка, половину лепешки ты съела?» Служанка понесла Коскур-оглану пищу. В пути она гущу съела (букв. выпила), а жидкость отнесла.

Коскур-оглан сказал служанке: «Скажи своей госпоже: „Звезды на небе редкие!“»

Служанка, придя, сказала своей госпоже (букв. старшей сестре): «[Коскур-оглан] сказал: „На небе звезды редкие!“»

Госпожа побранила служанку. «Гущу ты съела, а жидкость отнесла?» — говоря [так], бранила.

Агу Караджи сама понесла пищу. Коскур-оглан сказал Агу Караджи: «Ты иди домой! Если голуби прилетят (букв. опустятся) домой парами, я жив (букв. есть), если голуби прилетят (букв. опустятся) по одному, [то] ищи мои кости!»

раджи обрадовалась, что (букв. говоря) Коскур-оглан жив (букв. Голуби сначала прилетели (букв. опустились) парами. [Агу Караджи], говоря: «Коскур-оглана нет [в живых]» — плача отправилась есть). Потом голуби прилетели (букв. опустились), по одному. [Агу Караджи] искать.

В пути [она] встретила старика. Агу Караджи спросила старика: «Папаша, где пролилась кровь Коскур-оглана? Где кружатся вороны?»

Старик ответил Агу Караджи: «Я не видел. Следом идут два (букв. пара) муллы, у них спроси!»

Муллы добрались до них. Агу Караджи спросила ахунов: «Муллы, муллы, где пролилась кровь Коскур-оглана? Где кружатся вороны?»

Муллы ответили Агу Караджи: «Коскур-оглана убили в лесу. Там кружатся вороны».

— Муллы, муллы, поведите меня [туда]! [— попросила Агу Караджи].

Оба муллы повели [Агу Караджи].

— Выройте там две могилы (букв. гробницы). Кто раньше выроет, пусть изберет меня женой!

Оба быстро [начали] рыть [и] кончили одновременно.

Агу Караджи легла в могиле, измеряя ее. «В которой поместится, там Коскур-оглана и похороним!» [— сказала Агу Караджи]. В могиле она вытянулась. Вынула из волос (букв. головы) серебряную булавку. [Этой] булавкой Агу Караджи пронзила себе сердце и умерла.

В одной могиле похоронили Коскур-оглана, в другой — похоронили Агу Караджи. Ахуны похоронили их и ушли. Конец.

24. * ГОРЬКАЯ ДОЛЯ (ТОМБАХ)

(А Фи-е, женщ., 50 лет, род. в сел. Ханбах, крестьянка.
Записано в сел. Алтиюли 13 июня 1957 г.)

Текст

Posyr vumış, n'nysur vumış. Posý ma nínusyna oçur (<oçutur) vumış.
Ösüna kılını (// kılın) ađmıř.

Ağa kañnasy jařamıř: «Se ařny ađ k'ema jı, s'uç kema toçru! Kun kor-
megen, jel kormegen çoraşnyu toçta!»—te jařamıř.

Ösüny kılını ařny ađ kema jı mıř, s'uş kema toçramıř. İnzi oçutur kılını
toçruş'ana jıřamıř:

—Pu kun kormegen, jel kormegen pu çoraşnyu qatan aklıgu?—dıř'ana
jıřamıř.

Jyʻtasa, qātyn kiʻfur oʻt aʻtmā kiʻmiʻ. Qātyn kiʻzʻux sormiʻ: «Se nege jyʻ ʻapor?»

—Kun kormegen, jel kormegen čoraʻjyny ʻo_uʻta tigu jyʻ ʻapor. Izy vu čoraʻjyny qāten akiʻ gur?!—kiʻny dimiʻ.

Qātyn kiʻzʻux jaʻfamiʻ: «Vuri iʻjina en-te, vār-ta turma zyzeten āt-dy gé-ta, ʻo_uʻtá-ta, kaʻnát-ta vérʻ!»

Čoračysyny ʻo_uʻtamiʻ. Āšiny kaʻnaʻmiʻ. Kaʻna apasyna piʻ zazy hāmiʻ. Joʻtux uʻjita zanzyny aʻmiʻ, syx uʻjita jaʻmpāsyny šo_uʻtamiʻ.

Kaʻna iʻjisyňa bir zazy hāmiʻ. Kaʻny iʻjisy joʻtux uʻjita zanzyny aʻmiʻ, syx uʻjita jaʻmpāsyny šo_uʻtamiʻ.

Īnzi xarsyna bir zanze hāmiʻ. Joʻtux uʻjila zanzyny aʻmiʻ, syx uʻjita keʻnyňige jaʻf kozuny satyʻpiimiʻ.

Īnzi kiʻny paminina qaʻspāmiʻ. Apāsyna jaʻrilmī: «Apa, juḡ fuḡ zi, juḡ-xuḡ tʻoruny fele-jā, so_uʻsen qyzyḡny kʻoʻta-jā!»

Apasy anasyna jaʻfamiʻ: «So_uʻsen qyzym o, juḡxuḡ toryny felese, vogar-či, apaḡ sini kʻoʻtanmagare, ičiḡa sor!»

Anāzʻux ičisyňa sormiʻ: «Īča, juḡ xuḡ zi, faḡ jeḡšʻkunne fele-ja, so_uʻsen qyzyḡni kʻoʻta-jā!»

Īnzi ičisy anāsyna jaʻfamiʻ: «So_uʻsen qyzym o, faḡ jeḡšʻkune felese, vogar a! Apaḡ kʻoʻtanmamiʻ-ā, ijiḡ ničux kʻoʻtaḡu(r)? Kakaḡa sor!»

Īnzi kakasyna sormiʻ: «Kaka, juḡ xuḡ zi, vōten itīḡu fele-jā, so_uʻsen siḡniḡne kʻoʻta-jā!»

Kakasy siḡnine jaʻfamiʻ: «So_uʻsen siḡnim-o, vōten itīxne felese, vogar a! Apa-iḡe kʻoʻtanmamiʻ, kakaḡ ničux kʻoʻtaḡu? Jeḡḡuḡa sor!»

Jeḡḡusyna sormiʻ: «Jeḡḡu, jeḡ xuḡ zi, so_uʻsuškunny fele-jā, so_uʻsen siḡneḡne kʻoʻta-jā!»

Īnzi jeḡkusy siḡnina jaʻfamiʻ: «So_uʻsen siḡnim-o, apa-iḡi kʻoʻtanmamiʻ, kakaḡ kʻoʻtanmamiʻ, jeḡḡuḡ sini ničux kʻoʻtaḡu? Āzyḡa sor!»

Āzisyňa sormiʻ: «Āzy, juḡ xuḡ ze, juḡtu syrḡaḡny fele-jā, so_uʻsen siḡniḡny kʻoʻta-jā!» Āzisy siḡnina jaʻfamiʻ: «So_uʻsen siḡnim o, juḡtu syrḡany felese vugar y! Apa-iḡe kʻoʻtanmamiʻ, kaka-jeḡḡu kʻoʻtanmāmiʻ, azeḡ ničux kʻoʻtaḡu? Xaḡaḡa sor!»

Xaḡasyna sormiʻ: «Xaḡa, juḡ xuḡ zē, sōpu kētony fele-jā, so_uʻsen sunzyḡny kʻoʻta-jā!»

Xaḡasy anaʻzʻuxka jaʻfamiʻ: «Neḡkysy kʻoʻtamagar!» «Kʻoʻtamasa, ūltoḡo!»—diʻzʻānā piʻ kājiʻniḡe pičixur viʻmiʻ, urxan bir quʻtaʻj viʻmiʻ.

Īnzi anaʻzʻux ane zʻūzʻzʻānā paḡyna vāmiʻ. Urxanyny armūt taʻta taxmiʻ. Armūt taʻ taxtyrmāmiʻ: «Īzyḡa taxquma, irux taʻta tax!»—dimiʻ.

Anāzʻux irix taʻta taxmiʻ. Īrux taʻ-ťa taxtyrmamiʻ. Īrux taʻ: «Xos taʻta tax!»—dimiʻ.

Xos taʻ taxtyrmamiʻ: «Muʻf taʻta tax!»—dimiʻ.

Muʻf taʻta taxmiʻ. Taxzʻānā muʻf taʻta sormiʻ: «Īzy Īnzi poguḡkur?»—dimiʻ. Muʻf taʻ: «Poguḡ!»—diʻmiʻ.

Īnzi muʻf taʻ juʻjindaʻzʻux pogunmiʻ. Pogunzʻānā ūlmiʻ. Muʻf taʻy juʻjindaʻzʻux kommiʻ. Komzʻānā oḡnynda fendonxu_uʻa čixmiʻ, jyʻtuḡkuʻf čixmiʻ. Īnzi xaḡasy

paṛuṇā vāmīḥ. Śiḍexke jaśamīḥ: «ṣendonxua, ſendonxua, ſen paṛda ācīḥ na'kur? Pīhī taṛda ācīḥ! Jyḷugkuḥ, jyḷugkuḥ, ſen paṛda ṣuṛṇa na'kur? Śelā varīḥ Jeluḡkuḥ śelā vāmīḥ, ſendonxua taḡḡa vāmīḥ. Inji tosmīḥ.

Перевод

Были старик и старуха. У них (*букв.* старика и старухи) был сын. Сыну [они] взяли жену.

Свекровь сказала ей: «Раскатай тесто (*букв.* пищу), [круглое], как луна, нарежь [тонко], как волос! Пожарь овощи, которые не видели солнца и ветра!»

Жена сына раскатала тесто, [круглое], как луна, нарезала [его тонко], как волос. Жена сына, когда нарезала [тесто], заплакала.

— Где я достану овощи, которые не видели солнца и ветра?!— [так] говоря, [она] плакала.

Когда она плакала, пришла женщина попросить огня. Женщина спросила: «Ты почему плачешь?»

— Я плачу [оттого, что надо] жарить овощи, которые не видели солнца и ветра. Где я достану те овощи?!— сказала жена [юноши].

Женщина ответила: «Спустись в погреб и принеси ростки редьки. Пожарь, свари и дай!»

[Жена юноши] пожарила овощи, сварила лапшу (*букв.* пищу) и понесла чашку своему свекру. [Свекор] левой рукой взял чашку, а правой ударил се по щеке.

[Жена юноши] отнесла чашку свекрови. Свекровь левой рукой взяла чашку, а правой ударила ее по щеке.

Вот [она] понесла чашку своему мужу. [Он] взял левой рукой чашку, а правой вытер слезы жены.

Жена его убежала в свою семью. С мольбой сказала отцу: «Отец дорогой, розового жеребенка не пожалей, свою несчастную дочь возьми [обратно]!»

Отец ответил дочери: «О моя несчастная дочь, розового жеребенка не стоит жалеть, [но] твой отец не возьмет [тебя], попроси мать!»

Дочь попросила мать: «Мама дорогая, головной убор не пожалей, свою несчастную дочь возьми [обратно]!»

Мать ответила своей дочери: «О моя несчастная дочь, головной убор не стоит жалеть. Отец не взял [тебя], как же мать возьмет? Попроси своего старшего брата!»

[Девушка] попросила старшего брата: «Братец дорогой, суконные сапоги не пожалей, свою несчастную сестру возьми [обратно]!»

Брат ответил своей сестре: «О моя несчастная сестра, суконные сапоги не стоит жалеть. Отец и мать не взяли [тебя], как же старший брат возьмет? Попроси свою невестку!»

[Девушка] попросила невестку: «Невестка дорогая, головной убор не пожалей, свою несчастную сестру возьми [обратно]!»

Невестка ответила девушке (*букв.* сестре): «О моя несчастная сестра, отец и мать не взяли [тебя], старший брат не взял, как же невестка тебя возьмет? Попроси свою старшую сестру!»

[Девушка] попросила старшую сестру: «Сестрица дорогая, серьги на цепочке не пожалей, свою несчастную сестру возьми [обратно]!»

Старшая сестра ответила младшей: «О моя несчастная сестра, серьги на цепочке не стоит жалеть. Отец и мать не взяли [тебя], старший брат и невестка не взяли, как же старшая сестра возьмет? Попроси свою бабушку!»

[Девушка] попросила бабушку: «Бабушка дорогая, головной убор не пожалей, свою несчастную внучку возьми [обратно]:»

Бабушка ответила девушке: «Никто не берет [тебя]!» Говоря: «Коли не берут, [так] умри!», [она] дала [девушке] нож в один вершок и веревку в размах рук.

Девушка взяла [все] это и пошла в сад. Повесила веревку на грушевое дерево. Грушевое дерево не позволило [на себя] повесить. «На меня не вешай, повесь на абрикосовое дерево!» [— сказала грушевое дерево].

Девушка повесила (веревку) на абрикосовое дерево. Абрикосовое дерево тоже не позволило повесить. «Повесь на ореховое дерево!» — сказала абрикосовое дерево.

И ореховое дерево не позволило повесить. «Повесь на дерево черного перца!» — сказала [ореховое дерево].

[Девушка] повесила [веревку] на дерево черного перца. Повесив, она спросила дерево черного перца: «Я повешусь?» Дерево черного перца ответило: «Вешайся!»

В самом низу дерева черного перца [девушка] повесилась и умерла.

Под деревом черного перца [ее] и похоронили. На этом месте вырос красный цветок с черными тычинками, что растет в горах, и вырос синий придорожный цветок. Бабушка пришла в сад и сказала цветам: «Красный цветок, красный цветок, почему ты вырос в саду? Расти в высоких горах! Синий цветок, синий цветок, почему ты вырос в саду? Иди в степи!»

Синий цветок поселился (*букв.* ушел) в степи, красный поселился (*букв.* ушел) в горах. Конец.

25. * МУНГЫСКАРДЖАХ. III (ТОМБАХ)

(А Фи-с, женщ., 50 лет, род. в сел. Ханбах, крестьянка.
Записано в сел. Алтыюли 14 июля 1957 г.)

Текст

Pir ninusur vum'ēf. Ninusur suḡa vam'ēf. Suḡa varz'ānā susyny kutyki' mef. Tanū jānā siča pyrt ki' mi' ēf. Kile kuiz'ānā pinz'any piḡ izap osyramēf. Osyrsa, pātanž'ux kō čyxkel'm'jtā Mungysk'arčax čyx ke' mef. Mungysk'arčyx ninaz'uxka somēf: «Ninō, sato sa'qy qaḡaumy seni jimā ki' gur!»—tim'āf.

Ninusy jyḡā-jyḡā ki' mi' ēf. Kelsā, qojyr kōrmēf.

— Ninō, negē jyḡā : ājā?—tim'f.

— Sōty meni Mungysk'a čyx jimā kigur tire — ele'ku jyḡāḡpar!—tim'f.

— Ninō, jyḡā'komutāz'ux var, men saḡa ča'p ja'ma ki' gī!—tim'f.

Anā kelsā, paḡor kōrmēf.

— Ninā, negē jyḡap ājā?—tim'f.

— Sōty meni Mungysk'arčyx jimā kigur tire — ele'ku jyḡāḡpājā!—tim'f.

Anā kelsā, tōlexur (=tojexur) kōrmēf.

— Ninō, negē jyḡap ājā?—tim'f.

— Sōty meni Mungysk'arčyx j.mā kigur tire — ele'ku jyḡapḡājā!—tim'f.

— Jyḡtykomutāz'ux var, piser saḡa ča'p ja'ma ki' gī!—tim'f.

Anā kelsā, pizur kōrmēf.

— Ninō, negē jyḡapḡājā?—tim'f.

— Sōty meni Mungysk'arčyx j.mā kigur tire — ele'ku jyḡāḡpājā!—tim'f.

— Ninō, jyḡamutāz'ux var, sōty men ča'p ja'ma ki' gī!—tim'f.

Anā kelsā, jig'nūr kōrmif.

— Ninō, negē jyŷtappāja?—timif.
 Sōty menī Muŷgysk'arčyx jimā kigur tir — ele'ku jyŷtappāja!—timif.
 — Jyŷtamutāz'ux var, men saga ča'p ja'ma ki' gī!—timif.
 Anā kelsā, senzor kōrmif.
 — Ninō, negē jyŷtappāja?—timif.
 — Sōty meni Muŷgysk'arčyx jimā kigur tire — ele'ku jyŷtappāja!—timif.
 — Se jyŷtakomutāz'ux var, sōty men saga ča'p ja'ma ki' gī!—timif.
 Anā kelsā, jomurtany kōrmif.
 Ninō, negē jyŷtappāja?—timif.
 — Meni sōty Muŷgusk'arčyx jimā kigur tir — ele'ku jyŷtappāri!—timif.
 — Se jyŷtakomutāz'ux var, men saga ča'p ja'ma ki' gī!—timif.
 Sato kezisini ninusy ja'm'ēf. Inzi niŷkysy paŷa, senzy inzi man jyŷt
 ki' mif. Senzy tērinta o'mif, jiginā ajāgynta o'mif, piz pāŷinta o'mif, jumur'tā
 o'z'ux iŷz'inta o'mif, paŷa su iŷintā o'mif, qoi qoi ič'intā o'mif, zāryx te-
 zex o'z'ux z'ūjinda o'mif, tūx kō pāŷinda o'mif. Inzi kōsy syx'tamif.
 Z'ū, Muŷgysk'arčyx ki' m' ēf.
 — Ninō, kōny ač'!—timef.
 — Ač' yŷmagar!—timif.
 Kōsyny syx'tamif ta kire ki' mēf. Kire ki' z'ānā: «Ninō, men siny kā-
 tyn jigor?—timif.
 — Kāten jisa, ji!—dimif.
 — Pāŷinden z'ifligur!—dimif. Senzy totāgyndan čillimif.
 — Ata, ata, ata, munda naŷara? Ajāgyndan jigur!—timif. Ajāgyn z'iflāmā
 vāmif. Ajāgyn z'iflāsā, piz tatāgyny pir čitāmif.
 — Ata, ata, ata, munda da naŷara? Men sēni pilegden jigur!—timif.
 Pilini pir z'iflāmif. Piline z'ifligur tegāndā jig'nā tatāgyny pir čillāmif.
 — Ata, ata, ata, munda da naŷara? Z'arx tezekinz'ux jigur!—timif.
 O'zāgyna o'tzak o'tny po-po fur'sa, jumurta pō čexmiŷta, tatamiŷta, kozina
 man k'uli vāmif. Juŷa načar kuzum, juvur kelegar dimiŷta kan iŷina susyna
 vāmif. Kan iŷinda paŷa vara, č'ampagina č'a' e'ti pir ŷauŷamif.
 — Qač'kim kelegar!—temiŷta, kač' mif. Qač' ku qoi ič'ina vāmif. Qoi
 toŷ' ičmif. Toi ičkemēsinde toi ičkep pir temiŷ. Tein kilē kō pāŷinda tōxz'ux
 kēmiŷta pasmiŷta Muŷgysk'arčyxny ŷlterm' ēf. ŷlterz'ānā inzi tosmif.

Перевод

Была некая старуха. Пошла старуха за водой. Набрал воды, понесла [домой]. К теленку подлетел воробей. [Старуха] поставила [воду], [увидела воробья] и вскрикнула. Появился Мунгыскарчах. Он сказал старухе: «Вечером приду тебя съесть!»

Старуха плача пошла [дальше]. Увидела барана.

— Старуха, почему плачешь? — спросил [баран].

— Мунгыскарчах говорит, что вечером придет меня съесть, потому и плачу!— ответила [старуха].

— Старуха, иди и не плачь, я приду к тебе спать!— сказал [баран].

Далее [старуха] увидела лягушку.

— Старуха, почему плачешь? — спросила [лягушка].

— Мунгыскарчах говорит, что вечером придет меня съесть, потому и плачу!— ответила [старуха].

Далее [старуха] увидела [каменный] валик.

— Старуха, почему плачешь? — спросил [валик].

— Мунгыскарчах говорит, что вечером придет меня съесть, потому и плачу!— ответила [старуха].

— Иди и не плачь, я (букв. мы) приду к тебе спать!— сказал [валик].

Далее [старуха] увидела шило.

— Старуха, почему плачешь? — спросило [шило].

— Мунгыскарчах говорит, что вечером придет съест меня. потому и плачу! — ответила [старуха].

— Старуха, иди и не плачь, вечером я приду спать [к тебе]! — сказало [шило].

Далее [старуха] увидела иголку.

— Старуха, почему плачешь? — спросила [иголка].

— Мунгыскарчах говорит, что вечером придет съест меня, потому и плачу! — ответила [старуха].

— Иди и не плачь, я приду к тебе спать! — сказала [игла].

Далее [старуха] увидела ножницы.

— Старуха, почему плачешь? — спросили [ножницы].

— Мунгыскарчах говорит, что вечером придет съест меня! — ответила [старуха].

— Ты иди и не плачь, вечером я приду к тебе спать! — сказали [ножницы].

Далее [старуха] увидела яйцо.

— Старуха, почему плачешь? — спросило [яйцо].

— Мунгыскарчах говорит, что вечером придет съест меня, потому и плачу! — ответила [старуха].

— Ты иди и не плачь, я приду к тебе спать! — сказало [яйцо].

Вечером старуха [готовилась] спать. И вот лягушка, ножницы — все, собравшись, пришли. Ножницы разместились (*букв. села*) у лица [старухи], иголка села у ног [старухи], шило село на голове [старухи], яйцо село в очаг, лягушка прыгнула (*букв. села*) в воду, баран спрятался (*букв. сел*) в хлевушок, жидкий кизяк сел под очагом, валик сел поверх дверей. Все охраняли дом (*букв. двери*).

Мунгыскарчах явился.

— Старуха, отвори дверь! — сказал [он].

— Я не могу отворить! — сказала [старуха].

Мунгыскарчах вошел [внутрь дома]. Войдя, [он] спросил: «Старуха, откуда [начать] тебя есть?»

— Где хочешь, [там и] ешь! — ответила [старуха].

— Укушу [тебя] в голову! — сказал [Мунгыскарчах]. Ножницы укололи [его] в губы.

— Ай-яй-яй, что здесь такое? Съем твои ноги! — сказал [Мунгыскарчах]. [Он] бросился укусить ногу [старухи]. Шило укололо [Мунгыскарчаха] в губы.

— Ай-яй-яй, что здесь такое? Съем твои ноги! — сказал [Мунгыскарчах]. [Он] бросился укусить ногу [старухи]. Шило укололо [Мунгыскарчаха] в губы.

— Ай-яй-яй, и здесь что такое? Съем кизяк! — сказал [Мунгыскарчах]. Яйцо раздуло огонь в очаге и, сильно дунув, пустило всю золу очага в глаза [Мунгыскарчаха].

— Ой, плохо с глазами, надо [их] промыть! — сказал [Мунгыскарчах] и бросился к чану с водой. В чане — лягушка [сидит], [она] звонко ударила по щеке [Мунгыскарчаха].

— Надо бежать! — сказал [он] и побежал.

Попал в хлевушок. Баран пил [воду]. Напившись, [он] боднул [Мунгыскарчаха]. [Мунгыскарчах] ударился [о дверь]. Валик свалился с верха дверей, раздавил и убил [Мунгыскарчаха]. Конец.

(А Фи-е, женш., 50 лет., род. в сел. Ханбах, крестьянка.
Записано в сел. Алтиюли 14 июня 1957 г.)

Текст

Pir ninusur vumi ēf. Ninusyna ana uf vumiēf. Ninusy anasy uf čai ičānā taqqa vamēf. Taqqa vāgānasynda anasy čosyny jaši pāmēf: «Ize kēmigenz'ux kōny aškumā! Iza kōta čaŋaguta kōny ač'!»—ētimēf.

Ižasine tarŋta Muŋ'ysk'arčyx jimēf. Muŋ'ysk'arčyx jiz'anā Muŋ'ysk'arčyx zasta kiī mlšta pu vaxŋny kiī z'anā anaz'uxny čaŋamēf.

«Tuttyrzā, kōny ač'!

Iza kelzē,

ōryx z'u'ny uri kelzē,

tāryx z'u'ny tara kelzē,

Moren-sun'e čumi kelzē,

aryk sun'e a'tta kelzī,

kōne ač'!»—eltimef.

Tuttyrzā: «Ni'čün ēne sare, ni'čün a'tan k'ēpar?»—etimef. Tāryx ičintān bir paŋta kiī z'ana nene čaŋamēf:

«Tuttyrzā, kōny ač'!

Iza kelzē,

ōryx z'u'ny uri kelzī,

tāryx z'u'ny tara kelzī,

Moren-sun'e čumi kelzī,

aryk sun'e a'tta kelzī,

ōzen sun'e māni kelzī»—dimēf.

«Ni'čün ene sar'e, ni'čün xyzyŋtan kiī par?»—timef. Kyzyŋ tāryx ičintān bir paŋta kiī mēf:

«Tuttyrzā, kōny ač'!

Izā kelzī,

Ōrux z'u'ny uri kelzī,

tāryx z'u'ny tara kelzī,

Moren-sun'e čumi kelzī,

aryx sun'e a'tta kelzī,

Tuttyrzā, kōny ač'!»

Ni'čün ene sar'e, ni'čün k'u'tan kiī par?»—dimēf.

—Kōny ašqur mu ašmas? Ašmasa, illtermāgyn syndyrpar!—dimef.

İnzi kōsyny ač'mif. Ašz'anā kōny ič'inta inzi iške anaz'uxne kormif: «Ižāni kōinynta qaŋāsny ja'kor?»—dimif. —Ižā kōinynta kiziz'ux anāsny ja'kor!»—dimif.

Utar anāsy iškisi tānymif. Ižāsinā ja'māmif, xorgāmif. Ižāsini kōinynta ja'sa, u anāsny jaŋamif: «Ižāni tāŋi kyrygynta jep'imaha koitogo! Su pe zānze koitogo! Koimys per zenze koitogo! Ižā tāŋi kyrygynta izē kezēsi jigur!»—dimif.

Kežesinā kiziz'ux anāsny jimif kōinynta «kostyr-kostyr-kostyr» jiz'anā. Jigu ut āzesi iškisi sormif: «Ižā, sen n'ājitāje?»—timif.

Ižā: «Enke z'e, koigan koimuš pī:dānz'ux jitāja!»—timif.

Anāsny jikkan jikō tāny' parz'anā özēz'ux avēsnyžina vamēf.

—Ižā, pu üzēz'ux naŋari?»—timif.

—Keze in su pe zauzy koigannygy tiū'rinzel!»—dimif.

Anāsnygi pāŋi kulen pāmif azēsini jānyna.

—Ižā, munda kulelūz'ux var, āty naŋarē?»—timif.

—Apaŋnigi iŋpimaŋara!»—timif.

İnzi anäsy iŷkisi xorgamıēŷ. İnzi xorkz'a «qafqurlı»—timif.
 — İzā, mi ssiŷur-ā?—timif.
 — Andāz'ux sil—timif.
 — İza, me çagıagur-ā?—timif.
 — Andāz'ux çagıta. Kez kez aıga!—timif.
 — Moxkeme vagur-a!—timifte moxkeme var tegāç ajakynta aııryyvyna
 taıaŷ içina çyxmif. Çyxz'anā:
 «Aı-anā, urxan çäi,
 Kün-anā, fynzān çäi!»—timifte sykyrāmif.
 Sykyraganyyna inzi fynze inderguzı vumif.
 Fynze indermifte anaž'uxne iŷkisini ta'mif, taıamif.
 İnzi Myŷ'ysk'arçax izy kulinmifta «izy» tigu inzi kōtan çyxki'mif.
 İnzi izy taıaŷ içina çyxz'anda (<çyxz'anā da):
 «Aı-anā, orxan çäi,
 Kün-anā, fynzān çäi!»—timif.
 Ele'kin anasyn indergān kiŷi vumıēŷ. İnderkimiftā jarym piŷgel çä't
 pämiŷ. Čä't pämiŷta çęçurmif ta Myŷ'ysk'arçaxny ultermif. İnzi tosz'ı.

Перевод

Была одна старуха. У старухи были три дочери. [Однажды], попив чаю с тремя дочерьми, старуха [собралась] пойти в горы. Перед тем как уйти, [она] сказала дочерям: «Пока мать не вернется, дверь [никому] не открывайте! Когда мать поκληчет [вас] у дверей, тогда открывайте!»

В горах Мунгыскарчах съел мать. Съев, он пошел [в ее дом] и [начал] звать дочерей.

«Туттырджа, открой дверь!

Мать пришла,

серпом траву жала,

граблями убирала (букв. причесала),

реку Морен переплыла,

[через] воды арыка переправилась,

открой дверь!» — так пропел (букв. сказал) Мунгыскарчах.

Туттырджа спросила: «Отчего лицо желтое, а сам — белый?»

[у дверей].
 Вывалявшись в пыли, [Мунгыскарчах] снова запел (букв. позвал)

«Туттырджа, открой дверь!

Мать пришла,

серпом траву жала,

граблями убирала,

реку Морен переплыла,

[через] воды арыка переправилась,

воды речки перешла!» — сказал [Мунгыскарчах].

— Отчего лицо желтое, а сам — красный? — спросила [Туттырджа].
 [Мунгыскарчах] вывалялся в красноватой пыли.

«Туттырджа, открой дверь!

Мать пришла,

серпом траву жала,

граблями убирала,

реку Морен переплыла,

[через] воды арыка переправилась.

Туттырджа, открой дверь!» [— пропел Мунгыскарчах].

— Отчего лицо желтое, а сам — синий? — спросила [Туттырджа].

— Откроешь дверь или нет? Не откроешь — крючок сломаю! — сказал [Мунгыскарчах].

[Туттырджа] открыла дверь.

[Мунгыскарчах] вошел и спросил двух девушек: «Кого взять из вас в материнские объятия? Возьму [самую] маленькую дочку!» — сказал [Мунгыскарчах].

Две девушки узнали [Мунгыскарчаха].

Уклонились от его объятий, перепугались. [Маленькая дочка] прижалась к груди матери (т. е. Мунгыскарчаха). [Мунгыскарчах] сказал [двум другим девушкам]: «Положите около вашей матери хлеба (?), поставьте чашку воды, положите чашку каши (?)! Все это вечером мать съест!» — сказал [Мунгыскарчах]. Вечером [он] съел, хрустя «костыр-костыр-костыр», [самую] маленькую девушку. Две старшие сестры спросили: «Мама, что ты съешь?»

Мать ответила: «Спасибо! Что [вы] положили, [я] и ем!»

[Сестры постепенно] узнавали части тела [своей младшей сестры] вплоть до влаги внутренностей.

— Мама, что это за жидкость? — спросили [сестры].

— Это остаток воды, что вчера [вы] принесли в чашке! — ответил [Мунгыскарчах]. Голова [младшей] сестры покатила [в сторону] старших сестер.

— Мама, здесь что-то круглое, что это такое? — спросили [старшие сестры].

— Эта вещь — вашего отца! — сказал [Мунгыскарчах].

Сестры испугались и решили бежать.

— Мама, можно мне на двор? — спросила [одна из сестер].

— Оставайся здесь! — ответил [Мунгыскарчах].

— Мама, можно мне на двор? — спросила [другая сестра].

— Оставайся здесь. Ну, иди-иди! — сказал [Мунгыскарчах].

— Мне надо выйти! — сказала [сестра], и [обе они] вышли во двор.

Выйдя, громко запели:

«Девушка Луна, протяни веревку!

Девушка Солнце, окажи помощь!»

После этого пришел спаситель. [Он] унес с собой двух девушек.

Мунгыскарчах, говоря: «Это я!», вышел из дверей. Во дворе [он] запел:

«Девушка Луна, протяни веревку!

Девушка Солнце, окажи помощь!»

Появился тот, кто унес девушек. [Он] набросился на Мунгыскарчаха и, искромсав его мечом, убил. Конец.

ПОЭЗИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

27. ПЕСНЯ О ПЕРЕСЕЛЕНИИ САЛАРОВ (ЛИШИ)

(А Фи-с, женщ., 50 лет, род. в сел. Ханбах, крестьянка.
Записано в сел. Алтиюли 14 июня 1957 г.)

Текст

Jā, Sāmārāktān kātķān
aχ t'ovāgā o'tuz tāmānni jūxlā.
O'tuz tāmānni aχ tōvāgā jūxlā čuxa kilē.

«Kała kimiŝ?»—tese,
 «O'tuz-taŋni o'tasyňa kimiŝ!—tire.
 O'tuz-taŋni o'tasynda joł ta'mi xavałłani oxamiŝ tire.
 Xavałłani oxagō O't-poınaxta o't çyxmiŝ tire.
 Āni jaryguna inex kilē pu valax simina jimiŝ tire.
 Valax simintāqy toryxny p'iqa vursa, p'iq çyxmiŝ tire,
 tuŋzyra vursa, tuŋzy çyxmiŝ tire.
 Munta sutaň aź'yŋku jyrare tire,
 tājkān aź'y]ku jyrare tire.
 Ur'xare uçirsa, xyi jāxynare tire,
 letaxure iŝ z'equ jyrare tire.
 Tūnā uçirsā, Moren jāxynare tire.
 Ałtyn kāzyi kon'jen tūlāgu jirare tire.
 Jā, fyžaxu jare tire hin' ogułłary tire!
 Sařar kazary tire!
 Tire tari kaŋūni sari tire uli kaz'inasini,
 sari tire fyžaxu jare tire ihingi ogułłari!»—tire.
 Inzi tosmiŝ. Omtyłmiŝ.

Перевод

Так! Из Семерека вышли,
 нагрузив тридцать частей [Корана] на белого верблюда.
 Тридцать частей [Корана] погрузив на белого верблюда и двинувшись
 [вперед].

Если спросят: «Куда пришли?»,
 отвечают: «В лоно Отуз-тага!

В Отуз-таге, не найдя дороги, расспросили [о ней].

Расспросив, [увидели], что в От-пойнахе появились огни.

На их свет пришла корова и ела [траву] на этой плодородной почве.
 Землю этой плодородной местности (*букв. почвы*) взвесили на больших
 весах — вес ее совпал [с весом священной земли];
 взвесили на малых весах — вес ее совпал [и здесь с весом священной
 земли].

Здесь — земля, горящая в воде,
 земля, для которой потребны колодцы.

Посмотреть на юг (*букв. вверх*) — рядом лес,
 место [пригодное] для занятий обработкой дерева.

Посмотреть на север (*букв. вниз*) — рядом [река] Морен.

[Это] — место, где можно жить (*букв. передвигать время*), добывая
 золото.

Так! [Здесь] — любимая семья [Караманга], его сыновья!

[Здесь] — центр саларов!

[Здесь] — великая сокровищница [саларов],

любимая семья [Караманга], его сыновья!»

Забылось. Конец.

ПРОЗА

28. ИСТОРИЯ СЕЛЕНИЯ КОМБА (ЛИШИ)

(Пекер, мужч., 40 лет, род. в сел. Комба, служащий. Записано в сел. Комба 5 июля 1957 г.)

Текст

Комба аҕыҕа еслитэ түүтнүкү рохоҕо воҕан. Ele'ku Комба темис. Piser саҕарниги кинзы түүт паҕ илгуҕи, заҕах ҕарҕуҕи пиф чимсыҕ ҕаҕа-мис. Pu kif Pölerden ки'мис. Инзи пу чимсанден ко'плини пиф аҕыҕ вумис.

Anden pu seřynnigi ärtinden äxunuif çixmif. Pu äxun-bö хуҕас теје артында о'мис. Pu äxun-böҕа çохуҕ hemmenene жоҕар.

Јаšaқуsуny Комба-ахун-bö, Јäzy-ахун-bö, P'endu-ахун-bö—puler pirinde о'мис. Äрty Комба ахун Ханзи зоҕама vämif. Väry pif jere jesse, asman tumu, pulet töty, joł ta'mi tēšixur çipämif. Tēšux içinda qara kölexuif vumif. Pu kölex tašni јаҕа о'мис. Ele'ku ахун-bö да таšni јағамис. Јiti kun iftinde tēšuxni аҕзынде pulet tołmif. Ахун-bö kölexni quruғunden täxyt çyx ke'мif.

Инзи ахун-бөниги пу ка'ч'аны ҕар' кифлер, писер киҕи те јаҕаҕер. Tosmif

Перевод

В селении Комба прежде был тибетский монастырь. Поэтому и называли (букв. сказали) Комба.

[В Комба] основание нашему саларскому [населению] положила одна [саларская] семья, которая стригла головы тибетцам и резала ба-ранов. Эти люди пришли [сюда] из Полера. Вот эта семья, разра-стаясь, стала селением.

Вслед за этими предками появился ахун. Подражая этому ахуну, [все] сидели за ним (т. е. повторяли его движения). Теперь ничего не сохранилось, относящегося к этому ахуну.

Говорят, что Комба-ахун, Язы-ахун и Пенду-ахун сидели рядом. Затем Комба-ахун поехал совершать хадж. В одной местности небо потемнело, собрались тучи, потеряв дорогу, [ахун] свалился в пропасть (букв. отверстие). В пропасти оказалась черная корова. Она жила (букв. сидела) тем, что лизала камень. Ахун [тоже] лизал камень. На седьмой день над пропастью собрались тучи. Ахун вышел [из пропасти], держась за хвост коровы.

Этот рассказ ахуна старики да и мы, молодые, пересказываем. Конец.

ПОЭЗИЯ

ПЕСНИ

29. * ВОЗЬМУ-КА Я ТЕБЯ В ЖЕНЫ! (ЙИР)

(Чамо, мужч., 30 лет, род. в сел. Хозагач, крестьянин.
Записано в сел. Уллагыл 9 мая 1957 г.)

Текст

Sini aŕgy-ju!
seni aŕmasa,
gõhuŕ joxaŕ-ju.
Aja, minigi,
axuŕ emesken,
qaror emesken,
poŕci jen'seiŕi!
A-a-a ŝoŕseiŕu, jenggo,
senuŕ pir a-jo, jengolirim ol

Перевод

Возьму-ка [я] тебя [в жены]!
Если не возьму тебя,
что же делать? (*букв.* дела нет).
О-о, моя,
и не беленькая,
и не черненькая,
цвета [спелой] пшеницы!
А-а-а, прекрасная молодушка,
ты одна, а-ё, из молодушек!

30. * ЕСЛИ Я НЕ ДУМАЮ О ТЕБЕ (ЙИР)

Текст

Men sumuŕŕamasas,
jisinaŕ, y-ju.
Men piŕ sumurŕasa,
telli, ni, gõnem toŕŕa, ni, kõleŕ.
Naŕni jũlinta toŕŕa, niŕ, tesa —

qaṭa sajiṅne jaṅtu tūkkāndān.
Kočil kōmiṣta, munc jūlinta loṭṭa, ni, kōleṛ.
Aī ja minigi, jeṅkoliri mu!

Перевод

Если я не думаю [о тебе],
то душа [у нас] одна.
Если подумаю вдруг,
становлюсь безумным, душа моя в смятении.
Если спросят, отчего в смятении:
от твоих черных волос в прическе шанту.
[Мы] вместе росли. И от этого я в смятении.
Ай-я мои, вы молодушки!

31. * В ГОЛУБОМ НЕБЕ (ЙИР)

Текст

K'ōxur asmanne jūzinta
uṣkān aḥ quṣ vaṭasy iṣ ci čujunta
aṭtun koṅṛā tep naṅur piṛ a-jo?
Izuni quzy, ṭori, ṭosempo, senur piṛ a-jo!
Qaṭa ziminne paṅṅunta
uṣkān qarṅa vaṭane iṣ ci zūgunta
timor koṅra tep kemor piṛ a-jo?
Aṅkeḥṅu oṅle, menur piṛ a-jo!

Перевод

В голубом небе
летающее дитя лебедя
с золотым колокольчиком — что [это]?
[Это] последняя дочь своей матери, ты одна!
По лону черной земли
летающий птенец ворона
с железным колокольчиком — кто [это]?
Бесшабашный парень — [это] я!

32. * НА ВЫСОКОЙ ГОРЕ ПЕСТРАЯ КУРОПАТКА ВОРКУЕТ (ЙИР)

Текст

Pixi taṅtigi aṭṭa kekelex zaṭṭax zaṭṭači.
Anten jaḥcūgur māji joḥarčē.
Pāṣe zūgunta mo'dān joḥmaṅan.
U piṛ tampaṛ — jo!
Āṣex čeldige quzyṭ kuṅku ne maṅraḥ maṅrače.
Anten jaḥcūgur māji joḥarčē.
Aṅzy zūgunta čišur joḥmaṅan.
U piṛ tampaṛ — jo!
Senur jeṅgoṭar kōga čyxkelse,
senten jaḥcūgur māji joḥarči.

Paŋiŋ ačilmi, züjiŋ ačitʔan,
ana Razagō, senur pir a-jo!

Перевод

На высокой горе пестрая куропатка воркует.
Красивее ее нет.

Макушка ее без веера (*букв.* кисточки).

Это изъян!

На низкой равнине красный петушок поет.

Красивее его нет.

Рот у него без зубов.

Это изъян!

Вы, молодушки, если выйдете за дверь,
красивее вас [никого] нет.

Волосы нечесаны, одежда в беспорядке,
девица Разаго — [это] ты!

33. * БУДУ-КА Я ТВОИМ! (*ЙИР*)

Текст

Men saŋa vuli'i-ju!

İŋken sanzumny

t'ō'tur tumzuxl!

çirama köje!

İŋken çükumne,

ıŋken sanzumny

ıŋci çüguna

k'omıru çüjip!

Aı ja minigi, seŋ koŋ jeŋkom o!

Перевод

Буду-ка я твоим!

Чашку, из которой пью,

на четырехугольный

стол поставлю-ка!

Палочки, которыми ем,

чашку, из которой пью,

перевернув,

горкой (*букв.* мостиком) сложу-ка!

Ай-я, мои вы (*букв.* ты), пара молодушек!

34. * МЕЛЬНИЧНОГО КАМНЯ ВРАЩЕНИЕ (*ЙИР*)

Текст

Kōskōr termenne

jürgän jüriŋi

kostän koskoŋa.

İçi kogunta jengex k'orgučs,

naŋur pir a-jo?

Qaḥa ziminne jarʸčix kegen
quzyɫ poḡtar-jo.
Aɪ ja minigi jeḡfa zellim o!
Seni aḡy-jo!
Seni aḡmasa, kohoḡ joḡar-jo!

Перевод

Очень круглого мельничного [камня]
вращение (*букв.* движущееся движение)
наикруглейшее.
Внутри — отверстие (*букв.* пустота), [все время] работает,
что это [такое]?
[Это] — черную землю пробив, явившаяся
красная пшеница.
Ай-я, [ты] моя единственная!
Возьму-ка [я] тебя [в жены]!
Если не возьму, что же делать (*букв.* дела нет)!

35. «ПЕЧЕНЬ» — ЗОВУТ ДЕВИЦУ ПАСУ (*ЙИР*)

Текст

Paḡuḡ — Paṣa-gḡ,
U'en — İra-gḡ,
Saḡsyuḡ — Saṣa-gḡ.
Santux qoḡaqqan,
mḡkken toḡdurḡan,
siru zaḡḡaḡan.
İzuni q'uzy, senur piḡ a-jo!

Перевод

«Печень» — [зовут] девицу Пасу,
«Легкие» — [зовут] девицу Иру,
«Сорока» — [зовут] девицу Сану.
Опустошили ларь муки,
оставили [следы] в уборной,
как большие тарелки.
Дочь своей матери, ты одна, а-ё!

ПОЭЗИЯ

36. * В ПРОСТОРАХ ВЫСОКОГО НЕБА (ЙИР)

(Ма Ло-га, мужч., 62 лет, род. в сел. Ловэн, кузнец. Записано в сел. Эйше Ахвар 3 июля 1957 г.)

Текст

Pēxi asmanne sāmynṭa ūcken
 sāry seje tōven sāry pīr šōṅkoṭsa,
 u sāry seje qara sīminne jāry čix kēgen
 qyzyṭ poṛdeden lski āryszy'ux
 koṭṭālār mu tef pīvur šōṅkoṭsa,
 u qyzyṭ boṛdē pašur čixmīzux
 kū'li kuryra. U sāry seje
 jimujic'etuṭ pēxi asmanne
 sāmūlirina jāny čyxpaṛy
 u sāry seje kohuṭ asmanne
 samolirinta pīvuṭ ilāngan aḫuṭ puṭuta
 u sāry seje jūzluxur itef
 u aḫur puṭut pefinjinige
 zimzim jāymuṛy pīr zemze kilēf
 u qyzyṭ boṛdy pašur' čyxkilē^f,
 u sāry seje tōven sāryzy'ux
 pīf šaṅkuṭa^f lski āryszy'ux ko'ṭaṭar mu te^f_p
 inziḡe čyqqan munax vaṭaler
 kaṅur urāḫlēṭ uṛypakuṭzi.
 Tosmif.

Перевод

В просторах высокого неба летящий
 желтый воробей, если спустится вниз,
 тот желтый воробей, пробившую черную землю
 красную пшеницу желая немного поклевать, ринется вниз,
 красная пшеница, не колосясь, на корню (бука. зеленея)
 завянет. И желтый воробей,
 в отчаянии на просторы высокого неба
 снова взлетев,
 тот желтый воробей, что на просторах голубого неба
 кружащемуся белому облаку

тот желтый воробей польстил,
и белое облако в пятом месяце
принесло каплю мелкого дождя,
и красная пшеница заколосилась,
{тогда} желтый воробей ринулся вниз,
желая немного поклевать {пшеницу},
но коварные парни,
стальными серпами срезав, [ее] унесли.
Конец.

ПРОЗА

СКАЗКИ

37. * СЛОВА — ПОМОЩНИКИ (ТОМБАХ)

(Хо Ша-пан, мужч., 28 лет, род. в сел. Эйше Ахвар, крестьянин.
Записано в сел. Эйше Ахвар 1 июля 1957 г.)

Текст

Oxta litum oγuŕur vumif. U hengune kifni ðjinda joγ o'mif. Vu helluŕ uf jüz çagnämif. Çagnaru kïmif ðjina. Hellisi z'üz'z'e k'a'ça ðrgenmë vämif.

Köny çuxpaγane piŕ posyr kormef. Ö jaŕagan ŝi: «Maγa ka'ça piŕ äxys ðrgët-te vër! Helli jipe koï veŕgil!» — temif. Piŕ k'a'ça «o't!» teger piŕ k'a'ça ðrgenmif.

Nene piŕünda kifuf kormif. Anda nene piŕ k'a'ça, «tiγne!» te piŕ k'a'ça ðrgenmif. Aγa heli piŕ jüz vimiŕ.

Anden väre nene piŕ'inta nene piŕ kifuf kormef. Anden «xei!» etigen ka'çur ðrgenmif. Aγa jipeï koï helli veŕmif. İnzi jan'z'eleŕ kçimif. Nene kō çuxmif. Zäpuŕ uç'ramif. İfkisy keŝi vule tēnte o'mef.

Kiŝz'ux janŝagan ŝe: «Mören qyγγyndege tēnte o'taï!» — temef.

Ö jan'ŝagan ŝe: «O't tēse, pēxi jūnte (<jerinte) o'quŕ!»

Pēxi jüvunta (<jerinta) o'mef. Etisyny taγ keise, inzi ö ifkisy vamiŕ. Värz'eler kiŝiz'uxnige ðjina paŝta pämiŕ. Paŝta parz'eleŕ çelte jeŕ axtyrçu-çıγa jeŝagan ŝe: «Pu öten ö'liŕux oza't jürge! Oza't kiŕgu öne zıγ ifina çaratuγo!»

Ö oileluxe apämif. Aparsa, joŝta kif piŕ xöpan kormif. Anta zoγyzaç'eleŕ «tiγne!» teger ka'ça könyγa ki'mif. İnzi k'a'çasyny tiγnez'eler o'mif.

İligi kiç'z'ux izynige ösny vaxmä jürmef.

— Any seγa çaramiŕ o vax-ta gël! — ctemif.

Öz'ux varsa, joŝta ka'ça tiγnez'ë ö't paŕaŕ. O'qu aγa soŕmef: «Sen taγy munda ö't'yr!» — temif. Etigu öz'ux janŝagan ŝi: «K'a'çane tiγnese, tiγnë-de üjina çuxaŕa!» — temif.

Etigu izynige ösy çele vämif.

Väγane jir axtyrçuçi izynige ösny zıγ ifina çaragumiŕ. Açu pu ö vämif. İnzi jeŕ axtyrçuçi jāna je'mef.

Je'tz'eleŕ kiç'z'ux ki'mef. Kŕigu soŕmef jir axtorçuçıγa: pu öny nege çaramaz'ı? — temif.

Jiraxturçuçi jan'ŝagan ŝi: «Öny çarazi!» — temif.

— Çarasa, ö puγaγarı? — temif.

— Ezyg janşagan şı — ilina kem jeci keŋse, ani çayal — teiži.
Etigu pu õ jaŋagan ŧi (örgengen ka'ça könyna keimiŋ): «Kiŋa çei e'ken teŋükke iyy (izyŋ) z'äramiŋ!» Tosz'i.

Перевод

Давным-давно был [один] юноша-сирота. [Он] работал у чужих [людей] батраком. [Юноша] заработал три сотни денег и вернулся домой. [Затем он решил] пойти учить слова.

Выйдя из дому (*букв.* за дверь), [юноша] увидел одного старика. Юноша сказал: «Выучи меня несколькими словам! Дам тебе сотню денег!» [Юноша] выучил слово «сядь!»

Где-то [он] увидел человека. Там [юноша] выучил слово «слушай!» И этому [человеку он] дал сотню денег.

Пойдя дальше, [юноша] увидел еще одного человека. От него [он] выучил слово «мучай!» И ему дал сотню денег.

Затем [юноша] вернулся [домой]. Снова [куда-то] отправился (*букв.* вышел из дверей). [По дороге юноша] встретил спутника. Наступил вечер, и они [решили] остановиться в гостинице.

Спутник сказал: «Остановимся в гостинице, что на берегу реки!»

Юноша сказал: «Если уж останавливаться, [то] остановимся там, где высоко!»

[Они] остановились там, где высоко.

Утром, на рассвете, оба пошли [дальше]. [Они] направились домой к спутнику. В пути [спутник] сказал пахарю на пашне: «Пошли этого юношу за обедом! Как вернется, брось его в колодец!»

Юноша нес обед. В пути [он] увидел толпу людей. Как только [люди] сели, [юноша] вспомнил слово «слушай!» [Все стали] слушать его слово.

Упомянутый (*букв.* прежний) человек (*т. е.* спутник) отправился посмотреть своего сына.

— Ступай посмотри, бросили [или нет] юношу в колодец! — сказал [он своему сыну].

Юноша пошел, а на дороге [люди] сидят и слушают речь. Когда и [он] сел, ему сказали: «Посиди здесь и ты!» Юноша сказал: «Если уж слушать речь, то [надо] слушать до конца, [но мне некогда]!»

Итак, сын того человека пошел на пашню. Там пахарь бросил [его] в колодец. Затем пошел [на пашню] тот юноша. Пришел к пахарю. Тут же явился и его [прежний] спутник.

[Спутник юноши] спросил пахаря: «Почему [ты] не бросил [в колодец] этого юношу?»

— Юношу бросил! — ответил [пахарь].

— Коли бросил, то что за юноша этот? — спросил [спутник].

— Ты сам сказал: «Тот, кто придет раньше, того и брось!» — ответил [пахарь].

Тогда юноша сказал (припомнил выученное им слово): «Тот, кто сделал плохо человеку, сам провалился в пропасть!» Конец.

(Хо Ша-пан, мужч., 28 лет, род. в ссл. Эйше Ахвар, крестьянин.
Записано в сел. Эйше Ахвар 2 июля 1957 г.)

Текст

Oxta pir posýr ma ninuşar vumef. Aqa õr vārař. Ācy iřasy ūlmef. Ācy apasy uhiřõr (<uhi iřer) almef.

Piř kunoř apasy kō čyxmef. Čiqqany ugi ija õra ačisfamef. E^xmex veřse, izyny õsyna ařun e^xmexz'ux vē'imef. Vu litym õra k'o'gun cmez'ux vē'imef. Pekyryx ici peřse, õz'uxke tať vařindege tūxil kēgen māmyxny řonna peimēf. Īzynige õsyna čiq mamuxne řonnamēf. Lēme veřse, õz'uxke sanzyny o't qyryynda xatřaz'eler lēme s'ũ^(t) peimēf. Ōz'ux uřina ařana sanzyny čařa řūrmif. Hengune eligi sořařu õz'ux řyřyřaz'ux o'mif.

Piř kun āpasy kō čyxy jař kiimif. Īřzi iřasy apasyňa totyx če'mif:

— Senigi õņ sanzyny sunduře e^xmex jeje kurtany ocyr!

Etigu apasy õz'uxne pengēler piř řořtamif. řořtasa, pařtařy iřke tumbu vu pāmif. Īřindegi tađden tōxūl kēgen māmugu jōkō čyxkeimef. Čix keřgu apasy õz'uxka učiře piř řyřyřtamif.

Īnzi apasy, õz'ux, iřkysy, o'qanynda lēme ičmef. Īřasy õz'uxnige zanzysny o'ta qyzytz'eler aki'mif. Ōz'ux uřina ařanda zanzysny čařa řūrmif.

Čařa řūrgine iřasy apasyňa vāxy: «Senigi õņ sanzyny peligi sundyřyř!» — etigu. Ōz'ux apasyňa vāxy: «Zanzyny sen piř z'ūt-ta vāx!» — tēmif.

Apasy piř vāřsa, zanzu qyřypařař. Qyřařu apasy varz'eler zanzyny iřasynige uřina qoř peimef. Qoř piřgu iřasy ta zanzyny čařa řūrmef. Čařa řūrgū apasy iřasune čõřz'eler õsyny pařta kō čyxmyř. Tosz'i.

Перевод

Давным-давно были старик и старуха. У них [был] сын. Мать его умерла, и отец женился на другой.

Однажды отец куда-то уехал. Как только [он] уехал, мачеха [совсем] перестала заботиться о юноше. Когда [она] раздавала хлеб, [то] своему [родному] сыну давала хлеб из белой муки, а неродному сыну давала хлеб из серой (букв. синей) муки (т. е. отрубей). Если [она] шила одежду, [то неродному] сыну делала ватник из пуха, что роняет тополь. Родному сыну [она] делала ватник из настоящей ваты. Если [она] раздавала пищу, [то неродному] сыну наеживала [еду] в чашку, которую накаливала на краю очага (букв. огня). Взяв чашку в руки, юноша бросал ее [на землю]. Ежедневно так страдая, юноша жил (букв. сидел) в слезах.

Однажды отец вернулся [домой]. Мать наговорила отцу на сына:

— Твой сын, разбив чашку, сидит и, согнувшись, ест хлеб!

За это отец поколотил юношу палкой. От этого куртка его разорвалась на две половины и из нее вылез весь пух, что осыпался с дерева. Отец взглянул на сына и вдруг заплакал.

Однажды отец и сын, сидя на кане, обедали. Мать, накалив на огне, принесла чашку сына. Юноша взял [чашку] в руки и [тут же] бросил ее.

Мать, взглянув на отца, сказала: «Твой сын вот так разбивает чашки!» Сын, взглянув на отца, промолвил: «Потрогай-ка чашку!»

Отец взял чашку и [убедился], что она накалена. Отец сунул чашку в руки матери. Мать [тут же] выронила ее из рук. После этого отец бросил эту женщину и, взяв сына, ушел [из дому]. Конец.

(По словам рассказчика, китайская сказка, которую он слышал

от стариков-саларов в Эйше Ахваре)

(Хо Ша-пан, мужч., 28 лет, род. в сел. Эйше Ахвар, крестьянин.
Записано в сел. Эйше Ахвар 2 июля 1957 г.)

Текст

Oxta piŕ. peguŕ vuměŕ. Piŕ taɣda poxoŕ vuměŕ.

Piŕ kunoŕ poxoŕta jaxŕi kaŕtaɣuči Jikuntoŕ vuměŕ. Vu pegnigi kōsyna kilz'eleŕ: «Jaxŕi kaŕtaŕa, jēmen kēmes, jēmen kaŕtaŕa, jaxŕi kēmes!» — te syqyrāmif.

Peg çyx kilz'eleŕ aɣa sormif: «Sen naɣ syqyrapaŕ?» — temif.

Etigu jikanto: «Izy jaxŕi kaŕtaŕa, jēmen kēmes, jēmen kaŕtaŕa, jaxŕi kēmes te syqyrapor!» — temif.

Etigu peg jaŕagan ŕi: «Men saɣa jaxŕi kaŕtaɣy!»

Peg sorma piŕ pinzy ifina tōjeny qāry u kifa jikontoɣa usa'mif. Peg kōnynta sumurŕagan ŕe: «Izynden pēxisuŕ joxaŕ. Men jikontoɣa xɣjuŕ c'ki, izyɣa jaxŕi keler mu, kēmuŕ? — vaɣqy-pe!»

Jikonto sorma pinzene z'üz'z'eler toŕtaɣ'ēnē vāmif. Varz'eleŕ sorma pinzyne tāmyndaɣ'ux āsmif. At'ygunc pegnige oŕy ziɣa kif jirtyqqa vāmif. Asman pōɣynaɣ ki'mif. Kaŕz'eleŕ poxoŕe vāmif. Vāɣu jukunto: «Maɣa hemenemuŕ joxtur! — temif, — peg oza'qan sorma piŕ pinzy vāŕ. Munny seleŕ if!» — ete xōtaŕ pi'mif.

Xotaŕgane pegnige oŕy içmeŕ. Iŕkine pegnige oŕy ũlmeŕ. ũlgine zapɣtaɣy jikontony paŕŕāmif. Paŕŕaɣy jikonto jaŕagan ŕi: «Izyɣa mune peg uza'qandyɣ, izy mune pilmes. Izy jaxŕi kaŕtaɣučiɣyŕ. Sorma ifkuči emestyŕ!»

Etigu z'üz'z'eler pegnige jāna aŕāmif. Aŕaɣu pekke sormif. Peg janŕagan ŕ: «Çiɣdyŕ! — temif, — izy muɣa jemen kaŕtaɣzi, izyɣa jaxŕi kēmiɣzi!» Tosz'i.

Перевод

Давным-давно был один князь. На одной горе был даосский монастырь.

Однажды в монастыре находился добродетельный даос. Подойдя к дверям князя, [он] закричал: «[Кто] хорошо поступает, [тот] плохого не испытает (букв. плохое не придет)! [Кто] плохо поступает, [тот] хорошего не испытает (букв. хорошее не придет)!»

Князь вышел и спросил: «Ты что кричишь?»

Даос ответил: «Я кричу: если ты хорошо поступаешь, [то] плохого не испытаешь (букв. плохое не придет), если плохо поступаешь, [то] хорошего не испытаешь (букв. хорошее не придет)!»

Князь сказал: «Я хорошо поступлю с тобой!»

В бутылку с сормой он добавил яду и протянул ее даосу. Князь подумал: «Выше меня [никого] нет. Сделаю-ка я плохое даосу и посмотрю, хорошо мне будет [от этого] или плохо.»

Даос взял бутылку сормы и, радуясь, ушел. У себя [он] бутылку сормы повесил на стену. На следующий день сын князя и [еще] несколько человек пошли на охоту. Загремел гром. [Сын князя и его люди] бежали в монастырь. Даос сказал [им]: «У меня ничего нет. Есть [только] бутылка сормы, что подарил [мне] князь. Выпейте ее!» Так говоря, [даос] налил [всем] сормы.

Сын князя выпил и умер. Его товарищи связали даоса. Даос ска-

зал: «Это (т. е. сорму) подарил мне князь, я ничего не знаю! Я добродетельный [человек], а не любитель сормы!»

[Даоса] повели к князю. Спросили [обо всем] князя. Князь сказал: «Истинно! Я сделал ему плохое, и сам хорошего не испытал (букв. хорошее не пришло)!» Конец.

40. * СТАРУХА И НИЩИЙ (ТОМБАХ)

(Рамазан-по, мужч., 95 лет, род. в сел. Эйше Ахвар, крестьянин.
Записано в сел. Эйше Ахвар 30 июня 1957 г.)

Текст

Oxałda nene pır kōho ninusur vumıf. Ağa eřku peř vumıf. Volzı ma uęru uf kiři vařař.

İzınygi taęjasy: «Ē, nına, pu geze eřkuny uęryma kegar! — temıf, — uęrymā kēsa, sen setoęny tūt-ta kōę artynda ðt-ta řā! Pıř kıgu sētūfa pır ċıt-ta oltērtuęu! Nene pıř kelse, nene ċıt-ta oltērtuęu! Nene pıř kelse, any da ċıt-ta oltērtuęu!»

İnze ninusur sumurıamıf: «E-eř, kiřur uf kiřni ulterz'ānā nēċux e'kur?» — eltemıf. Arcy oje emex keleguċi kēmiř.

Ninusy jařameř: «Men kiřur ulterzi, se any ċaęa-ty gē! Men saęa e'mex vięgi!»

İnzi u k'o't ċuxpraęanā nene pırne andař'ux qoımiř. U ċaęa kigıle: «Nene pırne k'o't-te vār!» — temıf. K'ote parzile ċaęa kımıř. U nene pırne jūān ornynnda qoımiř. Nıno jařamıř: «Sen ċaęa keımimıř-pa!»

Artyęny k'o'tpar pıxiř'ux qajaten ċaęa jürmiř. Z'üjin da kiřur ċaęfa puęunaz'ıle xoęęa qařmiř. Qařkāne k'o'kuċi kormıř.

— Ja, k'ðt ċaęaęan kiři qařvapa. İnzi me k'o'mās, emex te kelemes, seni te k'o'mes!

Tosmiř.

Перевод

Давным-давно была одна старуха-вдова. У нее было пять козлов. Также [были] три вора.

[Однажды] родные сказали [старухе]: «Эй, бабушка, в эту ночь придут воровать козлов. Возьми большой нож и спрячься за каном! Кто придет, руби того и убей! Еще придет кто-то, снова руби и убей! Еще кто-то придет, и того руби и убей!»

Вот старуха и задумалась: «Э-эх, убив трех людей, как же быть?»

Пришел [один] нищий (букв. просящий хлеб).

Старуха сказала: «Я человека убила. Выбрось его! Я тебе хлеба дам!»

Как только нищий вынес [человека], [старуха] положила на его место (букв. туда же) еще одного. Когда [нищий] пришел, старуха сказала: «Унеси еще одного!» Нищий вынес и бросил [человека]. [Старуха] положила в то же самое место еще одного [человека]. Старуха сказала: «Ты [этого] еще не бросил!»

[Нищий] унес последнего и бросил его с высокой скалы. Внизу [некий] человек был занят своим делом. [Он] испугался и побежал. Нищий увидел, что кто-то бежит.

— О-о, человек, которого [я] вынес и бросил, бежит. Больше не буду таскать, и хлеба не хочу и тебя не понесу! [— сказал нищий]. Конец.

41. * О ГЛУПЦЕ (ТОМБАХ)

(Рамазан-по, мужч., 95 лет, род. в сел. Эйше Ахвар, крестьянин.
Записано в сел. Эйше Ахвар 30 июня 1957 г.)

Текст

Oḡaḡda pir bosyr vumiḡa. Piḡ ninusur vumiḡ. Vuḡz'ānā ō toḡmiḡ. Ō toḡsa, keiḡoḡa peg jānyna poḡyḡma vāmiḡ. Poḡyḡma varḡi ma taḡuḡa: «Meni kīnyḡm ō toḡzi. Saḡa peiḡsin k'oḡflenzi!»

Kun's'i el tici ma peg jaḡaḡzi: «Kuavzy-kuavzy!» — demḡ. Poḡyḡma vaḡu-či izy ōrmex kuavzvr kiḡroḡ.

mzi peg pērmaḡyn ḡiḡamiḡ o kiḡuxka: «Kuavzy-kuavzy!» — temḡ.

El tegile kiḡ'ux qaḡmiḡ. Kiḡiny sormḡ: «Kozoḡ neḡe kelzi?» — temḡ.

— Pu peg pannexun: mi kuavzumu neḡxyḡit'para. Ele'ku me qaḡz'i. Tosmiḡ.

Перевод

Давным-давно были некие старик и старуха. [У них] родился сын. После рождения сына [отец] отправился в город к князю с докладом. [Он] сказал сановнику: «Моя жена родила сына. Твой народ увеличился!»

Князь сказал: «Куавзы! Куавзы. (Дурак! Дурак!)» А тот, кто сделал доклад, одет в суконный куавзы (жилет).

Князь показал пальцем и [снова] сказал [тому] человеку: «Куавзы Куавзы!»

Человек убежал. Жена спросила [его]: «Почему [так] скоро явился?»

— Этот князь полоумный: завидует моему жилету, потому я и убежал! [— ответил муж]. Конец.

42 * СЛЕПОЙ И АХУН (ТОМБАХ)

(Рамазан-по, мужч., 95 лет, род. в сел. Эйше Ахвар, крестьянин.
Записано в сел. Эйше Ахвар 30 июня 1957 г.)

Текст

Oḡaḡda ozenda maḡ k'o'kuḡi aḡḡy kiḡi varara. Aḡḡy kiḡi voḡzi ma aḡin-da kōry pir kiḡi vumeḡ. Korz'ux ḡyḡḡameḡ. ḡyḡḡaḡzi ma axunur vāry sormḡ: «Neḡe ḡyḡḡapor-ja?» — temḡ.

— Vu paḡaḡar eligi oīnaḡpora, me kormyr, ele'ku ḡyḡḡapor!

El tegu vu axunz'ux Xudadan dua qylmiḡ.

— E-e, piḡ Xuda-jo, muni kozy pir aḡiḡḡy! Pu tiriḡḡa!

Ele'kiḡa vu kiḡniḡi kozy ḡasken aḡiḡmiḡ. Aḡiḡḡane vu koḡy ḡelte taḡyḡo soḡuḡ keḡmiḡ. Pu paḡaḡarny tōimiḡ, neḡkisin' ultermḡ. Ele'kiḡa vu axunz'ux Xudadan dua qylmiḡ.

— E-e, Xuda-jo, puny kozyny nene piḡ tyxtuḡu, jaramaḡar! — temḡ.

Перевод

Давным-давно [были] шесть человек пастухов. Из них один был слепой. [Однажды] слепой заплакал. Ахун, подойдя [к нему], спросил: «Почему плачешь, а?»

— Ребята так [интересно] играют, а я не вижу, потому и плачу [— ответил слепой].

Ахун помолился богу.

— О единый бог, да откроются глаза у того [человека]! Да сойдет он с ума! [— сказал ахун].

Тот человек тут же стал видеть (*букв.* глаза его мгновенно открылись). Бывший слепец выдернул на пашне саженец дерева, избил ребят и всех убил. После этого тот ахун [снова] помолился богу.

— О бог, ослепи опять того [человека] (*букв.* выколи его глаза) [Он никуда] не годится! [— сказал ахун]. Конец.

43. * НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ И СПРАВЕДЛИВЫЙ КНЯЗЬ (ТОМБАХ)

(Хо Ша-пан, мужч., 28 лет, род. в сел. Эйше Ахвар, крестьянин.
Записано в сел. Эйше Ахвар 1 июля 1957 г.)

Текст

Oxta par kisuř, jox kiřuř vumif. Par kifa atuř vumif. Joř kifa enexoř vumif. Iřkysy hengune pirinde k'o'mif.

Joř kiřnige inige puřořamif. Puřořayu pař kiři izynu ati puřořazi etiz'e joř kifa veimimif.

Joř kiři her kune pegnige janynde čögüşmeř. Pař kiři pekke helli čařamif. Inži pař kiřnige k'a'časyny jařamif. Puřony pař kifa tořa peimif. Joř kiři fař^y jořqan o'mif. Arcy pegni aliřmif. Alifqu nene pegni jana (// jany-na) čöxüşme vämeř.

Vařu inži pař kiřni čařameř. Čařayu peg jařagan' ři: «Pu kölexne kem puřořazi?» — temif.

Pař kiři jařagan ři: «Iřynige ati puřořazi!» — temif.

Etigu peg: «Er kiři heřzy keler o?» — temif.

Pař kiři: «Er kiři heřzy kemes!» — etemif.

— Etigu inži er kiři heřzy kemese, pu puřony a't qotořtamařar-pe!
Joř kiřnigi inige puřořayne iřař! — Tez'e joř kifa puřony pařa peimif. Tosži.

Перевод

Давным-давно были богатый и бедный. У богатого была кобыла. У бедного — корова. Оба они каждый день пасли [их] вместе.

Корова бедняка отелилась. Когда [корова] принесла теленка, богатый сказал: «[Это] моя кобыла родила (*букв.* отелилась)!» — и не отдал теленка бедному.

Бедняк каждый день жаловался князю. Богатый дал князю денег, и тот [начал] поддерживать (*букв.* говорить слова) богатого. Теленка [он] присудил богатому. Бедный ничего не мог поделаться. Вместо того князя прислали другого. [Бедный] снова пошел жаловаться (*букв.* преклонять колена) князю. Князь пригласил и богатого. Князь спросил: «Кто родил (*букв.* отелил) эту корову?»

Богатый ответил: «Моя кобыла родила (*букв.* отелилась)!»

Князь спросил: «Мужчины похожи на женщин?»

Богатый ответил: «Мужчины не похожи на женщин!»

— Ну, раз мужчины не похожи на женщин, [то] и этого теленка кобыла не может родить. Его родила корова бедняка!» — [сказал князь].

[Он] отдал бедняку теленка. Конец.

44. * ДЕРЕВО, ИСПУГАВШЕЕСЯ ТЮРЬМЫ (ТОМБАХ)

(Хо Ша-лан, мужч., 28 лет, род. в сел. Эйше Ахвар, крестьянин.
Записано в сел. Эйше Ахвар 1 июля 1957 г.)

Текст

Oxta piř kiři vuməř. Ağa oř vuməř. Ağa ügi iļa vařa. Ösyna ačiřma-
miř. Ačiřmu(ř) ösynu ühreməř.

— Sen täřne iř e'mē vāmü(ř)! — ete uhrigu (tana) öz'ux vāmeř.

Vāre tařinta piř jiř kēməm.ř. Helli jipe koř čařna keimeř. Inži kösyna
janķiimiř. Kösynta peiřaņ tařuř vāřař. Pāřinta tüli oņa qořpařař. Öz'ux pā-
řina čuxpāre hellisini oņata čöi keimiř. Čöi kilz'eleř öjina kiri pāmiř. Inži
kiřpařez'eleř iřasyna: «Helli čařna kemizi!» — temiř.

Etigu iřasy uhrimeř. Uhrigu öz'ux jyyta-jyyta hellisini ařma keimiř.
Keřse, hellisi jořař. Inži tař jüřinta jyyta o'miř. O'ku peg kilz'eler oņa
sormiř: «Sen nēgē jyytařoř?» — temiř.

Etigu avu jřagane ři: «Iřynige hellisini pu tař pāřinda čöiřarž'e. Čöi-
řarsa, hellim jořař!»

Inži peg: «Helliņne tařa k'öřato?» — etemiř.

O: «Köřamaži!» — temiř.

Peg vāřz'ileř miřusun'e čařa kiimeř. Tařa sorməř: «Önige hellisin'e
kem harze?»

Tař jeřamamiř. Jeřamařu tāline teimiř.

Teiře te, jeiřamim.ř.

— Jeiřamařu tālne pāřuņ iřinta pəř'lē-de hēll — temiř.

Synjērleř tālne pařtām.ř. Pařtazē senjyrne pāřoņ iřinte čöi kiimiř.

Čöi kiigu tālden koř jar'ax z'ikeimiř. Z'i keigu inži pu jařfaxne peg
fyn'se e'miř.

E'ku peg janřameř: «Pu tiřante řaņřaņ tēgen ātuř varoř?» — temiř.

Ācy: «Qoř k'o'kujuřnige ā't'iny řoņ řoņ čařyri!» — temiř. Ane čařa kei-
miř.

Ağa sorməř: «Pu öniģi hellisini sen apartoř?» — temiř.

— Aparži! Izy qoř aranda kōmu kelzi! — temiř.

Etigu hellisini a'keimiř. A'kilz'eleř oņa pařta piřmiř. Tosz'i.

Перевод

Давным-давно был один человек. У него был сын. Мать у сына —
неродная. [Она] не заботилась [о] своем сыне. [Часто] его бранила.

— Ты не ходишь трудиться! — так попрекала [она его].

[И вот] сын уехал. [Его] не было (*букв.* не приезжал) целый (*букв.*
один) год. Заработав сотню денег, [он] вернулся. Подошел к дверям
[своего дома]. А у дверей растет береза. На ее вершине коршун гнездо
себе вьет. Юноша взобрался на дерево и положил свои деньги в гнездо
[коршуна]. Потом [он] вошел в дом и сказал своей матери: «Я не зара-
ботал денег!»

Мать [снова] побранила его. Плача, юноша отправился доставать
свои деньги [из гнезда]. Денег [там] не оказалось. Заливаясь слезами,
[юноша] сел под деревом. Проходил [мимо] князь, и [он] спросил юно-
шу: «Почему ты плачешь?»

Юноша ответил: «Я положил свои деньги на верхушке этого де-
рева. А денег [там теперь] не оказалось!»

Князь спросил: «А у дерева [ты про] деньги спрашивал?»

Юноша ответил: «Не спрашивал!»

Князь вызвал своего секретаря. [Тот] спросил у дерева: «Кто унес деньги юноши?» Дерево не ответило. Секретарь побил дерево. Дерево не сказало [ни слова].

— А, не говоришь! [Тогда] посадите в тюрьму это дерево! [— приказал секретарь].

Дерево обвязали цепью. [Конец] цепи отнесли в тюрьму. Вернулись обратно, и [тогда] с дерева упали два (букв. пара) листочка. Князь взял их в руки и задумался.

— В этой местности есть [человек] по имени Шан Шан (т. е. Пара)? [— спросил он].

— Шан Шан — имя пастуха овец! — [ответили ему]. Привели пастуха.

[Князь] спросил у него: «Ты унес деньги этого юноши?»

— [Я] унес! Зарыл [их] в овечьем хлеву! [— ответил пастух овец].

[Вскоре он] принес деньги и отдал [их] юноше. Конец.

45. * ТОРЖЕСТВО СПРАВЕДЛИВОСТИ (ТОМБАХ)

(Хо Ша-пац, мужч., 28 лет, род. в сел. Эйше Ахвар, крестьянин.
Записано в сел. Эйше Ахвар 2 июля 1957 г.)

Текст

Oxta pīr pōsyr ma ninusur vumēf.

Aḡa oḡ vumēf. Ōsy heḡgune çūçoḡa oḡumā vāmēf. Varsa, joḡta aḡsaḡ paḡor kormēf. Korgu oḡ'ux aḡaḡyne paḡtaḡ'éleḡ çoltog iḡinta qoīmēf. Inzi heḡgune eḡmex jāḡymuny aḡa viīpāmēf. Pīḡ kun oḡ'uxnige çyḡy joḡqan voḡa-voḡa vāmēf.

Vāḡu apasy iḡasynē uhremēf: «Sen oḡa eḡmex veruxar!» — te uhremiḡ. Uḡriḡu iḡasy janḡagan ši: «Ōḡa komēsuḡ pīḡ ma jāḡymten viīpor!» — temiḡ.

Etigu āt'ykune apasy oḡ'uxnige ātyna faḡnez'éler vāmēf. Varsa, oḡ'ux eḡmegine paḡaḡa veīmiḡ. Paḡaḡa vegine paḡa kiḡ kāmāsuḡ vumēf. Inzi apasy xoḡḡaḡ'éleḡ oḡyna jaḡkiīmēf. Iḡasyna vāḡy: «Ōny ultergu kelegaḡ. Paḡa oḡny jigar. Jiḡu iny ta jimē kegar!» — temiḡ.

Kefluguna oḡ šōḡūten jaḡkiīmēf. Jaḡkiīḡu paḡa oḡny çatāmēf.

— Sen oḡyḡa vāqumal! Seni apḡ ultergar! Iḡynige ka'časyny tiḡnese, iḡynige paḡtaḡyne pīḡ sovaḡa iḡinden pōzi pīḡ qoḡ çyxkeler. Munny z'ūt-ta sen joḡta neḡ korsa, aḡa pīḡ tex. Tekkānā u türel geler. Kiḡi ulixka tekuma! Ki šiḡyḡne xēḡtar!

Etigu oḡ'ux: «İrar!» — etimiḡ. Ōz'ux pōzyny z'üz'z'éler kō çyxmēf.

Pīḡ zyī jürsē, jilān uluxuḡ kormēf. Aḡa pīḡ tegmēf. Jilānz'ux türelmēf. Anden nene pīḡ zē jürsē, iḡt öluxuḡ kormēf. Aḡa pīḡ tegmēf. İḡz'ux türelmēf. Nene kemur kormēf. Keməz'uxke pīḡ tegmēf. Keməz'ux türelmēf. Anden zōvānur kormēf. Aḡa pīḡ tegmēf. Zōvānz'ux türelmēf. Anden nene pīḡ zē jürsē, kiḡ ölexur kormēf.

Koḡu: «Pu kiḡiḡ'uxke pīḡ tegz'é-da vaxāḡ!» — temiḡ. Pu kiḡiḡ'ux türel keīmiḡ. Türel kelz'e oḡ'uxka tāxytāmēf: «Sen naḡ kiḡter?» — dəimiḡ. Ōz'ux: «Kō çyxquçityr! — temiḡ, — inzi iḡkysy aḡyīnē tanyḡaḡ!» — dəimiḡ. «İrar!» — tez'é jürmēf.

Jüre-jü'e oḡ'ux pōzysyne kiḡz'uxke jaḡamiḡ. Jeḡḡago poḡzysyny kiḡz'ux: «İzy z'ükol!» — temiḡ. Ōz'ux «jal» tez'éler veīmiḡ.

Pīḡ aḡyūḡ jēti pāmēf. Ōz'ux: «Su iḡkur!» — temiḡ. Etigu kiḡz'ux: «Syḡ iḡina ömexlèn-de iḡ. Men aḡaḡyḡden tā'qa!» — demēf.

Özux pele ifkenta pîr ift3'eler zyğ ifine çarğa jürmiş. Çir3'eler ki3'ux vâmîş. Āty su tamaγuçur kēimeş.

Aniği su ta'qan 1a1asy ifina tāxyli çixkeimis. Çyx kil3'eler ö3'ux, ki3'uxne ifte pāmîş. Pîr zy' jürse, ki3'uxne kormiş. Korgu ki3'ux ö3'uxne pîr şo'1az'eler moγqo1yx jasamîş. Tō.yx zūjina kom3'eler vāmîş.

Vaγu iftur kēimeş. Jukuru ki3'nigi jānyna vāry furmeş. Furyγo ki3'lār: «Pu if3'ux nege furpa?» — temeş. İ3'ux jukure ili ö3'uxne kōmgen jüne (<Jirine) ki'imeş. Ajaγyler tōtāmîş. Tōtaγu ki3'lār any tōtāmîş. Tōtasa, ö3'ux çyxkeimis.

İnzi ö3'ux nene ki3'uxne ifte pāmîş. Ki3'ux pegnige jāna vāry pōzy-syne pekke veimeş. Veigu pek ānc oγul e'meş.

Pu ō aγa var3'eler ki3'uxne korgu. Ki3'ux pekke jeje3'eler ö3'uxne pexlemîş.

Pexligu keme, jilān, 3'üvin — çosy ōnyge jāna var3'eler: «Sen pēligi tař şuilaganyny pişer pilmizi. Pişer saγa niγ po'1aγy?» — temîş.

Keme janşayan ši: «İzy pegnige jaγ e'megine taş'kiğel!» — temîş.

Jilān janşagany: İzy pegnige anasyny tyğna kiğel!» — temîş.

3'üvin janşagan ši: «İzy saγa ka'ça taşyγy!» — temîş.

İnzi jilān var3'eler pegnigi anasyny tyğna ki'imeş. Kiğgu pegnige anasyny hemme pāxymji vaγ vōmamîş. Vōmaγu peg tama piştex jaxmîş: «İzy-nigi anasyne kem vaγ vo1tyrse, anasyny keiny viγur!» — temîş.

Etiγu 3'üvin var3'eler piştigini tātā keimeş.

Tātā kiğgu peg: «Muny kem tātāmîş?» — temeş.

Ö3'ux: «İzy tātāzi!» — tem ş.

Etiγu ö3'uxne pexlegen jünten çixar keimeş. Çyxar kel3'eler ö3'ux peg-nigi anasyne aγyγyγne vaγmîş. Vaγ vuγu anasyny ōγa kiiny vi'mîş.

Veigu ō anaγa vaγ: «İzyga nensinur vār!» — temîş.

Vār tese, ana: «İzyga jan'şal!» — temîş.

Etiγu ō anaγa vāxy janşamîş: «İzynige po'3zi pîr qoşny ilé oγu1 e'kuji izynden xēile parzi. İzy neçe-neçe izi akēgen po'3zityr!»

Ete jan'şayū anaz'ux apasyna janşamîş. Janşayū apasy ili oγu1 e'ken ö3'ux, pu ö3'ux, ifkysyne jāna çatameş. Çata3'eler ö3'ux ifkysyna sormiş. So'sa, ö3'ux: «İzynigiter!» — temîş. Ki3'ux ili oγu1 e'kuçi: «Vu izynigiter!» — temîş.

Etiγu peg janşamîş: «İzy po'3zini şiraγa qoγy! İfkysyngige ātyğden çataγy! Po'3zi kemnige vo1sa, kem jāna varař!» — temîş.

İli ki3'uxne çatameş. Po'3zi vāmameş.

Ācy ö3'uxne çatameş. Çataγu ö3'uxn'ge qo'nina po'3zi sekere pāmîş.

Paγu peg janşagan ši: «Ö3'uxnigař!» İli oγu1 e'kuçini: «Sen ki3ni xyi-taγujar!» — tez'e pexlemîş. Tos3'i.

Перевод

Давным-давно были старик и старуха. У них был сын. Он каждый день ходил в школу учиться. [Однажды он] увидел на дороге хромую лягушку. Юноша связал [лягушке] лапы и поместил ее в пруд [во дворе]. Каждый день [юноша] отдавал половину своего хлеба лягушке. День [ото дня юноша худел], и лицо его осунулось.

— Ты не даешь хлеба сыну! — упрекнул отец мать [юноши].

Мать ответила: «Я даю сыну [по] полторы лепешки!»

На следующий день отец пошел посмотреть, что делает сын. Юноша дал лягушке хлеба. Лягушка приняла образ человека. Отец, испу-

ганный, вернулся домой. Взглянув на мать [юноши], [он] сказал: «Сына надо убить! Лягушка его съест. Потом [лягушка] придет и нас съест!»

Вечером юноша вернулся из школы. Как только [он] пришел, его позвала лягушка.

— Не ходи домой, отец тебя убьет! Если [хочешь] меня слушать, [то] погладь мое горло, оттуда появится пара драгоценностей. Возьми их и, что увидишь на дороге, прикоснись [ими]. То, к чему [ты] прикоснешься, оживет. [Только] к мертвецу не прикасайся — он сделает тебе плохо! [— сказала лягушка].

Юноша сказал: «Ладно!» Схватив драгоценности, он вышел из дому (*букв.* из дверей).

Пройдя немного, юноша увидел мертвую змею. Коснулся ее. Змея ожила. [Юноша] прошел еще немного и увидел мертвую собаку. Коснулся и ее. Собака ожила. [Потом юноша] увидел [мертвую] мышь. Прикоснулся к ней. Мышь ожила. [Затем юноша] увидел [мертвую] пчелу. Прикоснулся к ней. Пчела ожила. [Юноша] прошел еще немного и увидел мертвого человека.

— Попробую-ка прикоснуться к нему! — решил (*букв.* сказал) [юноша]. Человек ожил и вцепился в юношу.

— Что ты за человек? — спросил [оживший человек юношу].

— Я странник, — ответил юноша, — давай будем друзьями!

[Человек] сказал: «Ладно!» — и двинулся в путь.

Когда [они] шли, юноша рассказал человеку о своих драгоценностях. Человек сказал: «Я возьму [их]!» Юноша сказал: «Да!» — и отдал [драгоценности человеку].

Дошли [они] до одного селения. Юноша сказал: «Попьем воды!» — «Нагнись в колодец и пей! Я буду держать (*букв.* тянуть) [тебя] за ноги», — сказал [человек].

Когда юноша так пил, [человек] толкнул его и сбросил в колодец, [а] сам ушел.

Пришел водонос. [Юноша] сел в его ведро и поднялся [наверх]. [Затем] он отправился разыскивать [того] человека. [Юноша] прошел немного и увидел [того] человека. От его удара юноша лишился чувств. Человек закопал [юношу] в землю и отправился [дальше].

Явилась собака. [Собака] подбежала к людям и залаяла. «Почему лает эта собака?» — сказали люди. Собака побежала вперед и достигла места, где был зарыт юноша. Стала разрывать [это место] лапами. Люди помогли ей. Показался юноша.

Снова он отправился на поиски [того] человека. [А тот] человек пошел к князю и отдал [ему] свои драгоценности. За это князь определил его [своим] сыном. Юноша пошел [тоже] к князю и [увидел того] человека. Человек рассказал [о нем] князю, и юношу посадили [в тюрьму]. Как только [его] посадили [в тюрьму], явились мышь, змея, пчела и сказали: «Мы и не знали, что ты испытал такие грудности. Чем мы тебе поможем?»

Мышь сказала: «Я принесу [тебе] слобный (*букв.* масляный) хлеб князя!»

Змея сказала: «Я укушу дочь князя!»

Пчела сказала: «Я буду передавать тебе то, что говорят (*букв.* приносить тебе слова)!»

Змея уползла и ужалила дочь князя. Ни один врач (*букв.* смотритель) не в состоянии был помочь дочери князя. Князь повесил на стене объявление: если кто поможет его дочери, [то за того он] выдаст дочь замуж!

Пчела сорвала объявление и отнесла [его юноше].

Князь спросил: «Кто сорвал это [объявление]?»

Юноша ответил: «Я сорвал!»

Его выпустили из тюрьмы (*букв.* места, где он был заперт). Юноша [начал] лечить болезнь дочери князя. Вылечив девушку, он получил ее себе в жены.

Юноша, взглянув на девушку, сказал: «У меня есть печаль!»

Девушка сказала: «Расскажи мне!»

Юноша, посмотрев на девушку, сказал: «Пару моих драгоценностей, помучив [меня], отнял тот, кого [князь] сделал сыном. Это те драгоценности, с которыми [я] сделал многое (*букв.* столько-столько)!»

Девушка рассказала своему отцу [обо всем этом]. Отец ее призвал к себе и [того, кого он] сделал ранее сыном, и этого юношу. [Князь] расспросил обоих. Юноша сказал: «[Драгоценности] мои!» Тот, кого сделали ранее сыном, сказал: «Они мои!»

Князь промолвил: «Я положу драгоценности на столик и назову каждого из вас. Кому драгоценности принадлежат, к тому [они] и пойдут!»

Сначала [князь] назвал [того] человека. Драгоценности остались на месте.

Затем [князь] назвал юношу. Драгоценности [тут же] прыгнули на грудь юноши.

Князь сказал: «[Драгоценности принадлежат] юноше!» Человека, которого раньше [он] сделал сыном, со словами: «Ты истязатель человека!» [велел] запереть [в тюрьму]. Конец.

46. * КОШКА, МЫШЬ И ВОРОБЕЙ (ТОМБАХ)

(Рамазан-по, мужч., 95 лет, род. в сел. Эйше Ахвар, крестьянин.
Записано в сел. Эйше Ахвар 30 июня 1957 г.)

Текст

İnzî pîř kemur, pîř seřor vumîř. Meřux janynda ĉöxuřmîř.

Kema meřuxka jařamiř: «Pu seře talařında iř keımuř, aęa pîř sor!» — teımîř.

Eı tıgu pu seře: «Eı mîřux, keme oęasynden neęe ĉyx keluxar? Aęa pîř soř!» — temîř.

Mîřux eı temîř: «Ja, seře, èn-di ge! Keme te, ĉyx-ty gê! İřyęne me jan'jařy!»

Seře pîř janynda o'mîř, keme pîř janynda o'mîř. O'qaře mîřux «xar-xar» iřkysyn de jeımîř.

Ele'kennięe mîřux, seře — kem'ni korelmes. Tosz'ı.

Перевод

Были мышь и воробей. [Они] пожаловались (*букв.* преклонили колена) кошке.

Мышь сказала кошке: «Этот воробей не спускается с дерева. Спроси его [почему]!»

Воробей сказал: «Эй, кошка, мышь не вылезает из норы. Спроси ее [почему]!»

Кошка так сказала [им]: «Ну, воробей, спустись! Мышь, вылезай! Я разьясню вам!»

Воробей сел с одной стороны кошки, мышь — с другой. Кошка «хам-хам» и съела [воробья и мышь].

С тех пор кошка не может [спокойно] видеть воробья и мышь.
Конец.

ПОЭЗИЯ

47. ВЕЛИЧАЛЬНАЯ (ОРУХ СЁС)

(исполняется на свадьбе)

{Рамазан-по, мужч., 95 лет, род. в сел. Эйше Ахвар, крестьянин.
Записано в сел. Эйше Ахвар 30 июня 1957 г.)

Текст

Öf vösa, axun-böny azy aly!
Nagny funjunda azy aly tese,
pisef amu — bendini miñony jötynden
jittuğa tä'ken. Siñate'ni jötynden
xitoje'ni jötyna pañtağan.
Pif xaxni çor^ysa, ifki tun'fany
korgen kifari tep azy aly!
Myndan çösyna kelsa,
mynta xar' zamşini azy aly!
Oje'tta jan'fasa hafizun
«ölet s-salāti ve s-salātil-vusto»,
pu oje'tni qazyje'tini suñtap
penzi o qötuğa jü'kürüp
tuniani ifini pañtap
axuryni jötyny fusyn^y e'ken
kifar tep azy aly!
Mynden çösyny kelsa,
ifki soji-pöny azy aly!
Joñveñ nagniği funjun azy aly tese,
asmante poñut joxmasa, rahmet joxtyr!
Seminta söji joxmasa, öryx joxtyr!
İsmilürlär çyxup pēxi taqqa tö çiqqujary
Aq qufa çoñry taqujary.
İs'ni azy aly!
Myntan çösyny kelsa,
mynta ifki azañni azy aly!
Joñveñ nagny funjun tese,
ryñju veñ za ji t'e ju tujatyñ!
Tur'qy jan'fasa, asmānda
poñut çyxmasa, rahmet joxtyr!
Seminta söji joxmasa, öryx joxtyr!
Mynden çösyny kelsa,
niçiçoñ farimpa xary-xöry,
zāmşiler vax'p akilep
pö — tatañar ifki aqys janşaqusytyr-jal
Teñtap akilep men s'örena tüñtyr.
Men s'örena tüñlese, pujoñgi s'u'sler
xylre-xylro, xaire mübarexni sözare.

Kem jan'fasa, pir kačadyr tigenar.
Her kune alimner jan'fasa,
ši pā sa jeŋ myx'loquifinta
zikuč'ūgo piser ātamtyr tiro.
Joŋveī naŋny fuŋjun tese,
t'uiŋa, oŋyŋ-qyznigi rōzysini keler.
Oŋyŋ-qyzni rōzysini verse,
enā-fūmune xusaŋynden jere eŋgul
Tuniāne jārux seltineni korgul
Axun-ālimne ende^t_p kile^t_p
paŋke kōme'tni oxyp
pīsin'igi jaŋryŋāne ā'tyna
xoxo ec'ip at veigusy.
Muny jōtynden cigui jāry tire.
Myndan čōsyny kelse,
helale — haramune fyŋke ec'ip
halalini mālini — haramuny jōtyny
fijun e'mequsy!
Etō enōny vāšindege
ti sange kirdenari tire.
Myndan čōsyny kelsa,
esse oičyŋa oŋyŋni rysqysyni verzi.
Men oičyŋa qyzny rysqysyny verzi.
İsy oičy men oičyŋa pyŋāzi.
Men oičyŋa pyŋāsa, uçirsa,
korgu jerare. Čyxrasa, iŋku jerare.
Kiši jan'fasa, toqos hakāne to^psyse tire,
toqos pine oruŋy tire!
İsy oholinige uruŋyny ōren
horuxqa jel furparsa,
ystaŋ hātiga su fyrparsa,
zoŋ sen piŋuryny uryŋari tese,
hāti jan'fasa, — kōŋān foŋ
ten' tinŋe vālli min te heili.
Se'ha ŋi ŋyn jūkin tire.
Turky jan'fasa, — pēxi taŋda
zinjaŋ teŋtirse, any
koŋlaŋy vālli te vuryr.
Uŋy xyⁱ qyrŋynta čičex syŋāsa,
ōzex omzasy terunten terunter tire!
Hāti jan'fasa, — pu zo z'el laŋja tire,
zo z'iq ši iza tire!
Myndan čōsyny kelsa,
mināgu aŋtun vōsa,
aŋyŋyŋy^y čeke!
Kumuŋ vōsa, koŋjaŋugunu o'qy!
Menagu ōren putax-čjiary
tōne (<tō^vena) ozex urŋy!
Aŋ ar^tane kurmaŋi te^p āčitŋy!
Jeŋ tep qaīnaŋy! Sūt tep puxraŋy!
Torma zize tep ziŋtaŋy!
Pačyx k'āma jaxyŋy!
Su k'āma ŋiŋgy!
Xutani selāmūta pičlagy!
Tosz'i.

Что касается старших, поговорим о старшем ахуне!
Если спросить, по какой причине [надо] говорить,
[ответ такой]: «[Он] нас, рабов божьих, с дурного пути
перетянул к пути хорошему. С пути ложного
привел к праведному пути».

Перевернет [лист] бумаги, и он [уже]
человек, видевший оба мира,— поэтому поговорим!

Если [мы] к этому [заклучению] придем,
[то] поговорим [о прежних] мудрецах!

В стихе [Корана] сказано:

«Охраняйте молитвы и молитву среднюю»¹,

[то], следуя содержанию этого стиха,
раб божий, бегая от двери [к двери¹ и
исполняя мирские дела, [все же останется]
человеком, думающим (*букв.* подчиненным) о пути
в тот мир,— поэтому поговорим!

Если [мы] к этому [заклучению] придем,

[то] поговорим о двух сватах!

Если спросить, по какой причине [надо] говорить,
[ответ такой]: «Если на тебе нет облаков, нет и благодати;
если на зсмле нет сватов, нет и родственников!»

Добрые люди — те, кто в высоких горах
водружают каменные изваяния [людей];
это те, кто вешает колокольца на лебедей,—

[вот] о них поговорим!

Если [мы] к этому [заклучению] придем.

[то] поговорим о двух братьях твоей матери!

Если спросить, по какой причине [надо] говорить,

[ответ такой]: «Какая бы я ни была, я пришла из
дома брата матери, [подобно] железным
орудиям, вышедшим из огня очага!»

Если по-тюркски сказать, [то] коли на небе
не появится облако, [то] не будет и благодати.
коли на земле не будет сватов, не будет и родственников!

Если [мы] к этому [заклучению] придем,

[то], пока большие и малые куски мяса,
[внимательно] оглядев, принесут почтенные старики,
скажу-ка два слова о старших и
младших братьях отца!

Поднявшись, я уступлю место маленьким людям.

Если я это сделаю, [то] моя сегодняшняя речь

[будет] хорошей, благословенной речью!

Если кто говорит, [то] сказанное [им] — одно [лишь] слово!

Если каждый день говорят ученые,

[то] из восьмидесяти трех видов существ
самый ценный [вид] — [это] мы, люди, — говорят.

Если спросить — по какой причине,

[то] прежде всего требуется согласие юноши и девушки.

Если согласие юноши и девушки будет,

[то] из чрева матери родится [дитя]!

И [оно] увидит яркий свет мира!

¹ «Коран», перевод и комментарии И. Ю. Крачковского, М., 1963, стр. 42.

[Тогда], призвав ученых ахунов и прочитав молитву,

повторяя ее точь-в-точь за нашими ахунами, [младенцу] дадим имя!

[Вот потому и] самое ценное — это люди, говорят.

Если [мы] к этому [заклучению] придем, [то], различая дозволенное и запрещенное, не будем использовать [в своих интересах] добро [от] дозволенного и путь [к] запрещенному!

На плечах (*букв.* голове) отца и матери — это третий долг, говорят.

Если [мы] к этому [заклучению] придем,

[то] твоей семье дали сыновнее благо,

[а] моей семье дали дочернее благо!

Твоя семья попросила мою семью.

Если мою семью попросить, посмотреть,

[то] можно увидеть, позовут — можно кушать.

Если говорит [некий] человек, [то]

о гряде камней на девяти горных тропинках говорит,

о родственниках девяти поколений говорит.

Если вас, двух родственников, вверх (*или* на юг)

повсюду сдует ветер,

вниз, к китайцам, унесет вода и

если спросят, чьи вы родственники,

[то], говоря по-китайски: «Кѵ шань шан

тэнь тин ше валли мин те хэйли.

Сэй ха ши шин ю кин!»

Если говорить по-тюркски, [то это означает]:

«Если на высокой горе зажечь свечу,

[то] ее свет достигает десяти тысяч ли!

Если на берегу большой реки посадить цветок,

[то] стержневой его корень будет очень глубок!»

Если говорить по-китайски, [то]:

«Пу зо чел лан чжа! Зо чин ши и чжа!»

(*т. е.* «Если не стать родственниками, то будут две разные семьи!

Если же стать родственниками, то будет одна семья!»)

Если [мы] к этому [заклучению] придем,

[то], коли моя девица — золото,

взвесим его вес!

Если [она] серебро, то слиток пусть лежит [на земле]!

У моей девицы высокие ветви,

[и она] глубоко пускает корни!

Пусть [она] раскроется, как жареные зерна белого ячменя!

Кипит, как масло! Вскипает, как молоко!

Произрастает, как росток редьки!

Прилипает, как глина!

Пропитывается, как вода!

Проводим [ее] с одобрением (*букв.* приветом) бога!

Конец.

ПОЭЗИЯ

48. САГЫШ. IV

Се-Ли-ха, женш., 30 лет, род. в сел. Ноджа, служащая
 Записано в сел. Ноджа 23 июня 1957 г.)

Текст

Sahyŷ-jŷl! ʳJyŷyan avalerim!
 Sahyŷi-jŷl! ʳJaŷyan ijelirim!
 Me pāŷima eŷ qoŷruçil!
 Ax arfane qurmaŷi ta (// te)
 açilŷur kigi-jŷl!
 Sāry jāruŷne jaŷarı da (// de)
 qaŷnaŷur kigi-jŷl!
 Sahyŷi-jŷl! Jaŷyan avelerim!
 Sahyŷ-jŷl! Jaŷyan ijelerim!
 Me pāŷima eŷ qoŷruçil!
 Kunsenige qanāty te
 sōlleŷguŷ kigi-jŷl!
 Puŷunige moŷusy ta
 zomnāŷur kigi-jŷl!
 Ax aʳnigi. jāŷogy da
 faŷaŷur kigi-jŷl!
 Qara qoŷnigi joŷari te
 ozaŷur kigi-jŷl!
 Sahyŷ-jŷl! Jaŷyan avalerim!
 Sahyŷ-jŷl! Jaŷyan ijelerim!
 Mi pāŷima eŷ qoŷruçil!
 Ārtʳy paŷdigi mōden çiçex te
 faŷaŷur kigi-jŷl!
 İli paŷdigi qazqan çiçex te
 açilŷur kigi-jŷl!
 Sahyŷ-jŷl! Jaŷyan avelerim!
 Sahyŷ-jŷl! Jaŷyan ijelerim!
 Men qyŷzyŷne jilāmaŷunzʳux,
 sen avāler, keŷiŷy vusa,
 koŷ kuzyŷa çisyŷzʳuxur
 uxūtyr kēmito-o-ŷ!
 Kunzisy vusa, koŷ uŷiŷa

čisyŋz'uxur içür te kēm'toŋ!
Muğa jyyt'yan avalerim!
Muğa jyyt'yan ijelerim!
Mē avāma kumuš-aŋton
paŋnārusur joxmese te,
arzyŋ'syt'ge jaxz'ux sūziŋden
iŋke ā,yz'ux paŋnānsuz'z'anā!
Pugungy kunde kumuš-aŋtynden
iŋtynde vār-jō!
Muğa jyyt'yan ijelirim!
Mē ijēma paŋnārusuŋ joxmese te,
erigi siŋune siŋe vuŋme de
Moŋoŋ ūzenne saŋmo susynten
iŋki sučyxzux paŋnānsūz'z'anā!
Kumuš-aŋtunden iŋtinde vār-jō!
Sāhyf-jō! Jāt'yan avalerim!
Sāhyf-jō! Jāt'yan ijilerim!
Sāry aŋtunne čeŋari te
iŋine jyyroŋ!
šāsy kumne jāsari te
taf'na sāčiroŋ!
Pōr'dy, tāminy čigari te
içine jyyroŋ!
Qaŋa čōtyrne jasari te
taf'ina sāčiroŋ!
Sen oŋuŋne čigari te
içine jyyroŋ!
Men qyzyŋne jasari te
taf'ine sāčiroŋ!
Sen avāler, men qyzyŋne
jāxynqy peŋ qoŋ vasquči
čixmaŋari te
jyŋraŋqa peŋ qoŋar uzaçto?
Men qyzyŋne
jāxynqy peŋ ajex saŋtuče
čixmaŋari te
jyŋraŋqy peŋ ajex saŋtuçto?
Sen avāler, men qyzyŋne
jāxyn vōse, ētisyŋgi ērigi k'uŋčāŋ'a
jēti kiŋ'ar ta
kiŋluguntegi keŋki jezaŋ'a
t'ūleŋg'ari te
men qyzyŋne jyŋraŋqa peŋ qoŋ vāsyŋto?
Jyŋraŋyna qoŋ vāsqany sovŋanmamif-čē!
Sen avāler, ē'tez'ux
pu qyz'z'uxny veigen veriŋi —
jyŋraŋ vumiste
nomčit kirer-čē!
Vu nomčitler ō'ken nomčittyr!
Sen avāler, men qyzyŋne
sompā ōjyŋne āji kuryŋ te
siŋgari tito?
Any tepor jaxŋi jamenni kune

İjki s'u'psezux sūriḡisiz'ana!
Aḡa tepoḡ tumānynden
tūzytūi keler-jō!
Men quīzyḡ de aḡytūi kelei-jō!

Перевод

Воспоминания! О собравшиеся [здесь] отцы мои!
Воспоминания! О собравшиеся [здесь] матери мои!
О делающая мне прическу
(*букв.* кладущая руку на мою голову)!
Как жареные зерна белого ячменя,
пусть раскроюсь [я в новой жизни]!
Как масло из желтых семян,
пусть буду кипеть [я]!
Воспоминания! О лживые отцы мои!
Воспоминания! О лживые матери мои!
О делающая мне прическу
(*букв.* кладущая руку на мою голову)!
Как крыло павлина,
пусть буду [я]!
Как рога оленя,
пусть стану [я]!
Как грива белого коня,
пусть буду [я]!
Как шерсть черного барана,
пусть стану [я]!
Воспоминания! О лживые отцы мои!
Воспоминания! О лживые матери мои!
О делающая мне прическу
(*букв.* кладущая руку на мою голову)!
Как цветок олеандра в заднем саду,
пусть стану [я]!
Как красный цветок в переднем саду,
пусть раскроюсь [я]!
Воспоминания! О лживые отцы мои!
Воспоминания! О лживые матери мои!
Меня, вашу дочь, пока не выдали замуж,
у вас (*букв.* ты), отцов, вечерами
в обоих глазах спокойного
нет сна!
Днем же в обоих руках ваших
не спорится дело!
О собравшиеся сюда отцы мои!
О собравшиеся сюда матери мои!
Хотя я отцу моему серебром и золотом
и не оказала помощи,
но [вы, отец], добрыми словами
немного помогите [мне]!
Теперь дороже (*букв.* выше) серебра и золота
есть [вещи]!
О собравшиеся сюда матери мои!
Хотя я не оказала помощи моей матери,
[но вы, мама], помогите [мне]
двумя бочоночками воды из реки Могол,

прохладной от свежести раннего утра!

Есть же [вещи] дороже (*букв. выше*) серебра и золота!

Воспоминания! О лживые отцы мои!

Воспоминания! О лживые матери мои!

Желтое золото, считая (*букв. говоря*) настоящим,

[вы] собрали у себя [дома]!

Мелкий песок, считая (*букв. говоря*) ложным,

[вы] рассыпали во все стороны!

Пшеницу и ячмень, считая (*букв. говоря*) настоящими,

[вы] собрали у себя [дома]!

Черный овес, считая (*букв. говоря*) ложным,

[вы] рассыпали во все стороны!

Вас (*букв. тебя*), сыновей, считая (*букв. говоря*) необходимым
(*букв. истинным*),

[вы] оставили (*букв. собрали*) у себя [дома]!

Меня, вашу дочь, считая (*букв. говоря*) ненужной (*букв.*
ложной),

[вы] отправили (*букв. рассыпали*) на все [стороны]!

Вы (*букв. ты*), отцы, считая (*букв. говоря*),

что я, ваша дочь, не буду [вам]

близким товарищем (*букв. сжимающим руку*),

издалека [разве] протянете руки?

Считая (*букв. говоря*),

что я, ваша дочь, не буду [вашим]

частым гостем (*букв. ступающей ногой*),

издалека [разве] будете приходить?

Вы (*букв. ты*), отцы, считая (*букв. говоря*),

что я, ваша дочь, коль нахожусь близко [от вас],

буду поспешать на утренний ранний чай

и насыщаться вечерним поздним чаем,

так считая (*букв. говоря*), разве мне, вашей

дочери, [вы] издалека пожмете руку?

Тому, кто далеко, пожатие руки безобидно!

Вы (*букв. ты*), отцы, так рано

выдавшие эту девочку [замуж],

считая (*букв. говоря*), что [я] далеко,

испытаете раскаяние!

Но те раскаяния — бесполезные

(*букв. пройденные*) раскаяния!

Вы (*букв. ты*), отцы, считая (*букв. говоря*),

что я, ваша дочь, — горькая сажа

[на стенах] соснового дома,

думаете ли, что она впитается?

Говоря это, в хорошие и плохие дни

двумя вениками сметите!

От летящей пыли надо очиститься!

От меня, вашей дочери, надо избавиться!

ПРОЗА

49. * РАССКАЗ О СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

(Хай Йи-со, мужч., 57 лет, род. в сел. Уллагыл, крестьянин.
Записано в сел. Уллагыл 6 мая 1957 г.)

Текст

Puĉozé paŋŋaganè iĉé z'üŋgè iĉtér.

Ihkiné: poĉsé, arfá, puĉáx, jasmuxlé, saġāt, qonáx, jaŋjú, ki'zý, ĉo"
týr — puĉostýr, quá, řacy, samsáx, soġān; funē ko"ŋagané: agaĉĉi, z'izé
sürgüci, termen üxküĉé, jeġ pasquĉé.

Pirinjiden e'c'i, üĉinje otýx otappar, su jupar; tó'tinji ĉ'öp tatar; pe'
šinji zöŋginige pašine körer, toxłynýr, aĉ'ynji orýr, jütān döjár; jitinji
saġāt eĉér, qonax eĉér, jeġ äxtyrýr; syxsynji tösixlér, tös päzyrýr; toxsyn-
ji tax züŋgè oġýr. Oaynji kijizé tātár. Ompirinji toŋsy (< tonġan su) jü-
rér, on iřkinji tösxlār (< tös jüxlār).

Перевод

То, чем они занимаются, — земледелие.

Выращивают пшеницу, ячмень, горох, бобы, гречиху, кукурузу,
картофель, горчичные семена, [разводят] овец — вот все это и еще —
дыню, перец, чеснок, лук; дополнительные занятия: обработка дерева,
извоз, мукомольное дело, маслоделие.

В январе посеяли; в марте полют и орошают; в апреле очищают от
сорной травы; в мае появляются ростки и наливаются колос; в июне
жнут [и] молотят; в июле сеют гречиху и кукурузу, пахут землю; в
августе привозят удобрения и смешивают их [с землей]; в сентябре уби-
рают урожай в горах; в октябре очищают жнивье от сурепки; в ноябре
подводят мерзлую воду; в декабре вносят удобрения.

СКАЗКИ

50. * О ПЛЕШИВЦЕ (ТОМБАХ)

(Хай Йи-со, мужч., 57 лет, род. в сел. Уллагыл, крестьянин.
Записано в сел. Уллагыл 8 мая 1957 г.)

Текст

Piř tazquř oġlänuř vum'ř. Muġa öj'ndä hēmeneme jox vum'ř. Pu piř
aġyla vām'ř. Piř bař kiři oġ'nda iřjitiřmiř. Piř ġunē par k.řin'gə jü'ün töi-

miş. ücün jyraxar. Pu par kişi pu tasqur oylänä ejifamış: «Sen öje vār-tā uruxanne kellē-de gēl!»

Pu tazkur oylän par kişinige ujina varep kelişmiş: «Vēr-ta parār!»

Par kişinigi kişni avuga jifamış: «Naşni kelegur-i?»

Avu par kişa jifamış: «Viimire!»

Par kişi jifamış: «Vértuşu!»

Par kişinige kişne avuga sormış: «Sen naşni kelligur-i?»

Avu ejifamış: «Men anane kelegur!»

Anany pu tazkur oylän paşlap vāmış. Piş jere je'miş. A't mingujür kişmiş. Pu avu pu tamne arxasyna taştap o'ummış.

Pu a't minguçi pu avuga sormış: «Sen naş ic'ip par?»

Pu avu ejifamış: «Sen maşa muny piş paşnaş! Pu tam jyxylgar!»

Pu kişi a'tyn enzi, ac'yny taşa paştaşı. Pu kişi pu tamni şifaşı.

Pu avu şifaşı: «Sen pu tamne jüt-tā utyr-ta şāt! Sen mune jürkumā: jürsä, pu tam jyx'lip iyyne päsar. Men kiç çyxarap kişgi!»

Pu a'tne anane mindyrmış. İzy jürmiş. Piş jere je'miş. Töüvä k'u'kuzene körmış.

Pu avu şifaşı: «Sine üjina çyxarap parar, tövägne men küc'üp qāşy!» Tövä k'u'kuzi ujina vāmış. Tozqur oylän tövini sürtürmiş. A'tny mimmiş, ana ojina vāmış. Pu avu tüvinigi kurugundän pirne çatlamış. Kurgune jere kömmiş, üzindän işki uzina kurgune c'uc'yp oturmış. Tövä k'ö'kuşi jänyp aña kişmiş.

Pu avu şifaşı: «Töüvä jokösy jer züjina kirparzi. Pu pirne kurgyna men täxylzi, sen mune tüt-ta şāt! Men cüre, titu kelçp kişge! Mune qaz-şāt!» — tep pu avu varzi. Pu par kişe jücündän öjinä kelzi, keşnina sorci: «Ana qāle?» — tep sorci.

— Anany tazqur oylän paştap aparzi!

— Sen mune nege verzi?!

Kişne şifaşı: «Sen vértuşu! — etizi, — men verzi!»

Pu par kişi pu tazqur oylänne qovtaşip kelzi. Piş jere jec'i. Pu tam şifayan kişni janyna jec'c'i.

Pu par kişi pu kişa sorci: «Sen nege mune şifappaş?»

Pu kişi şifaşı: «Piş oylän jifiri „sen maşa mune pyğnaş, sen mune şifaşa-ta şāt! Jü kuma! Jugursa, pu tam jyxyltyr, seni basar“ etef jifiri. Pu avu kiç çyxarāmā varzi. Kişmiri!»

Pu par kişi şifaşı: «Şen jüt-tuşu! Pu tam jyxylmas, pu avu jaştan ejifamış.»

Pu kişi jürçü, tam jyxylmaşı. Pu işkysy piş jere jec'c'i. Töüvä k'ö'kän kişi janyna jec'c'i.

Pu paş kişi sorci: «Sen nege bu töviniği kurgune tuç'yp oc'ypp 'ar?»

Pu kişi şifaşı: «Mingi töü vām nişkysy jer züjina kirparmış. Pu birne kurguna taxyltyp oty:paş! Pu avu züre, titu ašmā varzi. Pu avu kişmiri!»

Pu par kişi şifaşı: «Töüvä jer şujina kirpamas. Sen tüvinigi kurgune ta't! Pu avu şaşa jaştan jifamış!»

Pu kişi kurgune ta'immiş. Kurşu ç'xkişmiş. İnzi pu uçisy sorişmiş. Tozkyr oylännige öjina qovtaşip vāmış. Tazqur oylännege ujina je'mmiş. Keş vāmış. Tazqur oylännege ujinta o'immiş.

Pu tazqur oylän ejifamış: «Şen çöşan min'igi ö'kaşemda zaştakūma! Zaştasa, min'igi içam, apam işkysy üler!»

Pu çöşy ja'c'i. Pu tazqur oylän omıştan pişa qaınatç'i. Pu çöşy uxtaşu. Tazqur oylän umaşne apaçci. Piş kişnigi züjina pişa-pişa xutarci.

Piş kişi uxtaşp ujanzi. Pu kişi pişsyna ejifaşı: «Men ö'kaşda zaştamış! Pişsy hām zaştamış. Uç'isy dā piş pişina ejifamış: «Men dē zaştamış, sen dē zaştamış!»

Pu¹tazqur oylān¹ zuyñi¹mif. Pu¹tazqur oylān aba! iča! tep juy¹fami].
Pu uc¹isy xo¹pz¹ilā q¹ačmif. Pu tazkur [oylānā kiine, a¹t, tō¹vā — pučosy
qa¹mif. Tosz¹i.

Перевод

Был некий плешивец. Дома у него ничего не было. Отправился [он] в одно селение. Нанялся в работники к одному богачу. Однажды [он] работал на гумне богача. Гумно [было] далеко. Богач сказал плешивцу: «Ступай домой и принеси аркан!»

Плешивец пошел в дом богача и попросил [его жену]: «Дай, я пойду!»

Жена богача сказала юноше: «Чего хочешь?»

Юноша сказал богачу: «[Она] не дает!»

Богач сказал: «Пусть даст!»

Жена богача спросила юношу: «Чего ты хочешь?»

Юноша ответил: «Я хочу [взять] дочь!»

[Вот] плешивец повел девушку. Добрались до одного места. Ехал [кто-то] на лошади. Юноша сел, подпирая спиной стену.

Всадник спросил юношу: «Что ты делаешь?»

Юноша ответил: «Помоги мне разок в этом [деле]! Эта стена падает!»

Человек спешился, привязал коня к тополю. [Затем] подпер стену. Юноша сказал: «Ты [сильней] подопри стену и сиди [себе]! Отсюда не уходи, если двинешься, стена упадет и раздавит тебя! Я приведу кого-нибудь (букв. человека)».

[Он] посадил на коня девушку, сам пошел [пешком]. Добрались до одного места. Увидели [человека], пасущего верблюда.

Юноша сказал: «Тебя зовут домой. Я останусь пасти твоего верблюда».

Верблюжий пастух ушел домой. Плешивец пас верблюда. Девушка села на коня и поехала [к себе] домой. Юноша полоснул ножом по хвосту верблюда. [Один конец] хвоста закопал в землю, а за другой ухватился обеими руками и сел.

Верблюжий пастух вернулся.

Юноша сказал [ему]: «Верблюд весь ушел в землю. Я ухватился только за хвост. Держи и ты его. Я пойду и принесу мотыгу! Выроем его!» Сказав [это], юноша ушел.

Богач вернулся с гумна домой и спросил жену: «А где дочь?»

— Дочь плешивец увел!

— Зачем ты ее отдала?!

Жена сказала: «Ты велел отдать — и я отдала!»

Богач отправился разыскивать плешивца. Добрался до одного места. Добрался до человека, что подпирал стену.

Богач спросил человека: «Ты зачем подпираешь?»

Человек ответил: «Какой-то юноша говорит: „Ты помоги мне, подопри это и сиди. Не уходи. Если двинешься, стена упадет и тебя раздавит!“ Юноша пошел привести кого-либо, да не идет!»

Богач сказал: «Ступай! Стена не свалится, юноша неправду сказал!»

Человек двинулся, стена не упала. Оба дошли до одного места. Добрались до человека, что пас верблюда.

Богач спросил: «Ты почему сидишь и держишь хвост верблюда?»

Человек ответил: «Мой верблюд провалился в землю. Держусь только за хвост! Юноша ушел принести лопату. Не возвращается этот юноша!»

Богач сказал: «Верблюд не проваливается в землю. Дерни за хвост. Юноша тебе неправду сказал!»

Человек дернул за хвост. Хвост выскочил. Эти трое посоветовались. Побежали домой к плешивцу. Достигли дома плешивца. Наступил ве чер. [Они] остались в доме плешивца.

Плешивец сказал: «Вы все не обваляйтесь на моем кане! Если сделаете это, мои мать и отец — оба умрут!»

Все улеглись. Плешивец сварил немного каши. Все уснули. Плешивец принес каши и положил под каждого человека.

Кто-то проснулся. Сказал другому: «Я испачкал кан!» Другой — тоже. [Все] трое сказали друг другу: «И я испачкал, и ты испачкал!»

Плешивец слушал и [вдруг] заплакал, говоря: «Отец! Мать!» Эти трое встали и убежали. Плешивцу осталось все: жена, конь, верблюд. Конец.

51. * О ДУРАКЕ (ТОМБАХ)

(Хай Йи-со, мужч., 57 лет, род. в сел. Уллагыл, крестьянин.
Записано в сел. Уллагыл 8 мая 1957 г.)

Текст

Piř ninur vumef. Ağa avu iřki vumef. Avu iřkysy jırtaqqa vamiř. Kakasy uxłamıř. İnsi sařtamiř. Kakasy uxłaranda inisyna ejiřamiř: «Nař kel-sa, pō vilān vuř!»

Kakasy nige kō'přigine piçtur jürki'mef. İnsy pō vilān pu piçtny vur-miř. Kakasy ūlmiř. İnsy kakasyny çyx(a)ramıř, kaka xummamıř. Kakasyny çüimıř. Avu ujina vamiř.

İjasy sormıř: «Kakañ q'ale?»

Avu jiřamiř: «Kaka uxłap "xummeri!»

İjisi jükürüp vaxmā vamiř. Var'sa, — ūlmiř. Tamnap ujina aki'miř.

İçisy pu avuga eiřamiř: «Sen keiřağa vār-tā púz āt-ta gēll!» Avu vamiř. Püz ake'miř. Kakany kömmiř.

İçisy pu avuga eiřamiř: «Sen azeg ojyna vār-ta, jařur iřki kuri var, ane eřekkā jūxlā-tā āt-ta gēll!» Pu içisy avuga eiřamiř: «Sen özen qyrğyna je'ku, xajıñne çöil!»

Pu avu eřixne sürmiř. Özen qyrğyna je'miř. İzy xajiny çüimıř. Avu eřekkā eiřamiř: «Sen tā xajıñny çöil!» — etemiř. Eřex çöimimiř. Pu avu učina tařur ałmiř. Eřexnigi c'yrnağyna ça'mmiř. C'yrnağy çikki'miř. Eřiği x(a)samiř.

Azynyge ujina vā'miř, jařur iřki kurine jūxlāp özen qyrğyna je'miř. Xapnige iřc'ında jařurne körmıř. Pu avu pu xapnyge agzyne ačmiř, jařurne suğa furturmıř, kuři jařki'miř.

İçisy sormıř: «İařur qāle?»

Avu ejiřamiř: «Jařur emesar, jokosy piřgar! Mune özene tü'kelzi!»

İnzi ujında koza qaınatzi. İçisy jiřazi: «Sen vār'-tā axum-bōny çyxara-tā gēll!»

Pu avu xapagur çyxarap ake'miř: «O'kāğa çix!» — etimiř. Xaparı çixameř. Avu tamnap o'kağa çixarmiř.

İçisy sormıř: «Axum-bō çixarap kel-tu?»

Avu ejiřamiř: «Çyxarap kelzi!»

İcisy vaxmā vāmiş. O'kuḡda piř xapagu var. İcisy pu avune u'ri'imiş: «Sen pu sanzyłany jü-ta ɣāt! Qazana uçer-ta ɣāt! Men vaɣy-da aɣun-böny çyxarap ke'igi!»

İcisy vāmiş. Avu sanzyny jümiş. Sanzy tüvufimiş. Avu ejişamiş: «Sen mini vilān o'rişip na'kur-i?»—çtep sanzyny sundurmiş. Anden qazan qyrɣyna vāmiş. Qazan işinda köza «pox-pox» poxrarmiş. Po avu ejişamiş: «Siler vur-işma! Men aracigi!» — tep taşur ałmiş. Pu taş vilān qazan işina piř vurm-iş. Qazan jüji tişlānm-iş. Köza çörłamiş.

İcisy aɣun-bony çyxarak ke'imiş. İcisy uçaqqa kirparsa, sanzyny sundurmiş, qazanne köz tişmiş, közasy çürlāmiş.

İcisy sorm-iş: «Sanzyny nāgā sundurzi?»

— Sanzy mini vilān ühr-işiri, ele'kü sundurzi!

— Qazanne negā köz ty'c'i?

— Qazan işindā vur-işire, men araziçe, taş vilān vurci. Vur-işkane joqqan volzi!

Toszi.

Перевод

Была одна старуха. У нее было два сына. Оба сына пошли на охоту. Старший брат уснул. Младший [его] охранял. [Перед тем как] уснуть, старший брат сказал младшему: «Если кто-либо придет, стреляй [в него] из ружья!»

На грудь старшего брата приползла вошь. Младший брат выстрелил в нее из ружья. Старший брат умер. Младший брат [начал] звать своего старшего брата, но старший брат не поднимался. [Тогда он] оставил своего старшего брата и пошел домой.

Мать спросила: «Где твой старший брат?»

Юноша ответил: «Брат уснул и не поднимается!»

Мать побежала посмотреть. Прибежала — [а он] умер. Взяла его и принесла домой. Мать сказала юноше: «Ступай в город и принеси бязи!» Юноша отправился и принес бязи. Старшего брата похоронили.

Мать сказала юноше: «Ступай в дом к своей старшей сестре, [у нее] есть две меры масличных семян, погрузи их на ослика и привези [сюда]!» [Еще] мать сказала юноше: «Когда дойдешь до арыка, сними туфли!»

[Вот] юноша погнал ослика. Дошел до арыка. Снял свои туфли. Ослику сказал: «И ты сними свои туфли!» Ослик не снял. Юноша взял в руки камень и ударил им по копыту ослика. Копыто свалилось. Ослик [начал] хромать. [Юноша] доехал до дома старшей сестры. Погрузил на ослика две меры масличных семян и добрался до арыка. Увидел в мешке масличные семена. Юноша развязал (букв. открыл отверстие) мешок, семена бросил в воду и приехал пустым.

Мать спросила: «Масличные семена где?»

Юноша ответил: «Это не семена, а блохи! Я бросил их в воду!»

Теперь [мать] дома сварила каши.

Сказала [сыну]: «Ступай пригласи ахуна!»

Юноша пригнал собачонку и сказал: «Садись (букв. поднимись) на кан!» Собачонка не смогла забраться. Юноша схватил [ее] и посадил на кан.

Мать спросила: «Ахуна привел?»

Юноша ответил: «Привел!»

Мать вышла посмотреть. На кане сидит какая-то собачонка.

Мать [стала] ругать юношу. «Вымой эти чашки! Смотри за котлом! Я пойду и приведу ахуна» — [сказала она].

Мать ушла. Юноша [начал] мыть чашки. Чашки зазвенели. Юноша промолвил: «Вы задумали со мной браниться?» — и перебил [все] чашки. Потом подошел к котлу. В котле кипела каша, [издавая]: «пох-пох!» Юноша сказал: «Вы не деритесь!» Говоря: «Я вас разниму!», взял камень и бросил его в котел. Пробил дно котла. Потекла каша.

Мать привела ахуна. Пошла к очагу [и увидела]: чашки разбиты, котел продырявлен, каша вытекла.

Мать спросила: «Зачем разбил чашки?»

— Чашки со мною бранились, поэтому [я их] разбил!

— Зачем котел продырявил?

— В котле дерутся, я разнимал их и ударил камнем. Драка прекратилась!

Конец.

52. * О СТОРОЖЕВЫХ ЛЬВАХ (ТОМБАХ)

(По поводу двух каменных львов у ворот)

(Хай Йи-со, мужч., 57 лет, род. в сел. Уллагыл, крестьянин.
Записано в сел. Уллагыл 6 мая 1957 г.)

Текст

Piř jicim oylān vumiç, ağa iça vumiç. Taqqa ötyn çatfama vāpař, ötyn kucikípar, ocynni keřaŋda sac kelip, ic'isyn^v āsyrypar.

Piř kune taqqa varsa, pasyr kulin kilér. «Qaracikene kalāmiç. Any zař-tāsa, pās xut kil jigāpa-te», — xorǵymis. «Jise-tā jige-te!» — cikenne zařfamiš. Pās xu kīmiç, k'āze jifemiç: «Jūxela kīgā-ine tānyřa!»

Avō ocynne kōcūp jāŋe ke'imiç. Muřa ocynne pās ařpyrar, avu ha kune (<her kune) kōcūp kīparar. Piř kune pās avuneger oline kiīmis. Avunige ic'isi, pās, čōsy soryřmis. Avuřa: «Kiīne joxar', kiīnuř ak'igi» — tep pās ejiřfamiš.

— İra(r), — timiř.

Pās vārep xuaŋřaŋnige anāsyně tamnap ākiīmis. Avu, avuřa kiīne'i-miř. Anā, c'imenar, zūngā c'(i)miř, avu jer ařtyrmiř. Kiīne ilinda otu(r)sa, sōvane tūz čyxvāmiř. Pēle jaŋřanda sōvane egir^ž vāmiř.

Ke'ine jařamiř: «Mān sařa piř jaŋzu(r) jařařy!»

Piřne jařařan jaŋzyny ilinda tiřmiř. Kiīne arcynnda ommiř. İnzi jer ař-tarsa, sōvane tūz čyxvāmiř. İlina vařanda jaŋzyřa ūčār'miř. Arcyna jaŋřanda kiīninā ūčārmiř.

Piř gune jel xu'miř. Pu jaŋzyny fútyrpāmiř. Pu jaŋzyny ke'řařa fu(r)-tyrpāmiř. Pu jaŋzyřa kiři ūčy(r)sa, xuaŋřaŋnige anasynige jaŋzysi vūmiř. İnzi xuaŋřaŋ ku jertā quřax quřyp anāsyny iřcimiř. Piř gune iřtāp ta'miř. Avune cucyp arāmiř. Anany xam arāmiř.

Piř gune pās jukur oına (<jukurup oına) kiīmiř. Avunige icisy jyřfamiř: «Sen minigi avuřa peligisi kiīne akipoř tāp avuny cocyp aparzi. Mine k'em asyřařur, men ačyxup ōlgāř, sen mune ničixli e'kur?»

Pās jeřaze: «Sen jyřfāma, men ākigi!» Pās jāne (<janyp) taqqa varzi. Pās piř saqaraži — hāmā pās jyřyř kelzi.

Pu pās ja(ŋ)řaze: «Minigi k'akane xuaŋřaŋ cucyp pāmiř, cucyp aparzi. Mune piser-jo-o, ařmā vāřu kelegār!»

Pās čōsy «İra!» tiřze.

Pu čösy paŋ!aŋep keŋŋaŋnige iŋcina čuxzi. Keŋŋaŋ-pazaŋne kortaze. Taŋ äcep uçärsä, pazar paŋinda m'an päsar.

Xuaŋŋaŋ ja(n)ŋaze: «Pu naŋ iŋter-u?» Niŋgi pilmiŋzi. Niŋgigä sorzi: «Päs as'gaŋuče kiŋi var mu?» Pu jicim oŋlän jifaŋe: «Maŋa päsnigē inur var etiŋze». Pu one pex'lägän jerten čuxar(y)p kelze. Pu päŋ avu jana kelze, avu jaŋaze: «Sen negä kelzē?» Päs jaŋaze: «Men ojuŋa varze, ičaŋ juŋŋapaŋa(r), miniŋe avumne aparzi tep juŋŋaparar!»

İŋkisy k'aŋa jifaŋzi. Avune xuaŋŋaŋ čuxyryp aparzi: «Oŋlän, pu päŋ jan-dyŋ! Sen naŋ kelese, me viŋgä, sen jokäne jandyr!» İnzı avu ja(n)ŋaze: «İčk'i qaŋy, paŋqasy jokasy jaŋy!» Xuaŋŋaŋ pučösyna kölexne jaryp pasläre töie verzi. E'ni jize, töini içci. Päŋtar jokösy janze. İŋke päŋ qaŋzi. Avu xuaŋŋaŋ oŋyŋ daŋnezi, oŋyŋ voŋzi. İŋki päŋ oŋläne saxtaŋe. Oŋläne ičaseni akelzē.

Перевод

Был некий юноша-сирота, у него была мать. Он ходил в горы рубить дрова, носил их в город и там продавал. [Так] содержал свою мать.

Однажды в горах [он увидел], что кубарем скатился лев и зацепился за колючий кустарник. «Если срублю кустарник, лев поднимется и съест меня», — подумал юноша и испугался. «Съест, так съест!» [— решил] он и срубил куст. Лев поднялся и промолвил: «Будем братьями!»

Юноша отнес дрова и снова вернулся. Лев готовил ему дрова. Юноша каждый день уносил их. Однажды лев пришел в дом юноши. Мать юноши и лев посоветались. Лев сказал молодому человеку: «У тебя нет жены. Достану-ка я тебе ее!»

-- Согласен! — ответил [юноша].

Лев отправился и привел дочь императора. Она стала женой юноше.

Девушка-красавица сеяла, а юноша пахал землю. Когда перед ним сидела жена, соха шла прямо. Когда он возвращался обратно, соха шла криво.

Жена сказала: «Я сделаю тебе [свое] изображение».

Она воткнула изображение перед [мужем], а сама села позади него. Теперь, когда он пахал, соха шла прямо. Когда он шел вперед, то смотрел на изображение. Возвращался назад — глядел на жену.

Однажды поднялся ветер и унес изображение в город. Некий человек увидел изображение и узнал в нем дочь императора. В это время император повсюду разыскивал свою дочь. Наконец нашел ее. Он схватил юношу и увел с собой. Унес и девушку.

Однажды лев прибежал в дом. Мать юноши плакала, [говоря:] «Ты моему сыну нашел такую жену, что [из-за нее] сына схватили и увели. Кто за мной будет смотреть? Я умру от голода. Что сделаешь ты?»

Лев ответил: «Не плачь! Я приведу его!» Он повернулся и убежал в горы. Там он заревел — и все львы собрались.

Лев сказал: «Моего старшего брата император схватил и увел. Нам надо пойти и выручить его!»

Львы ответили: «Согласны!»

Все они вместе пошли в город. Окружили городские стены. Когда рассвело, все увидели, что на стенах везде львы. Император сказал: «Что случилось?» Никто не знал. Он спросил кого-то: «Есть ли укротитель львов?»

Юноша-сирота ответил: «У меня есть младший брат — лев». Импе-

ратор велел выпустить из темницы молодого человека. Лев подбегал к юноше. Тот ему сказал: «Ты зачем пришел?» Лев ответил: «Я ходил к тебе домой. Твоя мать плачет, говоря, что увели ее сына».

Они поговорили друг с другом. Император отпустил юношу, [говоря:] «Прогони этого льва! Все, что ты захочешь, тебе дам, [только] прогони всех!» Тогда юноша сказал: «Пусть двое останутся, а остальные все уйдут!» Император для всех [львов] зарезал корову и устроил им пир. Львы съели мясо, угостились и ушли. Два льва остались. Юноша стал сыном императору, и два льва его охраняли. Привели также мать юноши.

53. * МАСЕМБУ (ТОМБАХ)

(Хай Ии-со, мужч., 57 лет, род. в сел. Уллагыл, крестьянин.
Записано в сел. Уллагыл 7 мая 1957 г.)

Текст

Pir k'ug tayta atuř pařoř qotuxłamıř. Pu bařa řagnamıř, jã-ox oınamıř. Ox oınagãne xũtu jaxřar'. Pu õ (<pu avu) sumurłamıř: «Maņa izã jořar, apa jořar, kaka jořar, ini jořar, ãze — sıñui jořar. Men uruxãre kaka iřtigur, t'ũnã ini iřtigur!»

Bu avũ jãne k'umıř, oxũne zut'mıř. Ū k'ug taydãn řixyp ki'mıř. Pir jerẽ je'mıř. Pir tařten zũzũn řyxke'ımiř. Ana oxũne a'mmıř. Iřindige ke'ıř jeřamıř: «Sen urřare vãgũze vũsa, urřare var, sen cũne vãgũze vũsa, t'ũnã var!»

Pu ořlãn jıřaze: «Orřare kaka iřtigučıdyr, t'ũnã ini iřtigučıdyr!»

— Maņa — pu kiři jıřaze — maņa kaka, — ine jořter. Sen oje gel!

Pu iřkysy pařlařıp nene pir jere varzi. Pıř ařačtan cũcũn řyxkelzi, ařa pıř ox atce. U kiři jıřazi: «Orřare varsa, orřare var, t'ũnã varsa, t'ũnã var! Mini ojyma ox acypna'kure?»

Pu avu jıřaze: «Orřare kaka iřtigučıdyr, t'ũnã ini iřtigučıdyr!»

Iřkisy oje varzi. Uř kiři vořzi. Pu ucysy soriřci — kem kaka deřnařu, kem ini deřnařu tep soriřci. Tařten řyqqan Tař-gaga, agařten řyqqan Agař-gaga, atten řyqqan — Mãsembu.

Iñzi pučõsy kiřne iřtepvãmıř. Pir ciřaņa vãmıř (je'mıř). Pir oje kirpãmıř. U oıda kiři jořar. Qazan iřinda jıgusy — iřkusy cyņnap cũřparar. Pu čõsy ãne jıř miř — ič'mıř, oturmıř. Iřtisyna pučõsy taqqa jıřtyx vurma vãmıř. Keřlugu jany'p kiři miř. Keřse, qazan iřinda jãnpu emex, řa cyņnap čõřparar. Kiři jořar. Pučõsy jıřaze: «Mune kem cyņnap par-u? Mune etisyna pir kiře qařat-da sařtařã!»

Etisyna Tař-kagane qařdyr'mıř, ičkisy jıřtaqqa vãmıř. Tař-kaga kuri cũjina jařinmiř. Kurgunzux uř uıp ki'mıř. Mimilux tonyny čõimıř. Ana uřa pelle(m)miř. Pire nimã cyņnamıř. Pire kuřine pãnteę quřyp ot qařãmıř. Pire ařat cũrmıř.

Pučõsy piře Kun-ana, piře Aı-ana, nene pire Juřtus-ana. Pučõsy nẽmine cyņnap vuliz'ılã mimilux tonyne kiřiřzilã uıp vãmıř.

Keřlugu jertaqqa vãguči ke'ımiř. «Bu nemine kem cyņnar-i?» — tep sormıř. Tař-gaga jıřamıř: «Kurgunzux uř učkiliř mimilux tonyny cũiřiry. Ana uřa pelliniry. Pire nemã cyņnyre, pire ot qařyre, piře ařet sũrere vuliz'ılã, mimilux tonyny kiřiřzilã uıp vãryre!» — tep jıřaze.

Arcy gune Agař-kaga izy syřtařy: «Se! iřkisyņ var!»

Bu iřkysy jertaqqa vãmıř. Agař-kaka sařtařze. Nene pu uř kurgunzux kelze. Pučõsy neme qařnatquče, ot qařařuče, jer sũrguče vuliz'ılã nene uıp vãmıř.

Kesfluguna jifamif: »Jen (<jüän) pilisi kurgunzux uf učkilip neme cyñ-naguče, ot qatıruče, jer sürguče vuliscilä ufz'ılä väryr!»

Pu Masembu jifamif: «İfkisyñ jaramaıar. E'tä men qatıy, sen ifkisyñ var!»

Masembu qaımif. Ecexta fağnamif. Pu kurgunzux ucısy nene kiımif. Mimelux tonyne čöimif. Pire neme cyñnamif, pire o't qatamif, pire ajet sürmif. Masambo icixten čomnäp iqkiımif. Pučosynige mimelux tonyne o'ta qatamif. Qatırañe pučosy: varalmamif. Pučosynige ifindige piře Kun-nana ja'zuxar, izyna torax, qaıa piıa saıamif.

Keslugu niñkisy kiımif. İñzi uzozoıa kiıne piř-piř teggař. Seleř tağnal Taf-kaga Aı-anane tyğnaıı. Agař-kaga Jııtus-anany tyğnaıe. Mäsemboıa Kun-ana qatıı. Etisy jüzine jüzi. Kun-ana ifkisyna vaısa, ja'zux voızi. Kaga ifkisy köñnitä impamaıı. Öglinige kiınina vaısa, Masambunige kiıne ja'zuxar. Öglä etisyna taqqa varät da Masambuny tešüx ifina čeıap keler tep soruşıı.

Etisyna pučosy taqqa jertaqqa varzi. Piř tišüx qyr'yyna varzi. Masembuny pir iciz'ılä tišükkä čırzi. Kaga ifkisy Masembunige ja-oxne cucyp jağkelzi. Anden Kun-nanane kiıı nige oıynda qoi köterzi. İzy ifkisy kiınııtarne pařtap varzi. Masembu tišüx içinde otyrsa, piř quř piř kunda biř-biř tešüx ifina iqkiımif.

Masembu pu qufa k'aza surcy: «Sen pir kunda piř-piř kilere, sen nağ ife kiıpor?»

Quř jııfaze: «Minigi pu tišüx içinde paıa väř, aıa kiıpor».

Quř pu kiıa surcy: «Sen munda nağ icıppor?»

Masembu qufa jıfaze: «Mine kagam ifkisy tišükkä čagap jürze. Tišüx tiruğar, men čyxparıımaıar!»

Quř jııfaze: «Ei, Masembu, men sini etisyna kö'ki ta čyxarpage, maıa jıkusy — säjä pir jüz kelär. Ete män väry da seıeden piř jüzne cuckigel!»

Quř seıe piř jüzne cucyp akiımif, Masemboıa viımif. Quř jıfamif: «Sen minige arxama üsyı, pu siıe čosyny tut, men piř čurilep kiıgu, agzymne ařku, pir-pir qoi ta väř!»

Masembu quřne arqasyna usaımif, siıini cünmif. Quř učmif. Piř čurilip kiıgu, agzyne piř ařmif. Seıe pir qoiımif. Quř piř jir čurilimif. Seıe piř-piřne jüzne qoiıerip tosmif. İscina čyxkiımif. Masembo inzi jürmif, piř jere jeımif. Pu izynige kiıne jänyna jeımif. Kiıne kiınige qoıyne kücüp parar.

Masembu jıfaze: «Ei, ana, sen mi basımdı piř tur väx ta väř!» Ana vaıverzi. Ana jyıtaıı.

Masembo surzi: «Sen nege jyııapor?»

Pu ana jıfaze: «Sinige pařında meıuı väryř. U meı minigi küjymnigi pařımdigi meıı oxııre. Ele'ku jyııappar!»

Masembu sorcy: «Sinigi küjyñ qaıa varzi?»

Ana jıfazi: «Minigi küjymne kaka ifkisy tišükkä čaıamif, mine kiınige üjında qoi kütüryre».

Masembu anaıa sorzi: «Sen minc tanyr-ö?»

Ana jıfaze: «Tänymyr!»

Masembo jıfaze: «Men sinigi küjüñ iter. Men tišüxtän čyxkelzi!»

Pu ifkisy kiınige qoıyny zoıtaıı. Pu ifkisy pařtap kaga ifkisiny iřtäp varzi. Piř jertä tapci. Kaka ifkisy ox oiınap varar.

Masembu jıfaze: «Member (<men pir) oiınaıy!» — etiıı.

Pu ifkisy: «Sen mune k'a(t)ıtaımas. Pu minigi Masembo oiınagan jä — oxıyr!»

Masembo jıfaze: «Men k'a(t)ıtaıyr, mem beř vaıqyl!»

Jä-oxny Masemboıa verzi. Masembo jäne tutyř oxne qojep piř atce. Kakase ifkisene ülterzi. Masemboıa kiıne uf tigzi. Toszi.

На некоей необитаемой горе кобылица родила ребенка. Этот ребенок вырос и [начал] играть с луком и стрелами. [Научился] очень хорошо стрелять из лука. Этот юноша подумал: «У меня нет ни матери, ни отца, ни старшего, ни младшего брата, ни старшей, ни младшей сестры. [Пойду-ка] я на юг — (букв. вверх) поищу старшего брата и на север (букв. вниз) — поищу младшего брата!»

Юноша повесил лук на плечо и взял стрелы. [Затем] спустился с этой необитаемой горы. Дошел до одного места. [Там] из камня валил дым. Он пустил в камень стрелу. Внутри [камня] человек закричал: «Если ты направляешься на юг (букв. вверх), то иди на юг (букв. вверх); если идешь на север (букв. вниз), иди на север (букв. вниз)!»

Юноша сказал: «На юге я ищу старшего брата, а на севере — младшего!»

— У меня, — молвил человек, — у меня [тоже] нет братьев, ты иди в дом!

Они вместе пошли дальше. [Смотрят], из дерева валит дым.

Пустили в дерево стрелу. [Из него] закричал человек: «Если идешь на юг (букв. вверх), иди на юг (букв. вверх); если идешь на север (букв. вниз), то иди на север (букв. вниз)! Зачем стреляешь в мой дом?»

Юноша сказал: «На юге я ищу старшего брата, а на севере — младшего!»

Вдвоем они отправились [к тому] в дом. Стало три человека. Стали советоваться: кто станет старшим братом, а кто — младшим. Вышедшего из камня [назвали] Таш-гага (брат Камень), из дерева — Агаш-гага (брат Дерево), а рожденного кобылицей — Масембу.

И вот они отправились искать себе жен. Пришли в одну местность и вошли в какое-то жилище. Там никого не было. В котле варится пища. Они послали и попили, посидели. А на утро пошли на охоту в горы. Вечером вернулись. В котле хлеб, чай приготовлены. Никого нет. Те трое сказали: «Кто варит эту пищу? Оставим-ка утром одного, пусть сторожит!»

Утром оставили Таш-гагу и вдвоем ушли на охоту. Таш-гага спрятался под деревянной мерой. Прилетели три голубя. Скинули свои плащи из перьев и превратились в трех девушек. Одна приготовила пищу, вторая, сев на деревянную меру, развела огонь, а третья подмела двор.

Одна из них была Кюн-ана (девица Солнце), другая — Ай-ана (девица Луна), третья — Юлтус-ана (девица Звезда). Кончив готовить, они надели свои плащи из перьев и улетели.

Вечером вернулись охотники и спросили: «Кто приготовил это?» Таш-гага сказал: «Прилетели три голубя, сбросили свои плащи из перьев и превратились в трех девушек. Одна готовила, другая развела огонь, а третья подмела двор. Затем они надели свои плащи из перьев и улетели!»

На другой день Агаш-гага сам [остался] сторожить. «А вы вдвоем ступайте!»

Те двое ушли на охоту. Агаш-гага [остался] сторожить. Снова прилетели те три голубя. Как только они приготовили пищу, разожгли огонь и подмели двор, то опять улетели.

Вечером [Агаш-гага] сказал: «Прилетели точно такие же три голубя, приготовили [пищу], разожгли огонь и подмели двор. Затем улетели!»

Масембу сказал: «Вы оба [никуда] не ходите, завтра останусь я, а вы оба идите [на охоту]!»

Масембу остался и спрятался в доме. Те три голубя прилетели снова. Скинули свои плащи из перьев. Одна [девушка] готовила, вторая разожгла огонь, а третья подмела двор. Из дома выскочил Масембу и бросил в огонь плащи из перьев тех [голубей]. [Теперь] они не могли скрыться. Красавица Кюн-ана вымазала себя пылью и сажей.

Вечером пришли остальные. Теперь каждому из них достанется жена. Выбирай!

Таш-гага выбрал Ай-ану, Агаш-гага — Юлтус-ану, Масембу досталась Кюн-ана. Утром она вымыла лицо. По сравнению с теми двумя Кюн-ана оказалась красавицей. Двум братьям это не понравилось. Жена Масембу красивее, чем их жены! Они решили: «Пойдем-ка утром в горы и сбросим Масембу в пропасть (букв. отверстие)!»

Утром все пошли в горы на охоту. Подошли к краю пропасти. Толкнули Масембу и сбросили его в пропасть. Два брата взяли лук и стрелы Масембу и вернулись [домой]. Кюн-ана отдала в чужой дом пасти овец. Сами они взяли своих жен и ушли. Когда Масембу сидел в пропасти, некая птица несколько раз в день спускалась в пропасть.

Масембу спросил у птицы: «Ты несколько раз в день являешься, ты зачем приходишь?»

Птица ответила: «У меня в этой пропасти детеныш, к нему прихожу!»

[Потом] птица спросила человека: «А ты что здесь делаешь?»

Масембу ответил птице: «Меня два моих брата бросили в пропасть. Пропасть глубокая, и я не могу выйти!»

Птица сказала: «Эй, Масембу, я завтра на спине тебя вынесу, пища моя — сто воробьев. Завтра я пойду и наловлю сотню воробьев!»

Птица наловила и принесла сто воробьев. Отдала [их] Масембу. [Затем] птица сказала: «Сядь на мою спину, возьми всех воробьев. Когда я сделаю круг, открою рот, ты бросай [туда] по одному!»

Масембу сел на спину птицы, взял воробьев. Птица взвилась, делала круг и открыла рот. [Масембу] бросил воробья. [Каждый раз, когда] птица делала круг, [Масембу] бросал [ей воробья] и так все сто. Поднялись навверх. Масембу двинулся в путь. Достиг одного места и пришел к своей жене. [В то время] она пасла овец.

Масембу сказал: «Эй, девушка, поищи-ка в моей голове!» Девушка принялась искать и заплакала.

Масембу спросил: «Ты почему плачешь?»

Девушка ответила: «На твоей голове есть родинка, она похожа на родинку моего мужа, поэтому и плачу!»

Масембу спросил: «А где твой муж?»

Девушка ответила: «Моего мужа братья бросили в пропасть, а меня приставили стеречь овец в чужом доме».

Масембу спросил девушку: «Ты узнаешь меня?»

Девушка ответила: «Не узнаю!»

Масембу сказал: «Я твой муж. Я выбрался из пропасти!»

Вдвоем они вернули хозяину овец и пошли разыскивать двух братьев. Отыскивали их. Братья играли с луком и стрелами.

Масембу сказал: «Дайте и я поиграю!»

Они ответили: «Ты не сможешь натянуть лук. С этим луком и стрелами играл Масембу!»

Масембу ответил: «Я натяну его, дайте попробую!»

Дали Масембу лук и стрелы. Масембу схватил лук, вложил стрелу, выстрелил. [Так и] убил двух своих братьев. Три жены достались Масембу. Конец.

(Хай Ии-сә, мужч., 57 лет, род. в сел. Уллагыл, крестьянин.
Записано в сел. Уллагыл 7 мая 1957 г.)

Текст

Pir jicim avō vumif. Ağa iĵa-apa joxtyr. Ojynda jox. Jikusy joxmaĵan, kiĵgusy joxmaĵan. Taqqa čōp orma vāĵan. Čōp'ne kotere keĵĵaĵa satma vāĵan. Čōp' satqan, helligā un čignagan. Bir kun bir kun, peligi kun tōrlagan. Peligi jox voĵan.

Pir kune taqqa čop orma var'sa, jotta jilān iske vurifmif. Piře qaĵa jilān, piře aĵa jilān. Qara jilānni ciken icinā čagarmif. Aĵa jilānni joĵa qoĵmif.

Aĵa jilān pu avuga k'aĵa jifamif: «Sen minigi ujyma varal. Sen minigi zanimni zuĵagučityr. Sen joxmasa, mini qaĵa jilān öltergare!»

Pu avune jilān paĵlap kōsyna varzi. Jilānnigi kōsy kizar.

Pu avū jifaĵi: «Men muĵa syxmagar!»

Jilān jifaĵi: «Kōzөгne jumtuĵu, sen syxar!»

Avū kuzene jumze. Jilānnige ojyna kirze.

Abasy jilān baĵasyna sorci: «Pu naĵ kifter?»

Jilān baĵasy jifaĵe: «Pu minige zanimne zuĵagučedyr. Pu juxmasa, mine q'ara jilān öltergare!» — jifaĵe.

Pu avū jilān öjynda ompēš — on aĵci kun otyrci. Pu avuĵa t'e'lli jidyrci, iĵterzi. Piř kune pu avu jifaĵe: «Men öjyma vāĵur-i?» — tep jifaĵe.

Jilān baĵasy bu avuga öргеcci: «Ētā minigi apam saĵa sorar: „Sen k'uriga k'umif kēligūr mu? Kon'ĵina aĵt'un keligur?» — tep sorryr. Sen jifa: „Kuriga k'umif ke(l)lomes, kon'ĵina aĵt'un ham kelemes. Men kō arcyntaĵy anefne keligur!»»

Jilān jifaĵe: «Anefne verelmas» — eteĵi.

Jilān baĵasy jifaĵi: «Anefne vertuĵu! Maĵa vurparsa, ču anef naĵdyr-i?!»

Anefne avuga verzi. Avū anefne akelzi, piř jere jecci. Avu ačyxzi. Avū sumurĵaĵi: «Pu jilān baĵasy maĵa jemen kaĵfamiĵ, jaĵĵi kaĵfamiĵ? K'umuč akelsa, aĵtun akelsa, maĵa naĵ kerex? Aĵsa, vuĵa(r)! Pu anefne na'kuri (<naĵ e'kuri?)» — tep sumurĵaze.

Anefne öjina aparzy. Öjinda čui'zy. Avū etisyna taqqa čōp orma varcy. Čōp kōčūp akelze. Öjyna kelsa, öjynda qazan ifinda emex varar. Taĵgun ifinda ča varar.

Pu avū emexni jici, čāny iĵci. Pu emex — xutu biř t'e'lleři. Ētisyna keĵĵaĵa čōp sā'ma (<sa'tma) varzi. Čōp'ni saci. Xelligā un alci. Avu jan-ci, öjyna kelzi. Kelsā, qazan ifinta nene pu: emer varax, taĵgunta ča varar. Pu avū sumurĵaĵi: «Öidā kič joxmaĵan, pu emexne kem ziĵnappar-u? Men etisy üčirge!»

Ētisyna pu avū kōne synzēfamiĵ. Avū königi arasyntan üčärmif. Pu anef mimilux tonne čōimif, ja'zux qatyn keĵa pellemmif. Pu qatyn kif emexne čignamiĵ, čāny qaĵnāmiĵ. Mimilux tunene kiĵiĵcilā oturmif. Pu avū aĵa üčärmif. Avū ifina kirpamiĵ. Qazan iĵindege emex, taĵgun' ifindege čāny içmif.

Pu avū etisyna kōta syxĵamiĵ. Pu anef mimilux tonny čuĵip nene emex cunnamif. Avū xāsken kirpāmiĵ. Mimilux tunyny ota xoĵofamiĵ. Pu anef ja'z'ux qatyn keĵa pellemmif. Pu qatyn keĵe avugā ki'ne tyĵnamif. Pu

avugā emexne cygnap viimif. Pu avū emexne cummif, taqqa čōp ornia vāimif.

Avū emex jigāntā xuaŋŋonige jirtaxčsý avu janyna ki'ymif. Pu čōsy emexne pir jertā jimif. Avunige emigi — xutu tā'li vumif! Pu emexten pijany aparyp xuaŋŋona viimif. Xuaŋŋon pu emexne jimif. Xuaŋŋon jirtaxčyŋa sormif: «Pu emex xutu te'lāre. Pu emex kemnigare?» — tep sormif.

Jirtaqčy jifamif: «Pu emex jicim avunige emigare».

Xuaŋŋon jifamif: «Ētisyna pu avuga jifa-ta: a't oina'kure! Oinacyp acyŋ c'ydamaŋa, kiŋnyŋny xuaŋŋon apāgure!»

Pu avu ujina jankiimif. Kiŋne sormif: «Pugun naŋdyr-i?»

— Xuaŋŋonigi jirtaxčsý jifiri: ēte a't oina'kure, acyŋ oinacyp c'idamaŋa, keŋnyŋne xuaŋŋon apāgure! Maŋa a't joxtyr. Men naŋ oina'kur-e?

Kiŋne jifaze: «Apanigi ōjina var'-ta kičizux ax atur var. Any je'llè-de gél!»

Ētisyna po avu pu a'tny je'llep akelzi. Taqqa oina'ma varzi. Xuaŋŋonige acy pu a'ta c'ytamaŋy.

Nene xuaŋŋon jifazi: «Ētisy sen pu taŋny tüzāt. Minigi čirygym u taŋny tüzā'ki. Sen arcy qaŋsa, sinigi kiŋniŋni men apāgur!»

Pu avu janyŋp ōje kelzi.

Kiŋni sorci: «Ničyx e'ci?»

Avu jifazi: «A't oinacyp c'ytamaŋe. Ētisyna taŋ tūze'kure. C'ytamaŋa, kem arcy qaŋsa, keŋniŋne apāgure tep jifiri. Xuaŋŋona čiryx k'ō'par. Men piŋ kifar c'ytamaŋar. Sine xuaŋŋon apāgar'!»

Kiŋne jifazi: «Sen apanigi ujina var'-tā ax xare piŋ vaŋ. Ane kū't-te hell»

Ētisyna pu avū pu xaryne kūcep taqqa varzi. Xuaŋŋonigi čirigi ham kelzi. Iŋkisy iŋki taŋne tüzāc'c'i. Avunigi xari iŋintān kurgunzux piŋ xopān čyxkelzi. Pu taŋny tüzācci. Xuaŋŋonigi čirigindān ili volzi.

Xuaŋŋon jifazi: «Ētisy kiŋnyŋny čexme kigur'!» — tep jifaze.

Pu avū ujyna kelzi. Kiŋny sorci: «Ničyx ecci?»

Avū eifazi: «Taŋ tüzicir maŋa čitamaŋi. Ētisy sine čexme ki'guri» — tep jifiri.

Kiŋne jifaze: «Sen ŋem jukuma! Čexme gelse, men vāy! Sen jici gun otyr-da, mimilux, čāyo — puŋāny paŋlaŋtyr-da, tonur jasa-ta, ki'ŋ-ta, jaŋryŋa tālenur qoi-ta, peŋgerur t'u-ta xuaŋŋonigi kōsyna emex kelleme gél!»

Ētisyna xuaŋŋonige čirige pu qatyn kiŋini čigip aparzi. Pu avu jici kun otyrcy. Mimilux, čaguŋāny paŋlap tonur jasaŋi. Tonny kici, talenur jaŋryŋa qoiŋy, uzina peŋgerur tucy. Pu avu xuaŋŋonige kōsyna emek keleme varci. Kiŋne pu avuga učirci: «Xa-xa» — tep kulzi.

Xuaŋŋon jifaze: «Men peligi ja'zux ki'paŋ. Maŋa nege k'ulimere(r)? Emek keliguče mimilux, č'agu paŋlap kijip kelse, sen aŋa «xa-xa» tep kullire!»

Pu qatyn kifi jifaze: «Sen u emek kelegen kiŋnigi tunyny k'i-te, tālinyny jaŋryŋa qoi-ta, iliŋa peŋgerne t'ūt-ta, kir-te gél! Men saŋa «xa-xa» ŋigi-ta kuligi» — tep jifazi.

Xuaŋŋon pu emek kelegen avune ifina čyxraŋi. Avuga jifazi: «Sen tunny, talinyŋ, peŋgaryŋ — pu čosyny maŋa ver'! Sen minigi poiŋ'araŋymne ki'ŋ-ta, sen munta otyr-ta ŋā!» — tep jifazi.

Avū tuny, peŋgare, taliny — čosyny xuaŋŋona verzi. Xuaŋŋonige poiŋ'araŋyne pu avū ki'ci. Xuaŋŋon taŋina varzi. Pu avunigi tuny, talini, peŋgare — čosyny xuaŋŋon [kijip] kōtan kelzi. Pu qatyn kifi jifazi: «Ko paŋlaŋuči-u! Emek kelegen u kiŋni ūltertugul!» — tep jifazi.

Ko paŋlaŋuče u kiŋni ūlterzi. Pu avu xuaŋŋon tyŋnazi. Kiŋne muŋa kiŋne tyŋnazi. Toszi.

Был некий юноша-сирота. У него не было ни матери, ни отца. И в доме у него ничего не было — ни пищи, ни одежды. Он ходил в горы косить траву. Относил ее в город и [там] продавал. На вырученные деньги покупал (*букв.* отвешивал) муку. День за днем так проводил (*букв.* толкал) он дни. Такой он был бедный.

Однажды, когда он пошел в горы косить траву, [увидел, что] на дороге дерутся две змеи. Одна змея — черная, другая — пестрая. Черную змею [юноша] бросил в кустарник, а пеструю отпустил.

Пестрая змея сказала юноше: «Пойдем ко мне домой. Ты мой спаситель. Если бы тебя не было, черная змея убила бы меня!»

Змея привела юношу к дверям [своего дома]. Дверь [была] мала.

Юноша сказал: «Я не пролезу в нее!»

Змея сказала: «Закрой глаза и ты пролезешь!»

Юноша закрыл глаза — и оказался в доме змеи.

Отец-змеи спросил своего сына: «Что это за человек?»

Детеныш змеи ответил: «Это мой спаситель. Не будь его, черная змея убила бы меня!»

Юноша погостил в доме змеи 15—16 дней. Его вкусно кормили и поили. Однажды юноша сказал: «Не пойти ли мне домой?»

Детеныш змеи посоветовал (*букв.* научил) юноше: «Завтра мой отец тебя спросит: „Большую меру серебра ты хочешь или малую меру золота?“ Ты скажи: „Не хочу я ни большой меры серебра, ни малой меры золота. Я хочу курицу, что на дворе (*букв.* находящуюся за дверью)!“»

[Отец-]змеи ответил: «Я не могу дать курицу!»

Детеныш змеи сказал: «Отдай курицу! Что касается меня, к чему эта курица?!»

[Отец-змеи] отдал юноше курицу. Юноша унес курицу. Добрался до одного места. Проголодался. Подумал: «Этот детеныш змеи плохо или хорошо мне сделал? Принес бы серебро, золото, что мне еще нужно? Надо было взять! Что делать с этой курицей?»

Принес курицу домой. Оставил [ее] дома. Утром отправился в горы косить траву. Принес траву [домой]. Дома в котле хлеб готов, в кувшине — чай.

Юноша поел хлеба, выпил чаю. Хлеб-то очень вкусный! Утром пошел в город траву продавать. Продал траву. На [эти] деньги купил муки. Вернулся домой. [А дома] в котле такой же хлеб, в кувшине — чай. Юноша подумал: «Дома никого нет. Кто же печет (*букв.* готовит) этот хлеб? Посмотрю-ка завтра!»

Утром юноша запер на цепочку дверь. [Сам] стал смотреть через щель в двери. Курица сняла свой плащ из перьев и превратилась в красивую женщину. Эта женщина испекла (*букв.* приготовила) хлеб, вскипятила чай. [Потом] надел свой плащ, села. Юноша наблюдал за ней. Он вошел внутрь [дома]. Съел хлеб, что был в котле, и выпил чай из кувшина.

Наутро юноша дежурил (*букв.* сторожил) у дверей. Курица, скинув свой плащ, снова испекла хлеб. Юноша быстро вошел и бросил ее плащ в огонь. Курица так и осталась (*букв.* превратилась) красивой женщиной. Эта женщина стала женой юноше. Испекла ему хлеб. Юноша взял хлеб и ушел в горы косить траву.

Когда он ел хлеб, к нему подошел императорский охотник. Они расположились и съели хлеб.

Хлеб юноши был очень вкусный! [Охотник] унес кусочек этого хле-

ба и дал императору. Император съел хлеб и сказал охотнику: «Этот хлеб очень вкусный. Чей это хлеб?»

Охотник ответил: «Это хлеб юноши-сироты».

Император промолвил: «Завтра скажи этому юноше: „Устроим состязание коней (букв. заставим играть коней); если твой конь не выдержит, твою жену император возьмет себе (букв. уведет)!”»

Юноша вернулся к себе домой. Жена спросила его: «Что сегодня?» [Юноша ответил]: «Императорский охотник говорит: „Устроим завтра состязание коней; если твой конь не выдержит, твою жену император возьмет себе (букв. уведет)!” Коня у меня нет. Как я буду состязаться?»

Жена сказала: «Ступай к отцу домой, [там] есть маленький белый конь. Возьми его и приведи!»

Утром юноша привел этого коня. [Потом] поехал в горы на состязания. Императорский конь проиграл (букв. не выдержал) этому коню.

Император снова сказал: «Завтра ты разровняй эту гору, а мое войско пусть разровняет ту гору. Если ты отстанешь (букв. останешься позади), то я уведу твою жену».

Юноша вернулся домой.

Жена спросила: «Как дела?»

Юноша ответил: «Я выиграл состязание. Завтра будем разравнивать горы. Если я останусь позади, он говорит, что уведет мою жену. У императора войско большое, а я один. Я не выдержу!»

Жена сказала: «Ступай к отцу домой, [там] есть белый сундук. Принеси его сюда!»

На другой день юноша понес сундук в горы. Пришло императорское войско. Начали разравнивать горы. Из сундука юноши вылетела стая голубей. Разровняла гору раньше, чем императорское войско.

Император промолвил: «Завтра приду за твоей женой!»

Юноша вернулся домой. Жена спросила [его]: «Как дела?»

Юноша ответил: «Разравнивая гору, он отстал (букв. не выдержал) от меня. Говорит, что завтра придет за тобой».

Жена сказала: «Ты не печалься! Если придет за мной, я пойду. Ты семь дней подожди. [Потом] свяжи перья с шерстью, сделай плащ на плечи повесь суму, возьми в руки палку и иди к императорским дверям просить хлеба!»

На другой день войска императора увели эту женщину.

Юноша подождал семь дней. [Потом] связал перья с шерстью и сделал плащ. Надел [этот] плащ, повесил суму на плечи, в руки взял палку и отправился к императорским дверям просить хлеба. Жена взглянула на юношу и засмеялась: ха-ха!

Император сказал: «Я так красиво одет! Почему мне не смеешься? Нищему, одетому в рубище (букв. пришедшему одевшись в перо и шерсть), ты смеешься: ха-ха!»

Женщина сказала: «Надень плащ нищего, суму повесь на плечи, возьми в руки палку и войди! Я и тебе засмеюсь: ха-ха!»

Император пригласил нищего-юношу внутрь [дома] и сказал: «Твой плащ, суму и палку — все это дай мне. Надень мой халат и сядь здесь!»

Юноша плащ, палку, суму — все это отдал императору. Надел халат императора. Император вышел наружу. [И вот] он вошел в дверь в плаще, с сумой и палкой юноши.

Женщина крикнула: «Эй, стража! Убейте этого нищего!»

Стража убила этого человека. Юноша стал императором. Жена осталась ему супругой. Конец.

(Хай Ии-со, мужч., 57 лет, род. в сел. Уллагыл, крестьянин.
Записано в сел. Уллагыл 8 мая 1957 г.)

Текст

Piř ninur űimeř. Aǵa avur űimeř. Avu tapurur kűormiř. Kun qořnina as-manten ĉikiimiř. Avunige kořnina emmiř. Pu avu izisina jiřfamiř: «Men pugze jaxři tapurur kűűrzi!»

İĉisi sorci: «Naǵ taburar?»

Avu jiřazi: «Kun minigi qořnyma kelzi. Pelisi tabur kűűrci. Sen kiř'kă jiřakuma!» — etiři.

İĉisy su kűűmă varzi. Anta pu tabyrny jiřazi. Pu k'aze piř-pirden ĉűűliř-piř xuaǵűoǵnige ǵuĉařyna varci. Mune xuaǵűoǵ kejin'fin eciř pu avune cu-cyp aparzi.

Pu avugă xuaǵűoǵ sorci: «Sen naǵ tabur kűűrzi?»

Pu avu jiřaze: «Asmandige k'un minige qořnyma iǵ kelzi.»

Xuaǵűoǵ jiřaze: «Pu avuny qyzyl kűűlăxkă mindyr-tă piř jere aĉ-ta văr! Qyzyl gűűlăx sargaĉu. Pu avune ĉűi-dă, jăn-ta gűi!» — tep jiřazi.

Pu kiře avune qyzyl gűűlăxkă minderze, piř ziřaǵa avarzi. U jerte on jiř otyrzi. Qyzyl gűűlăx sargaĉmazi.

Pu avu jiřazi: «Pu gűűlăxkă oxĉagan sary gűűlăxur aliřaĉ. Sen any sűr-tă, jăn-ta văr. Sen xuaǵűoǵa qyzyl gűűlăx sargaĉzi ete-te ejiřă!»

Pu kiři sary gűűlăxni sűrep varzi. Xuaǵűoǵa jiřaze: «Qyzyl gűűlăx sargaĉ-zi! Pu avune ĉűi kelzi!»

Pu avu tař z'űjinda utyrzi. Piř t'űlă jilăn baĉasyr tamnap akelzi. Pu avu tař velăn pu tűleřne vuryř iǵkelzi. T'űlă űlzi.

Jilăn baĉasy pu avuga k'aza jiřazi: «Sen minigi ojyma vară! Sen jox-masa, t'űlă mine jigare. Sen minigi zanymny zuĉazi!»

Pu jilăn baĉasy pu avuny pařtazi. Jilănnige űjina varzi.

Jilan pařasynyge apasy sorci: «Pu naǵ kiřar?»

Jilan baĉasy jiřazi: «Mine t'űlă tamnap afarci, jigar. Pu kiři t'űlini vuryř űlterzi. Minige zanymny zyĉaǵuĉytyr!»

Pu avu jilan űjynda un kun otyrzi. Piř kune avu jiřaze: «Men űjyma vagure!»

Jilan baĉasy pu avuga jiřaze: «Minigi apam saǵa sorar — aĉtun keligurmu? K'umuf keligur? etep sorar. Sen aĉtun hăm kelemes, k'umuf hăm kellemes, aǵexne keligur! ete-te jiřă!»

Jilănnigi apasy pu avuga sorci: «K'umuf keligur mu? Aĉtun keligur?»

Pu avu jiřaze: «K'umuf kelemes, aĉtun hăm kelemes. Sinige aǵařyǵne keligur!»

Pu avuǵa etisyna aǵaxny verzi. Avuny uzazi. Avu kelci. Piř jere jecci. Aǵařyny anta qořcy. İzy uxĉazi. űjaǵ kelzi. Aǵax iřinta iřkusy — jigusy varar. Pu avu ane iĉmiř, jimiř. Xusařy toimiř. Piř jere vămiř. Pengeř tuĉ-qan piř kiře kűűrmiř. İřkusy piř jerte o'mmiř. Aǵax iřindege iřkusy — jikusyne pu iřkusy iĉmiř, jimiř. İřkusy ta xusařy toimiř.

Pu pengeř cucquĉy pu avuga jiřamiř: «Sinigi pu aǵařyǵny minigi penĉa-řyyma aliřaĉ!» — etep jiřamiř.

Pu avu jiřazi: «Sinigi penĉařyǵny naǵ e'kur? Minigi aǵagemnigi iřindi-gine issa volar, jiřa volar, ű kiřam (<kiři hăm), peř kiřam tojar!» — tep jařamiř.

Pu peŋgař cucqučy jifamef: «Minigi peŋgařem, u kiŋni tõi-ta anygy qoınyndige õzenni čix-te gél!» — etese, peŋgar varar, u kiŋne tõi-jař, qoınyndige õzenne čigep a'keler!

Avu jiŋazi: «Aliŋaŋ!» — etizi.

Peŋgarne avuga verzi, ajaxne u kiŋa verzi. U kiŋi ajaxny tucyp varzi.

Pu avu peŋgara jifaži: «Sen var-ta u kiŋni tõi-ta anigi qoınyndige ajaxny čyx-te gél!»

Peŋgar varci, u kiŋni tõi-ci. Koınyndigi ajaxne čigip akelzi.

Nēnē pu avu jurzi, piř jere jeci. Timoř santen ko'ken piř kiŋi kõi-ci. Pu iŋkisy piř jerte otyrzi, ajax iŋindige iŋkusy — jigusy pu iŋkisy jiži, iŋzi. Iŋkisy-ta tuiži.

Pu sãntãnne ko'kuži jifaži: «Sinigi pu ajařyŋne minige pu sãntana aliŋaŋ!» — etizi.

Pu avu jifaži: «Sinigi pu santanyŋny nař-e'kur-e?»

Pu kiŋi jifaži: «Minigi sãntanne piř ŋovłasa, piř timoř pazař kor'ıtyr. Iŋki ŋovłasa, timoř oi xõryr».

Pu avu jifaži: «Aliŋaŋ!»

Ajaxny pu kiŋa verci. Santanne avuga verci. Pu kiŋi varzi. Avu peŋgara jifaži: «Sen var'-ta u kiŋni toř-tã qoınyndige ajaxny čix-ta gél!» Peŋgar varci, u kiŋni tõi-ci, koınyndigi ajaxny čigip akelzē.

Nene pu avu jũrzi. Peř jere jeci. Kõrux ko'ken piř kiŋi kõi-ci. Pu iŋkisy piř jerte otyrzi. Pu iŋkisy avunige ajařy iŋindigene iŋci, jici. Iŋkisy tuiži.

Pu kõi-rux ko'ken kiŋi jifaži: «Sinigi ajařyŋne minigi koruguma aliŋaŋ!» — tep jifaži.

Pu avu jifaži: «Sinigi kõi-ruguyne nař e'kur-e?» — etizi.

Pu kiŋi jifaži: «Minigi kõi-rugum ason tãssa, jařmur piža jařar. Xyci tãssa, ãtux jařar!» — etizi.

Pu avu jifaži: «aliŋaŋ!»

Kõi-ruxne avuga verzi. Ajaxny u kiŋa verci. U kiŋi ajaxny cucyp varci. Pu avu peŋgařa jiŋazi: «Sen var-tã u kiŋni toř-tã koınyndige ajaxny čyx-te gél!» Peŋgař varci, u kiŋni tõi-ci, ajaxny čigip akelzi.

Pu avu santanne, k'urexne kõi-ci, učina peŋgarne cucy. Pu avu xuaŋŋoř u'qan jere varci. Piř tũztã pu santanne piř ŋovłazi. Timoř pazařur korłazi. Iŋki ŋovłazi — timor ujur xovarci. Pu avu iŋinta otyrzi, peŋgarne pazař kõi-ta saxłazi.

Tař atzi. Etisy xuaŋŋoř piłzi.

— Pu nař kiŋtyr-o? Timornigi oi xuvarmiŋ. Munny iŋina piř kiŋi var-tã vař-ta gél. Pu nař kiŋar? — tep xuaŋŋoř jifamiŋ.

Pu kõi-ga kič vařmã vãmiŋ. Pu peŋgař pu kiŋni tořmiŋ, iŋina kigiřmamiŋ.

Pu kiŋi xuaŋŋořa jifamiŋ: «Kiŋni kormere. Peŋgeřuř kiŋni tũjip qõłare!»

Pu xuaŋŋořnige kõi-ŋina kiřmiŋ: «Pu kiŋi mařa zaža tařnagusy kiŋi irar!»

Pu xuaŋŋoř jifaži: «Piř k'otuta vuřan kiŋi, muřa ocyn jũxlã-tã ãt-ta gél! Pu pazarnigi t'õn'n'a qyřyňa sył! Muřa o'tne telle! Pu pazař qyzyřy iŋindige kiŋine xõryłar!» — tep xuaŋŋoř ejifaži.

Hãmmã kiŋi ucynne jũxliži, pazarne korłazi. O'(t)ny telliži. O't teŋci, pazař qyzyři.

Pu avu iŋinda kõi-rexne ãsan tatci. Jařmuř piža jařci. Nene xyci tatci. Jařmuř xutu jařci. U jerne su mellizi. Kiŋ ŋoqqan vołzi, õi ŋoqqan vołzi. Avu iŋinta otyrzi. Peŋgař kõi-ny saxłazi. Toszi.

Была одна старуха. У нее был сын. Юноша увидел сон. Солнце опустилось с неба и спряталось у него за пазухой. Юноша сказал своей матери: «Я эту ночь хороший сон видел!»

Мать спросила: «Что за сон?»

Юноша ответил: «Солнце спряталось (букв. пришло) у меня за пазухой. Такой сон я видел. Ты не говори людям!»

Мать пошла за водой. Там рассказала этот сон людям. Рассказ, постепенно (букв. один за одним) распространяясь, дошел до слуха (букв. ушей) императора. После розысков император схватил юношу и увел [с собой]. Император спросил у юноши: «Что за сон ты видел?»

Юноша сказал: «Солнце, что на небе, спустилось мне за пазуху.»

Император приказал: «Посадите этого юношу на корову красной масти и уведите в одно [какое-либо] место. Когда красная корова пожелтеет, покиньте юношу и возвращайтесь!»

Посадили юношу на корову красной масти и увели в одно место. Там они провели десять лет. Красная корова не пожелтела.

Юноша сказал: «Обменяем эту корову на похожую желтую корову. Ты возьми (букв. тащи) ее и возвращайся. Императору скажи, что красная корова пожелтела.»

Некто (букв. этот человек) увел желтую корову. Императору [он] сказал: «Красная корова стала желтой. Юношу я бросил и пришел!»

[В это время] юноша сидел под деревом. Прилетел орел с детенышем змеи в когтях. Юноша бросил камень и попал в орла. Орел умер. Детеныш змеи сказал юноше: «Пойдем ко мне домой! Не будь тебя, орел меня съел бы. Ты мой спаситель!»

Детеныш змеи повел юношу. Пришли к змее домой.

Отец змеиного детеныша спросил: «Что это за человек?»

Детеныш змеи сказал: «Орел поймал меня и потащил, чтобы съесть. Этот человек ударил орла и убил. [Он] мой спаситель!» Юноша погостил в доме змеи десять дней. Однажды юноша сказал: «Я пойду домой!» Детеныш змеи сказал юноше: «Мой отец тебя спросит: „Золота или серебра ты хочешь?“ Ты скажи: „Ни золота, ни серебра я не хочу, хочу чашку!“»

Отец змеи спросил у юноши: «Серебра хочешь ли? Золота хочешь ли?»

Юноша промолвил: «Ни серебра, ни золота я не хочу. Хочу твою чашку!»

Утром юноше [он] эту чашку отдал. [Юноша] достиг одного места. Положил там свою чашку. Сам уснул. Проснулся — а в чашке еда и питье. Юноша съел эту пищу. Насытился. [Снова] пошел в одно место. Увидел одного человека, который держал палку. Оба [они] расположились (букв. сидели) в одном месте. Съели пищу, что была в чашке. Оба насытились.

Обладатель палки сказал юноше: «Поменяем твою чашку на мою палку!»

Юноша ответил: «Что делать с твоей палкой? Содержимое моей чашки и есть и пить можно. И трое и пятеро будут сыты!»

Обладатель палки сказал: «Палка моя, побей того человека и вытащи из-за пазухи его вещь!» Палка поколотила того человека, вытащила вещь, что была за пазухой, и принесла [ее].

Юноша сказал: «Поменяемся!»

Палку [он] дал юноше. Чашку [юноша] отдал тому человеку. Схватив чашку, тот человек ушел.

Юноша сказал палке: «Ступай побей того человека и принеси чашку, что у него за пазухой!»

Палка пошла, побила того человека и принесла чашку, что у него была за пазухой.

Юноша отправился дальше и достиг одного места. Увидел человека, который нес железную наковальню. Они оба расположились в одном месте, съели пищу, что была в чашке. Оба насытились.

Человек, несущий железную наковальню, сказал: «Поменяем твою чашку на мою наковальню!»

Юноша ответил: «Что делать с твоей наковальней?»

Человек сказал: «Ударишь раз по моей наковальне, железная стена появится (*букв.* выстроится). Ударишь дважды, дом возникнет (*букв.* выстроится)».

Юноша сказал: «Поменяемся!»

Чашку [он] отдал этому человеку. [Человек] отдал юноше наковальню. Этот человек ушел. Юноша сказал палке: «Иди побей этого человека и принеси чашку, что у него за пазухой!» Палка пошла, побила того человека и принесла чашку, что была у него за пазухой. Юноша отправился дальше. Достиг одного места. Увидел человека, который нес кузнечные мехи. Они оба расположились в одном месте. Съели пищу, что была в чашке юноши. Оба насытились.

Человек, который нес мехи, сказал: «Поменяем твою чашку на мои мехи!»

Юноша сказал: «Что делать с твоими мехами?»

Человек ответил: «Если медленно будешь раздувать мехи, пойдет маленький дождь. Будешь быстро раздувать — пойдет большой дождь!»

Юноша сказал: «Поменяемся!»

[Человек] отдал юноше мехи, [юноша] отдал этому человеку чашку. Человек взял чашку и ушел. Юноша сказал палке: «Иди побей того человека и принеси чашку, что у него за пазухой!» Палка пошла, побила того человека и принесла чашку.

Юноша взвалил [на плечи] наковальню и мехи, в руки взял палку и отправился туда, где находился (*букв.* сидел) император. На ровном месте ударил раз по наковальне — появилась (*букв.* выстроилась) железная стена. Дважды ударил — железный дом возник (*букв.* выстроился). Юноша поселился в нем, палку [заставил] стеречь двери в стене.

Занялась заря. Утром император узнал [обо всем].

— Что это за человек? Построил дом из железа. Ступайте туда (*букв.* внутрь его) кто-нибудь и посмотрите, что это за человек! — сказал император.

Некто отправился к дверям, чтобы посмотреть. Палка поколотила этого человека и не пустила внутрь [дома].

Человек сказал императору: «Не видел [того] человека. Палка бьет и гонит людей!»

Император подумал: «Этот человек мне враг!»

Император приказал: «Пусть люди какой-либо местности принесут туда (*букв.* ему) дров! Пусть уложат их вокруг всех стен! Подожгут их! Пусть жар стен испепелит этого человека!»

Все люди принесли дрова, окружили [ими] стены. Подождгли [их]. Огонь разгорелся, и стены накалились. Юноша внутри [дома] медленно [начал] раздувать мехи — пошел маленький дождь. [Начал] быстрее раздувать мехи — полил большой дождь. Затопил эту местность. Не стало ни людей, ни жилищ. Юноша [продолжал] пребывать внутри [дома]. Палка охраняла двери. Конец.

(Хай Йи-со, мужч., 57 лет, род. в сел. Уллагыл, крестьянин.
Записано в сел. Уллагыл 6 мая 1957 г.)

Текст

Pir jeki anur vumef. Bir jerte uxłamef. Uxłaçanā ta pir osyramef. Taf ki'ilenmeſ (<kile inmeſ). Taf iſinten Mungyska'čyx čyxki' meſ.

Mungyska'čax anaſa jıſamēſ: «Anā, su čixqan belidyγō? İſkiſē, iq di ki'gōr!»—etemeſ.

Ana jyſta-jyſta jandy kiimēſ. Andan kilē anaſa p'yčl xur učramēſ. P'yčl x sormēſ: «Anā, sen nige jyſtappār?»—etemeſ.

P'yčl x jaſagan' ſe: «Mine Muſgyskarčyx jimē kigur!—tire,—ele'ku jyſtappār!»—etemeſ.

Andan ile püre (<pir jere) kiimēſ. Sanzyr körmeſ. Sanzy jıſameſ: «Ana, sen ne jyſtappār?»—dimeſ.

Ana: «Muſgyskarčax jimē kiigur! — tierā, — ızy jyſtappār!» — dimeſ.

Sānzſy: «Ničux xamana kigur?»—timēſ.

Anten nene pir jere kimeſ. P'ičyxratātūr kurmeſ. Anten surmeſ: «Ana, sen nege jyſtappār?»—etimeſ.

— Mine Muſgyskarčax jimē kigur!—tire,—men ele'ku jyſtappār!»—dimeſ.

— Ana, sen jyſtaquma, nāz'i'li xamana kiigi?—dimēſ.

Andan nenē pir jere kiimēſ, pizur körmeſ. Piz jaſameſ: «Anā, sen jyſtappār?»—etemeſ. Anden ana jana jyſta-jyſta kimeſ. Jyſta kilē paſor učramēſ. Paſa jıſamēſ: «Ana, sen jyſtappār?»—etimeſ.

Ana jaſagan ſe: «Muſgyskarčax jimē kigur!—dizē,—ele'ku jyſtappār!»—etimeſ.

Anā paſor jıſameſ: «Sān suc'aſſa sunē tuliz'ux tułdyrдыō! Men sine syxłamā kige!»—etimeſ.

Anten nene jyſta-jyſta kiimēſ. Anten jumutane körmeſ. Jumuta sormēſ: «Anā, sen ne jyſtappār?»—etimeſ.

Ananigi jaſagan ſi: «İzy Muſgyskarčax ızyne jimē kigur!—dirē,—ele'ku jyſtappār!»—edimeſ.

— Sān uçaſyſdige k'uloſne uſ miſoſ eſtoſō. Mān sinē syxłama kiige!—edimeſ.

Anden ana jyſta-jyſta nānā giimeſ, inzi joł jürmeſ. Kōlex töſexur körmeſ. Kōlex töſex sormēſ: «Anā, sān nā jyſtappār?»—edimeſ.

Ananige jaſagan ſe: «İzynē Muſgyskarčyx jimē kéler!—dire,—ele'ku jyſtappār!»—etimeſ.

Anden kōlex töſux jaſagane ſe: «Sān o'tigen z'eimeſ, öiliz'ux jasydyγō, men sinſy syxłama kiige!»—etimeſ.

Anden nānā pir jere kiimēſ. Toluxur kormeſ. Tolut'ux anaſa sormēſ: «Anā, sen nege jyſtappār?»—etimeſ.

Anā jaſagan ſe: «A-a, ızy Muſgyskarčax jimē kigur!—dirē,—ele'ku jyſtappār!»—etimeſ.

— Anā, — tolux jeſameſ, — sen kō baſıſa zitaſ koıdyγō, men sinſy syxłama kiige!—etimeſ.

Anden ana kilē otagynty kelimeſ, suc'aſſynty suny tołtyrmēſ, oçagynda k'uline içmeſ, suc'c'ux zuine sürmeſ, kō baſyna zitaſny koımeſ. Koı'çilā ızy u keſluguna kež'ürmiſ. İzim kege geçesine Muſgyskarčax keimeſ. Muſgyskarčax kilē kã'ota čix'yrameſ: «Anā, sen kã'ony aſ!»—edemeſ.

Ana kōny aſmameſ. Kilgi'liçilā paſynty z'ıtamēſ, palto kiliçilā aſagyn-dan z'ıtamēſ, sānzſy kiliçilā jaſagyn-dan z'ıtamēſ, p'yçax kiliçilā tyraſagyn-

dan z'ılamēş, paŷa kiličilā zitaŷyna gelmēş, jumuta kiličilā kočagyna kel-
mēş, kōlex tōşux kiličilā oč'ux zūjında o'mēş, tolux kiličilā, qar başynda.
tyxta başynda o'mēş.

İnzi keşesine Muŷyskarčax keımiş. Kiličilā kodā çyxramiş:

«Mi qyz ŷm, kōny ač',
ıza kelzē,
ıza oryx z'u'ne uryp kelzē,
taryx z'u'ne taryp kelzē,
moren sunē çumyp kelzē,
ozen sunē kōč'üp kelzē,
aryk sune aıyp kelzē,
zaruquŷa kaşmas!»—etemeş.

Ana ač'ıta kōny ač'mēş. Kōny ačy ojinā kelmiş. Muŷyskarčax sormeş:
«Anā, anā, sen ızy katyn çilligōr!»—etemiş.

Ana jaŷagan ŷē: «Sen katyn çillāsā, çillā!»—etemeş.

—Paşindegi çilli çilligur!»—dimiş. P'ıçax varčilā totagyny da çillāmiş.
Çillānmāmiş.

—Anā, anā, anā, men sine katyn çilligur!»—dimiş.

—Ajaŷyndan katyn çilligur çillā!»—edimeş.

—Ajaŷyna varčilā ajaŷyny pir çilligur!»—dimeş.

—Totagyny çillā! Totagyna pir çillāmiş.

Anden nene kōlmeş.

—Anā, sen katyn çilligur!»—edimeş.

—Men katyn çillūčilā!»—edimeş.

—Syxrānyna varčilā, qāryn ičnā bir tōımiş, sānzu varčilā totagyna
veımāmiş. Anden nene inze çillānmāmiş. Muŷyskarčax nene kōlmeş.

—Anā, sen katyn çilligōr!»—edimeş.

—Men katyn çillūčilā!»—edimeş.

Totax jānyna varčilā «katyny çilligur!»—diımiş.

«Katyn çilligur» diğandā pişlar ičinā totagyny çillāmiş. Jikoŷo očuxka
varmiş. Očuxka vāre očuxne pir kōrmiş.

Jomuta k'ōstigen taşamiş. Jumuta kiličilā dūdūdusnige k'ül jaşamiş.
Jikoŷo zitaŷya vama vāmiş. Zitaŷya vamağale jūzne jūŷa bilmiş. Paŷa ki-
ličilā z'apagyny ŷouŷamiş. Anden kačep j'ıqyıy ojinā kel keımiş. Kōle kes-
kālter tojinmiş. Anda kōrenmiş. T'osče kičelā Muŷyskarčaxny anda tas
ültermiş. Tosz'e.

Перевод

Была одинокая девушка. Где-то [она] заснула. Во сне вскрикнула.
[Голос ее] коснулся камня. Из камня вышел Мунгыскарчах.

Мунгыскарчах сказал девушке: «Девушка, [ты] знаешь, где родник
(*букв.* выход воды)? Ступай [узнай] и приходи!»

Девушка, плача, отправилась. В пути девушке встретился нож. Нож
спросил: «Девушка, ты что плачешь?»

Девушка ответила: «Мунгыскарчах говорит, что придет, съест меня,
потому и плачу!»

Девушка дошла [еще] до одного места. Увидела ножницы. Нож-
ницы спросили: «Девушка, ты что плачешь?»

Девушка ответила: «Мунгыскарчах говорит, что придет [меня]
съесть, [потому] я [и] плачу!» Ножницы сказали: «Как достигнуть (*букв.*
прийти) желаемого (*т. е.* избавления от беды)?»

Затем (девушка) добралась до какого-то места. Увидела ножик
Ножик спросил: «Девушка, ты что плачешь?»

— Мунгыскарчах говорит, что придет съест меня, потому и плачу! — ответила [девушка].

— Девушка, ты не плачь, как-нибудь достигнем желаемого (т. е. избавления от беды)!

[Девушка] достигла еще одного места и увидела шило.

Шило спросило: «Девушка, ты что плачешь?»

Девушка, плача, пошла дальше. [Ей] встретилась лягушка. Лягушка спросила: «Девушка, ты что плачешь?»

Девушка ответила: «Мунгыскарчах сказал, что придет [меня] съест, потому и плачу!»

Лягушка сказала: «Бочонок до краев наполни водой. Я приду тебя сторожить!»

Девушка, плача, пошла [дальше]. Увидела яйцо. Яйцо спросило: «Девушка, ты что плачешь?»

Девушка ответила: «Сам Мунгыскарчах говорит, что придет меня съест, потому и плачу!»

— Ты не выметай золу из очага, я приду тебя сторожить! — сказал [яйцо].

Девушка, плача, пошла [дальше]. Увидела кизяк. Кизяк спросил: «Девушка, ты что плачешь?»

Девушка ответила: «Мунгыскарчах говорит, что придет съест меня, потому и плачу!»

Кизяк сказал: «Ты устрой порожек, сделай [вот] такой. Я приду тебя сторожить!»

Девушка опять пришла в одно место. Увидела [каменный] валик.

Валик спросил девушку: «Девушка, ты что плачешь?»

Девушка ответила: «А-а-а, Мунгыскарчах говорит, что придет меня съест, потому и плачу!»

— Девушка, — сказал валик, — ты поверх двери положи меч, я приду тебя сторожить!

Затем девушка убрала комнату, наполнила бочонок водой, подмела под кадкой, положила поверх двери меч. Сделав все это к вечеру, [она] стала ждать.

Пришел Мунгыскарчах. Придя, он закричал у дверей: «Девушка, открой дверь!»

Девушка дверь не открыла. Явившиеся [се защитники] охраняли жизнь (*букв.* голову) [девушки]. Топор защищал ее ноги, ножницы защищали ее щеки, нож защищал ее шиколотки, лягушка устроилась [рядом с] мечом, яйцо уместилось на груди, кизяк присел у порога, валик уселся на притолке, на доске. Ну вот, к вечеру Мунгыскарчах явился. У дверей [он] закричал:

«Дочь моя, открой дверь!

[Твоя] мать пришла, серпом траву накосила,

граблями траву собрала,

переплыла через большую реку,

переправилась через малую реку,

принесла тебе чистую воду,

для тебя ее и не останется!»

Девушка отворила дверь. Мунгыскарчах вошел в дом. Он спросил: «Девушка, девушка где тебя укусить?»

Девушка ответила: «Где хочешь, там и укуси!»

— Укушу тебя в голову! — сказал [Мунгыскарчах].

Нож подскочил и вошел в губы [Мунгыскарчаха]. [Мунгыскарчах] не почувствовал [боли].

— Девушка, девушка, девушка, где тебя укусить? — спросил [Мунгыскарчах].

— Укуси в ногу, куда хочешь укуси! — сказала [девушка].

— Укушу в ногу! — сказал [Мунгыскарчах].

— Коли его в губы! — сказали [защитники девушки].

[Мунгыскарчаха] укололи в губы. Мунгыскарчах засмеялся.

— Девушка, где тебя укусить? — оказал [он].

— Где хочешь, там и кусай! — сказала [девушка].

Мунгыскарчах ударил ее в живот, но ножницы бросились защищать [девушку] и не дали [укусить] ее в губы. [Мунгыскарчах] опять не почувствовал боли и засмеялся.

— Девушка, где тебя укусить? — сказал [он].

— Где хочешь, там и кусай! — сказала [девушка]. Совсем близко от ее губ [Мунгыскарчах] сказал: «Где укусить?»

Когда [он] сказал «где?», шило укололо его в губы. Все пошли к очагу. [Мунгыскарчах] тоже направился к нему. Яйцо нацелилось в его глаза и залепило их золой. Все потащили [Мунгыскарчаха] под меч. Опрокинули его навзничь. Лягушка ударила [Мунгыскарчаха] по щеке. [Мунгыскарчах] вырвался, [но был пойман], вывален в золе и избит. В тот же вечер Мунгыскарчаха там убили. Конеч.

ПОЭЗИЯ

ПЕСНИ

57. * САЛАР САНЬ ШИ-ПА (ЙИР)

(Ха Ци-ме, женщ., 25 лет, род. в сел. Уллагыл, служащая.
Записано в сел. Уллагыл 9 мая 1957 г.)

Текст

Sałař San' Ŗi-pa
k'ou'ci tōiguči.
Sałař San' Za-gu
čalip vařkuči.
Kofťam āku
aľa qyskuči.
Qařa kūzyga
kořor jarařqan.
Torma turyga
tořtař jarařqan.
Zomor aneřa
kuřgu jarařqan.
Aľa inek'a
tana jarařqan.
Ŗitař pāřinta
han'si turguči.
Qar'gař pāřinta
čellān turguči.
Kaka-xanur — gō!
Leřki lořem — po!

Перевод

Салар Сань Ши-па,
делающий кобуз.
Саларка Сань За-гу,
играющая [на нем].
Девушка из Коштэма,
[мастерица] вырезать из бумаги.
Черному ягненку
хорош (букв. подходит) колокольчик.
Гнедому жеребенку
хороша (букв. подходит) кисточка.
Серой курочке
Хорош (букв. подходит) петушок.
Пестрой корове
хорош (букв. подходит) бычок.
На верхушке тальника
выросшие овощи.
На верхушке карагача
выросшие овощи.
Старший брат — го!
Тоненький [самый] младший брат — по!

58. В ВЕРХНЕМ СЕЛЕ --- ТЕЙ-ПО (ЙИР)

Текст

Ör' agyɫ Tei-po,
in'ʃagyɫ A-mo.
Sen-zü lanʃkigã ʃanlin',
ɬoto ʃaŋ pu ɬoze, zälé?

Перевод

[В] верхнем селе — Тей-по (мужч.),
[в] нижнем селе — А-мо (женщ.).
Ты же — на шее колокольчик.
На верблюда не погрузили. Что делать?

ПРОЗА

59. ИСТОРИЯ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ САЛАРОВ (ЛИШИ)

(Ма Му-хуже, мужч., 38 лет, род. в сел. Мынта, крестьянин.
Записано в сел. Алтиноли 27 июня 1957 г.)

Текст

Samarkandi tifaŋda Axmaŋoř pumif. Vu vaŋzy iratyř. Samarkandita Qaramaŋor pūmif. Vu vaŋzy iratyř. Iskysy vaŋzy čegeřmif.

Axmaŋnigi pēšine piř kiře uřyřy e'mif. Piř kiřinige kōlegini uřy ramif. Inji pu Axmaŋnige pēšine Qaramaŋnige piřinina qoi peimif. Pu iskysy xuaŋřoŋ hařinda čokeřmif. Axmaŋni pēšini Qaramaŋni peřina qoi peimif. Ane arasynda Axmanni pēšini kōlex pāřini arxasyna k'oteře xuaŋřoŋ hařina keimif. Qaramaŋnige pēšine Axmaŋnige pēřin hařinda otyramařadyr.

— Pisere kuitfin qoiřadyr, piser zuřa eteli!

Inji řatax ořut řirmif. Kic'i ořut to_ufaŋda o'mif.

Pisi sařarnigi kic'i ořuli to_ufaŋda o'qan kinzy mundan kiimif.

Piser sařarnigi řatax ořulini tařina čixarxusy kinzy mundan kiimif.

Řatax ořulina naŋ peimif? Tōve peimif. Semsem su piř zanyzi piimif. Semsem tōrax piř oman pimif. T'empinur peimif. T'iqy'zuř peimif.

— Puni ř'it ta sen orařař pař! Qařda tūilese, zemzem tōrax, zemzem su t'empina vuř, t'iqzyřa vuř! Qařda čyxsa, qařda tořsa, anda otyř!

Inji Samarkandidařy zepuř peimif. Zepasy san'ři pun Quran peimif.

— Puni řařaz'iqoma! Puni iřindegina eři ta k'ařta!

Pu ři zomunnige zepa eř ořan.

Anden tōvege řū'lāřinen řurmif. Inji «řima hařa zaŋvu» tese, «k'arma, hařa» teřa. «Taři t'ukku nima» tese, «hořtungi kārma» teřa. «Nizyř» tese, «nāzyř» teřa. «Nāzyř» tese, «piřeř» teřa. «Nizyř» dese, «iřky řil» deřa.

Piser sařar turkečinēnen řařasa, «nima hařa zaŋvu» tese, «kun čix kēgunčax, kun paqqunčax řiř» teřa. «Taři t'ukku nima» dese, «hortungi kārma» deřa.

Piser sařar turkečinēnen řařasa, «ař čix kēgūta otyř!» teřa, «ař pařqūta řiř!» teřa.

Anden řiri «qāřa je'miř?» tese, «ř'inza-Minzara je'miř» teřa.

Tyŋzyřa vursa, tyŋzy tořmif teřa. Piřne vursa, piř tořmif teřa. Anta piř kun o'mif teřa.

Tař'i (<taŋ atz'i) kēse, tōve xu'miř teřa. Xuqqana řixni vuržinen řurmif teřa. Anden řuržinen Peřjine je'miř teřa. Pu sařane piř čyqqy te piř vursa, semsem tōrax čyxmamif teřa. Tyŋzyřa vur čyxmamif teřa. Semsem sune tiŋzy, t'emp'iŋ iskysyna da vursa, čixmamif teřa. Attun ř'iž'inen su

Jarayan jerar teŕa. Kumuš c'izinen č'öp Jarayan jerar teŕa. Puŕyx säjani pu jöänjininen c'itaŕmamij teŕa.

Anden (Peizinden) jürzinen Lan'jouŕa je'mij teŕa. Lan'jou je tutu o'qan jerar teŕa. «Pu säjane piŕ čyqqy ta o'qý!»—teŕa. Aŕtun c'ic'i su piŕnagan jerar teŕa. Kumuš c'ic'i č'öp piŕnagan jerar teŕa.

Piŕna vursa, semsem töraŕ, semsem su, iŕkysy ta, čyxmamij teŕa. Tyŕzyŕa vuŕsa, semsem töraŕ, semsem su, iŕkysy da, čyxmamij teŕa.

Lan'jouden jürzinen Gan'za tese, je'mij teŕa. Öryn^y uçirsa, tizden tizeŕ teŕa. Eŕse uçirsa, piŕnden piŕaŕ teŕa. «Pu säjani qoi čyqqý ta, at čyqqý da, kölex čyqqý ta, maŕdan maŕ čyqqý da koŕieŕ tülägu rar te säjani čyqqý!»—teŕa.

Piŕne vursa, semsem töraŕ, semsem su, iŕkysy da, čyxmamij teŕa. Tyŕzyŕa vursa, semsem töraŕ, semsem su, iŕkysy da, čyxmamij teŕa. Aŕtun z'iz'inen su ta'pmaŕan jerar teŕa.

Kumuš c'ic'inen č'öp ta'pmaŕan jerar tera. Pu jüänjinnenen pu säjane c'itaŕmamij tera. Kan'za tizden jirjinen Siliŕa je'mij tera. Siliŕ je peg oxqu jerar tera. «Pu säjane piŕ čyxqý!»—tera.

Tyŕzyŕa vursa, tyŕzy toŕmur teŕa. Piŕne vursa, piŕ toŕmur teŕa. Semsem su, semsem töraŕ, iŕkysy ta, čyxmamij teŕa. Aŕtun z'iz'e su piŕnagan jerar teŕa. Kumuš c'ic'e č'öp piŕnagan jerar tera. Tinzy, tempina semsem su, semsem töraŕ čyxmagúŕa jüänjinenen pu säjane c'itaŕmamij teŕa.

Siliŕdan jürcinen Pejana je'mij tera. Ören uçirsa, mantony taŕar teŕa. Uifyx maŕ c'ic'i koŕieŕ t'ulagu jerar teŕa. Eifane uçirsa, mantony taŕar teŕa. A't zic'inen, kölex c'ic'inen koŕieŕ t'ulagu jerar teŕa. Aŕtun c'ic'i su jaryŕu jerar tera. Kumuš c'ic'i č'öp jarayu jerar teŕa. Tyŕzy, tempina vuŕsa, semsem töraŕ, semsem su, iŕkysy ta, čyxmamij teŕa. Pu jöän'jininen pu säjane z'itaŕmamij teŕa.

Pejandan jürzinen Kan'tu tese, je'mij teŕa. Öraŕar uçirse, piŕnden piŕnara. Eŕse uçirsa, tizden tizara. Janina uçirsa, ulli morenara. Anta uŕ kun o'mij teŕa. Aŕtun z'iz'inen su piŕnagan jerar teŕa. Kumuš c'ic'inen č'öp piŕnagan jerar teŕa. Tyŕzy, t'empina vuŕsa, semsem töraŕ, semsem su, iŕkysy ta, čyxmamij teŕa. Pu jöän'jinenen pu säjani z'itaŕmamij teŕa.

Kan'tu tizden jirc'inen Otuz-taŕqa je'mij teŕa. Ören^y uçirsa, piŕnden piŕnara. Eŕse uçirsa, piŕnden piŕnara. Aŕtun z'iz'inen su ta'pmaŕan jerara. Kumuš c'ic'inen č'öp tapmaŕan jerara. Tyŕzyŕa vuŕsa, semsem su, semsem töraŕ poŕzeŕ pümiŕ teŕa.

Piŕne vuŕsa, semsem töraŕ, semsem su, iŕkysy, poŕzeŕ pümiŕ teŕa. Anda o'mij teŕa. Vu keŕysy töjini jaŕa'mij teŕa. Pu piŕ amaŕ kiŕe xöpäne tiŕterzinen aŕex iz'ni tellemij teŕa. «Qaŕa pämiŕ?» tese, «O't-poŕnax tövüne eŕpämij» teŕa. Ot poŕnaxne o'tne közy tiŕqúŕa Ot-poŕnax temiŕa. «Anden töje qaŕa pämiŕ?» tese, «Aŕtüle jule paŕjinen je'mij» teŕa. Töjeni x^oarŕsa, xo^pmamij teŕa. Jüxne indermiŕ tera. Indergana töje ax taŕa pellenmiŕ teŕa. San'ŕi puŕ Qoranni meçitä qoimij teŕa.

Tyŕzyŕa vursa, semsem töraŕ, semsem su, iŕkysy ta, tommij teŕa. Piŕne vuŕsa, semsem töraŕ, semsem su tommij teŕa. Aŕtun c'ic'i su piŕnagan jerar tera. Kumuš c'ic'e č'öp piŕnagan jerar tera. Pu jöän'jininen pu Aŕtuli säjani z'iz'mij teŕa.

«Sunigi peŕkez'e qaŕidan keimij?» tese, «töje ja'qan, töjededen keimij» tera. «Ulli zama'tnigi peŕkez'e qaŕidan keimij?» tese, «san'ŕi puŕ Qorandan keimij» tera.

Aŕtuli je, tunŕaŕa kēse, paŕkenigi eiŕar teŕa. Avu tuŕuŕsa, ana tuŕuŕsa, Aŕtuli aŕxun paŕke oxu at koŕ peŕyuçi eiŕar teŕa. Aŕtuli je tun'adan jan'sa, yŕ kiŕ, qätyn kiŕnige ullisy, kicisy zynāze zaŕŕaŕuŕjiniŕge eiŕar tera. Aŕtuli

te ulli zamara't teṛa. Piser sāḥarnige kic'í xāzaṛa. Attūli je pirket pōṛan āṛyḥṭara, mōvāxā'p pōṛan āṛyḥṭara.

3'i-zy, 3'eṅṭaṅ tēse, t'ūige oṛuḥṭara. Tāfaṅnigi oṛuli 3'i-zyṛa Xūvu san'n'an' o'miḥ. Ōren^y uḥirsa, ulli xujara. Āṛaḥ jaḥṭa šaṅxō ec'í kōṅieṅ t'ūlagu jerara. 3'e-zy kifi šaṅxō e'ken jōānji myndan keimiḥ. Ēscen' uḥirsa, ulli morenara. Agas jaḥṭa fāsy paḥṭa ḥan'jōuṛa endere koṅieṅ t'ūlagu jerar te u sāḥani 3'iz'miḥa.

Jānina uḥirsa, pēxe qaḥara. Eṛtaḥ ec'ijuxar(=ju'par) vuṛe, sujaṅ vuṛe, pēsaṅ vuṛe kōṅieṅ t'ūlagu jerara. Īnji 3'e-zy tosqan. Seṅyr, seṅfaṅ tēse, ti eṛge oṛuḥṭara.

Ōren uḥirsa, tājuḥ tenz'ara. Zūnge ec'í pēqarax kiḡú, xōṛyn e'qú jerar te Seṅyr sāḥani 3'üz'miḥa. Ēiḥe uḥirsa, ulli murenara. Fāzy paḥṭa su zūmi kōṅieṅ tūlagu jerara. Pu jōānjineṅen Seṅyr kifi aṛaḥa jāmani myndan kēmiḥ. Seṅyr kifi jipizy pipi aṛaḥa tēpān ec'ipaḥ. Oḥaḥda seṛynteḥ fuḥṭameḥ. Īnji Seṅyr tosqan.

Jāzy-jāmyṅ tēse, tēseṅgi oṛuḥṭaḥ. Jāzy-jāmun ḥi joip'an, ḥip'annigi eḥsaḥ teṛa. Jāzy kifi jāmyṅ jiri kōṅiṅ t'ūlagu jerar teṛa. Ōryṅ^y uḥirsa, te't (tō't) qoḥṭur pūmiḥ teṛa. Pēḥin o'qúḥa jāmyṅ jirzineṅ tun'ia saḥṭaṛu jerar tera. Ēiḥe uḥirsa, t'ō't qoḥṭar tera. Pēḥin o'qúḥa jāmun jiri tun'ia saḥṭaṛu jerara te pu sāḥane 3'üz'miḥ teṛa. Īnji Jāzy tosmiḥ.

Suḥy, sūfāṅ tēse, ti syke oṛuḥṭaḥe. Ōren uḥirsa, piṅden piṅara. Zūnge ec'í koṅieṅ t'ūlagu jerara. Ōren uḥirsa, ēḥix 3'iz'3'e, inex 3'iz'3'e puzoḥa'ttyre, qōtyḥṭa'ttyre koṅieṅ t'ūlagu jerara. Ēiḥen uḥire zūnge ec'í koṅieṅ t'ūlagu jerara. Ēḥe uḥirsa, piṅden piṅara. A't 3'ize qoṭuḥṭa'ttyre, ysnu c'ic'e, o'ḥax, qo'uzy čyqqu jerara. Suḥy ḥi kō jere pāmaṛan kinzy myndan kēmiḥa. Suḥy ḥi Zūngenige eḥsara. Suḥy ḥi uḥyḥ malnige eḥsara. Suḥy ḥi eḥḥix qōtuḥṭaṛanige eḥsara. Suḥy ḥi mōḥen qyṛynda o'tsa da, mōḥennigi ḥeḥtesine zaḥṭāi joḥara. Oḥaḥdaṛy papaḥar fuḥṭamiḥa. Tosqan.

Перевод

В местности, [называемой] Самарканд, жил (букв. был) Ахманг. Он — князь. В [самом] Самарканде жил (букв. был) Караманг. И он — князь. Оба спорили из-за власти.

Один человек [из] рода Ахманга совершил кражу, украл чью-то корову. Род Ахманга возвел [клевету] на род Караманга. Оба они пожаловались правителю [Самарканда] (букв. преклонили колена). Род Ахманга начал [клеветать] на род Караманга. В это время [кто-то из] рода Ахманга вошел к правителю, неся на спине голову коровы. Род Караманга не [хотел] жить (букв. сидеть) рядом с родом Ахманга.

— На нас наклеветали, мы переселимся [отсюда]! [— сказал род Караманга].

Двинулся старший (букв. большой) сын [Караманга]. Младший (букв. малый) сын [остался] жить (букв. сидеть) на родине (букв. старом доме).

Наш саларов корень идет от него, т. е. младшего (букв. малого) сына [Караманга], который [остался] жить (букв. сидеть) на родине (букв. старом доме).

Наш саларов корень идет и от того старшего (букв. большого) сына [Караманга], который откочевал (букв. вышел наружу).

Что дал [Караманг] старшему (букв. большому) сыну? Дал верб-

люда. Дал чашку священной воды. Дал один оман¹ священной земли. Дал большие и маленькие весы.

— Возьми [все] это и ступай на юг (*букв. вверх*)! Где будешь сравнивать, [там] взвесь священную воду на больших весах и на малых весах. Где получится, где [вес] сравняется, [там] и живи (*букв. сядь*)! — сказал Караманг.

[Еще он] дал свидетельство о Самарканде. Свидетельство это — тридцать частей Корана.

— Не потеряй! Следуй содержанию его и [соответственно] поступи! — сказал Караманг.

Это и есть свидетельство веры.

Затем, погрузив [вещи] на верблюда, [старший сын] двинулся в путь. Если скажут: «йима хала зангву», [то] говорят: «кярма хала». Если скажут: «таши тукку нима», [то] говорят: «хортунги кярма». Если скажут: «низыг», [то] говорят: «назыг». Если говорят: «назыг», это означает: «один год». Если говорят: «низыг», [то это] означает: «два года».

Если говорить по-нашему, саларско-тюркски, «нима гала зангву» [означает]: «Передвигайся, [как только] солнце взойдет и [пока] солнце не сядет». Если скажут: «таши тукку нима», [то] говорят: «хортунги кярма».

Если говорить по-нашему, саларско-тюркски, [то это означает]: «[Пока] не взошла луна, делай привал [на ночлег]» и «Как взойдет луна, собирайся в путь!».

Если спросить, идя [дальше], куда пришли (*букв. добрались*), [следует] сказать: «Достигли Чинза-Минза». Взвесили на малых весах — вес сравнился, говорят. Взвесили на больших весах — вес [тоже] сравнился, говорят. Там остановились на один день, говорят.

На рассвете верблюд встал, говорят. На него погрузили [вещи] и двинулись [дальше], говорят. Достигли Пекина, говорят. Говоря: «Испробуем это место», взвесили [землю] на больших весах — [вес ее] оказался неравным [весу] священной земли, говорят. Взвесили на малых весах — [вес земли тоже] не сравнился, говорят. [Вес местной воды с весом] священной воды на малых и больших весах взвесили — [они] не сравнились. Это местность, где воду потребляют, расплачиваясь золотом, говорят. Это местность, где траву потребляют, расплачиваясь серебром, говорят. [По] этой причине такую местность [они] не могли использовать, говорят.

Выехав оттуда, [они] достигли Ланьчжоу, говорят. «Испробуем-ка это место, да поселимся (*букв. сядем*)!» — говорят. [Оказалось], это местность, где вода — на вес золота, говорят. [Оказалось], это местность, где трава — на вес серебра, говорят.

Взвесили на больших весах — [вес местной земли и воды с весом] священной земли и священной воды не сравнились, говорят; взвесили на малых весах — [вес местной земли и воды с весом] священной земли и священной воды [тоже] не сравнились, говорят.

Выехав из Ланьчжоу, [они] достигли Ганьчжа, говорят. Посмотреть на юг (*букв. вверх*) — ровным-ровнехонько, говорят. Посмотреть на север (*букв. вниз*) — ровным-ровнехонько, говорят. «На этой местности овцы будут, кони будут, коровы будут, скот будет плодиться — можно будет жить (*букв. проводить время*)», — сказав, [они решили]: «Испробуем-ка это место!», говорят.

Взвесили на больших весах — [вес местной земли и воды с весом]

¹ Оман — мера веса, равная 0,5 кг.

священной земли и священной воды не сравнивались. Взвесили на малых весах — [вес местной земли и воды с весом] священной земли и священной воды не сравнивались, говорят. Это местность, где воду и за золото не найдешь, говорят. Это местность, где траву и за серебро не найдешь, говорят. [По] этой причине эту местность [они] не могли использовать, говорят.

Выехав из Ганьчжаской равнины, [они] достигли Синина, говорят. Синин — место, достойное для жизни (*букв.* сидения) князя, говорят. «Испробуем-ка это место!», говорят.

Взвесили на малых весах — веса не сравнивались, говорят. Взвесили на больших весах — веса [тоже] не сравнивались, говорят. [Вес] священной воды и священной земли не сравнился [с весом местной воды и земли], говорят. Это местность, где вода — на вес золота, говорят. Это местность, где трава — на вес серебра, говорят. На малых и больших весах [вес местной воды и земли с весом] священной воды и священной земли не сравнились — по этой причине [они] не могли использовать эту местность, говорят.

Выехав из Синина, [они] достигли Пейяна, говорят. Посмотреть на юг (*букв.* вверх) — гора как пампушка, говорят. Местность, где можно жить (*букв.* проводить время), выращивая мелкий скот, говорят.

Посмотреть на север (*букв.* вниз) -- гора как пампушка, говорят. Местность, где можно жить (*букв.* проводить время), выращивая коней и коров, говорят. [Но] это местность, где воду потребляют, расплачиваясь золотом, говорят. [Но] это местность, где траву потребляют, расплачиваясь серебром, говорят.

Взвесили на малых и больших весах — [вес местной земли и воды с весом] священной земли и священной воды не сравнивались, говорят. [По] этой причине [они] не могли использовать эту местность, говорят.

Выехав из Пейяна, [они] достигли Ганьду, говорят. Посмотреть на юг (*букв.* вверх) — ровным-ровнехонько. Посмотреть на север (*букв.* вниз) — ровным-ровнехонько. Вблизи посмотреть — большая река. Там [они] остановились на три дня, говорят. [Но] это местность, где вода — на вес золота, говорят. [Но] это местность, где трава — на вес серебра, говорят. Взвесили на малых и больших весах -- [вес местной земли и воды с весом] священной земли и воды не сравнивались. По этой причине [они] не могли использовать эту местность.

Выехав из Ганьдуской равнины, достигли [местности] Отуз-таг, говорят. Посмотреть на юг (*букв.* вверх) — ровным-ровнехонько. Посмотреть на север (*букв.* вниз) — ровным-ровнехонько. [Но] это местность, где воду и за золото не найдешь. [Но] это местность, где траву и за серебро не найдешь. Взвесили на малых весах — [вес местной воды и земли с весом] священной воды и священной земли примерно сравнились, говорят.

Взвесили на больших весах — [вес местной земли и воды с весом] священной земли и священной воды примерно сравнивались, говорят. Там остановились, говорят. В тот вечер потеряли верблюда, говорят. Группа людей с факелами пошла по его следам. Если спросить: «Куда добрались [эти люди]», [то следует] сказать: «[Они] спустились к [подножью горы] От-пойнах. Здесь зажгли костры (*букв.* зажгли огненные угли), [поэтому] и назвали [эту местность] От-пойнах». Если спросить: «Оттуда куда пошел верблюд?», [следует] сказать: «Верблюд, пойдя, добрался до источника в Алтули. Пытались поднять верблюда, [но он] не встал, говорят. Сняли [с него] груз. Как только сняли груз, верблюд превратился в белый камень, говорят. Тридцать частей Корана отнесли в мечеть, говорят».

Взвесили на малых весах — [вес местной земли и воды с весом] священной земли и священной воды сравнялись полностью, говорят. Взвесили на больших весах — [вес местной земли и воды с весом] священной земли и священной воды полностью сравнялись, говорят. Это местность, где вода — на вес золота, говорят. Это местность, где трава — на вес серебра, говорят. По этой причине [они решили] использовать эту местность Алтули, говорят.

Если спросить: «Откуда нисходит милость [в отношении] воды», [то следует] сказать: «[Она] нисходит от места, где лежит верблюд, от верблюда [самого]!» Если спросить: «Откуда нисходит благодать великой общины», [то следует] сказать: «[Она] нисходит от тридцати частей Корана!»

Если кто-либо родится (*букв.* явится миру), в Алтули — мастера молить, говорят. Родится сын, родится дочь — алтулийские ахуны мастера читать молитвы и давать имена [новорожденным], говорят. Если кто-либо умрет (*букв.* уйдет из мира), в Алтули — мастера заупокойных [молитв] по мужчинам и женщинам, старым и малым, говорят. Алтули — великая община, говорят. Это наш саларский малый хадж. Алтули — [одно из] благословенных и любимых слений.

Если говорить о Чицзы, [то там] — первые сыновья от первой жены [старшего сына Караманга]. Сын старшей жены поселился в Чицзы в третьем году правления периода Хунну (Миинская династия, т. е. 1371 г.).

Посмотреть на юг (*букв.* вверх) — опромный лес. Местность, где можно жить (*букв.* передвигать время) рубкой леса и обработкой дерева. Способности к обработке дерева у населения (*букв.* людей) Чицзы происходят отсюда. Посмотреть на север (*букв.* вниз) — большая река. В этой местности можно жить (*букв.* передвигать время) переправой на плотах, вплоть до Ланьжю.

Посмотреть вокруг — высокие скалы. Места, где можно жить (*букв.* передвигать время), охотясь, добывая мускус, добывая диких баранов и диких коров. О Чицзы — все.

Если говорить о Сенгыре, [то там] — вторые сыновья от второй жены [старшего сына Караманга]. Посмотреть на юг (*букв.* вверх) — местность, где много воды. Сенгыр — место, где [люди] обрабатывают землю, хорошо одеваются и благоденствуют. Посмотреть на север (*букв.* вниз) — большая река. Место, где можно жить (*букв.* передвигать время) переправой на плотах и купаясь в воде. По этой причине люди Сенгыра мастера по дереву (*букв.* злы к дереву). От поколения к поколению они занимаются обработкой дерева. В прежние времена и предки занимались [тем же]. О Сенгыре — все.

Если говорить о Язы-ямыне, [то там] — третьи сыновья [от третьей жены старшего сына Караманга]. Язы-ямын — административный центр. Люди Язы говорят, [что это] — место, где можно жить (*букв.* передвигать время), занимаясь управленческими [делами].

Посмотреть на юг (*букв.* вверх) — [там] четыре речки, говорят. Со времен поселения народа это — место, где можно проводить время (*букв.* мир), занимаясь правительственными [делами], говорят. Посмотреть на север (*букв.* вниз) — [тоже] четыре речки, говорят. Со времен поселения народа это — место, где можно проводить время (*букв.* мир), занимаясь правительственными [делами]. О Язы — все.

Если говорить о Сучжы, [то там] — четвертые сыновья от четвертой жены [старшего сына Караманга]. Посмотреть на юг (*букв.* вверх) — ровным-ровнехонько. Место, где можно жить (*букв.* передвигать время), занимаясь земледелием. Посмотреть на юг (*букв.* вверх), [то это] — место, где можно жить (*букв.* передвигать время), выращивая коней, ко-

ров и осликов. Посмотрев на север (букв. вниз), [следует сказать, что это] — место, где можно жить (букв. передвигать время), занимаясь земледелием. Посмотреть на север (букв. вниз) — ровным-ровнехонько. Место, где держат, выращивают коней, [а также] выращивают мелкий скот — козлят, ягнят. В Сучжы — коренное население, которое никуда не переселялось. В Сучжы — мастера земледелия. В Сучжы — мастера [по разведению] мелкого рогатого скота. В Сучжы — мастера по выращиванию осликов. Сучжы хотя и находится на берегу реки, но [люди] не получают никакой пользы от реки. В прежние времена деды поступали так же. Конец.

СКАЗКИ

60. * ВСЕ ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ (ТОМБАХ)

(По словам рассказчика, это китайская сказка, слышанная им от стариков-саларов в Чицзы)

(Ма Му-хуже, мужч., 38 лет, род. в сел. Мынта, крестьянин.
Записано в сел. Алтполи 27 июня 1957 г.)

Текст

Pösyř pūmif. Ninusuř pūmif. Aḡa anuř pūmif. Nene bosyř pumif. Aḡa avuř pumif. Ane anasini avuḡa peimif. Vu ana xutu jāc'ux pumef. Kijosy sāz'ixqa pāmeḡ. Sāz'ixqa parjīnen sēkes jīł janmamif. Pu qātyn kic'ux heř kune mijoḡa baš vurma pāmeḡ. Tyssy kałāmif, xāxyt kałāmif. Ene keḡjuni kiḡi te kałāmif.

Īnji nene piř pař kifniḡi avusy heř' kun'i pu qātyn kiḡa uciřpadyr. Pu ana ġirigene pu avu mijoquvaḡ haġina parjīnen: «Pu qātyn kiḡi qaıda-ḡatyr?—tiġinen sorpātyř. — Pu heř kuni mijoḡva kēpatyř. Naḡ ež'z'i kēpař?»

Pu mijoḡuvaḡ jaišac'i: «Puni kijūsy sāz'ixqa parzi. Sēkys jył janmameḡ. Īnzi par mu jox mu teiġinen jaxši kałāpātyř».

Arzigune pu ana tyssy, xāxyt kałāma kiimif. Miġokuan sormif: «Sen kijoj kelto mu, kēmiži?»

— Mē kijom kēmiži, č'iḡ ta kēmiži!

Anten ana janmif. Avu kiimif. Avukiġzīnen miġokuana jaišamif: «Maḡa pune jařā-dy ḡē!»

Pu miġokuan jařfamif: «Jaxši kałāḡan qātyn kiḡni naḡ te saḡa jařfa kiḡuř?»

Avu jařfamif: «Men saḡa heli xutu peiḡil!»—timeḡ.

— Men jařsaḡy ta paqqy!—timif.

Arzikuni ana kēmif. Miġokuan jařfamif: «Meni pāfinda piřtur paḡtýř!»—temif. Sanzy sonux'n'e k'oguga čaḡnaġinen tizex zijine qoimif. Kōrż'ūxurni fuřjīnen unduḡi z'ine qoimif. Piř-piř teringende pu iġkysy tōiřmif.

Pu ana miġokuana sormif: «Seni tōjuřkeni naḡdyř?»

— Men saḡa jařfamas!—teimif.

— Sen jařfa!—teimif.

— T'ct'e, saḡa jařaḡusy emestyř. Saḡa uje't. Men jan'jařmaḡatyr:

— Jařfami na'kuř? Men ta qātyn kiḡatyr, sen te qātyn kiḡadyř!

— Īnzi sen oḡḡa pař. Ētesy erké. Men saḡa jařaḡy!

Īnzi avu kiimif, miġokuana sormif: «Pu qātyn kiḡi onaḡar mu, onama-ḡar?»

Miġokuan jařfamif: «Sen maḡa heli k'op perse, men saḡa jařfa kiḡil!»

Pu avu heli aḡa xutu peimif. Arzi ana kiimif. Tyssy kaḡamif, xaxyt kaḡamif. Kaḡa pōjinen mijokuaḡ haḡine kiimif. Mijokuan, iskysy, k'a'č'ataḡmif. — Kejigi k'a'č'ane maḡa jaḡa!

Mijokuan jaifamif: «Men kec'iz'uxten mijuta jaxši kaḡamij. Piḡ kiḡa ta soḡanmamif. Inḡi men xarimif. Xaḡyḡana aḡryx k'op padyi. To^vkeni uva-dyr (<vu padyr)!»

Vu qatyn kiḡi jaifamif: «Men kemosayḡa piḡ soḡansa, soḡaḡyḡi. Soḡan-masa, xaryḡu — aḡi^p padyr! Jana sen maḡa (kem vōsane) piḡ istè-de ḡé!»

Mijokuan jaifamif: «Izy jaxši kaḡḡagan kiḡi, qaiḡa isti kēguḡ? Ijeḡ iste!»

Pu qatyn kiḡi jaifamif: «Men jipizy kō čyxmaḡan kiḡi, men qatá iste paḡuḡ?»

— Inḡi sen jan-da bār. Eḡtysy munda o'qusy è't-ta ḡé!

Eḡtysy qatyn kiḡi keimif. Xaxyt kaḡamif, tyssy kaḡamif. Pu mijokuan, iskysy, k'a'č'a jaḡamif, ča ifmif. Mijokuan paržinen avuḡa: «Puḡozi (<pugun keze) ké!» — tejinen jaifamif.

Ezy tāfina čyxpaḡānā: «K'aḡ pas!» — teimif. Aná ma mijokuaḡ, iskysy, ja'mif.

Ja'qana mijokuaḡ: «Meni xusaḡym aḡyrdyḡi! — teimif, — men mōkana paḡu kelegar!» — temif.

Mijokuan paržinen avune (// avuḡa): «Ananč kaḡ pas!» — teimif. Avu paržinen pu qatyn kiḡni pasmif. Pu qatyn kiši zyqyramif. Mijokuan pāmif. Paržinen pu iskysyne z'ūz'mif.

— Piser jaxši kaḡḡagan mijota sen iskysyḡ pelisi if e'kadyr! Eḡtysy men lēḡa jeifaḡutyḡi!

Pu ana: «Heli elli tāsyḡ peigi! — temif, — kiḡa jaifaquma!» — demif.

Avu mijokuaḡa jaḡamif: «Kiḡa jaifaquma! Men saḡa heli xutu peigi!»

Mijokuan jaifamif: «Heli maḡa permese, men zyḡtaḡa jaifḡutyḡi!»

Arzikune avú ma ana, iskysy, helini akeižinen mijokuaḡa perzi. Mijokuan jaifazi: «Eḡeden mijoḡa kēquma! Qaiḡa e'sse, e't!»

Inḡi pu yḡ kiž'ux anani ojyna her kuni pāmif. Pir kejesuḡ avu arxanz'ux ja'mif. Oḡaxar z'ixuḡmif. Z'ixučaḡy tāḡuḡa tegmif. Aná ma avu pilmemif.

Anden anani kijusy keimif. Je'c'inen vu ečixke učirmif. Učirz'ānā z'uḡčixne kormif. Pu avu keinina jaifazi: «Oje kem keiži? Pu soḡyḡte kem jač'c'ip?»

Ana jaifazi: «Piḡ kiḡ ta kēmezi. Sen paḡanden me jaḡuzum jaž'z'e!»

Avu jaifazi: «Inḡi sen arxanz'ux ja't. Sen ečixke z'ixor!»

Než'z'i z'ixorsa, ečixke je'teraḡmamif.

Pu avu sorzi: «Ije kō čix parsā, soḡanpaḡ. Sen qatyn kiḡi jaḡuzuy o'ssa, kiḡa soḡanar. Sen maḡa z'inž'uguni jaḡa! Men seni vaḡmaḡy!»

Pelegúḡa qatyn kiḡi jeifazi: «Men her kune mijoḡa tyssa kaḡama parzi.

Mijokuan pāfinda pit paḡperzi. Pit paḡ perse, to^vḡityḡ. To^vḡiqúḡa men sorzi.

— Men oxaḡda kiḡa soḡanmaḡúḡa to^všipaḡ!

— Etigúḡa maḡa kiši isti-te ḡé! — teiži, — men piḡ soḡaḡyḡi!» tiži.

Kijosy jaḡazi: «Eḡe u kic'uxne keite. Kēgúḡa ani c'ilne sen c'illétoḡot Kijo sāž'ixqa parzi te z'illemese, men seni ulterḡutyḡi!»

Qatyn kiḡi anigi z'ilini c'illec'i. Puni kijosy u kijesy paržinen mijokuaḡni ultermif. Ulteržinen aḡzyna pu kizuxni c'ileni qoiḡkeimif. Mijo kōne uf t'ōt kun aḡmamif.

— Pu kōne mijokuan nēḡē ašixtyḡaḡ je? Mijokuaḡne paḡmar — nešleḡ e'mif?

Tamden enparjinen paḥmā pāmif. Parsa, mijokuanne ultermif. «Inji aḡytnige mijokuanne kem ultermif» — te ište pāmif.

Inji taluiḡa čūḡme pāmif: «Pesernigi mijokuanimne kem ultirzi, ultermif?» Jamyn kifi iḡ keimif. Jaḡyni zaḡāmif. Čaḡasa, aḡzynda c'itḡur pumif. Inji pu z'il joḡmaḡučini ištegelif!

Aḡytni juḡmif. Yř kiři, qātyn kiři, ulli, kic'i — man juḡmyř. Juḡzinen yzdanigi c'illeni uçirmif. C'ille čixkeimemif. Inji kifini paḡmif. Kiřini paḡsa, morannigi řojesi kēmemif. Ojyna čaḡamā pāmif. Parsa, c'illi joḡmaḡan, keḡaḡmamif. Teku paḡḡajinen āparmif. Inji muḡa sormif: «Sen mijokuanni neřliče ulterc'i?» C'eli joḡmaḡana jaḡa pilmemif. Puni ultermif.

Piř kunof anani kijosy keinina jařamif: «Apā ma ijane čaḡa-dy gē! Men sāz'ixtan keiřinen jařiz'ux ča vuř tyḡna!»

— Men apā ma ijane čaḡa kiřgi!

Čaḡa kiřinen čosy ča iřmif. Keřojinen (<keř pōjinen) ojyna pāmif. Arzikune keinina nene jařamif: «Apā ma ijane čaḡa-dy gē-da sormur ičelē!»

Ijařy ma apasy kiřmif. Pučosy piř jerte sorma iřmif. Keinine sorma kāḡa syttyrma juřmif. Kiřusy pařjinen ajaḡynee piř taḡmajinen sorma kāḡa tōḡuzy ender juřmif. Ezy keiřinen sogute o'mif. O'tz'inen: «Sorma āḡ-dy gē!» — de keinini čaḡāmif. Keini ulmif.

— Nene kē joḡtyroḡ — de paḡma pāmif. Paḡma parsā, kiřni ulmif. Inzi ezy juḡḡameř. Ijařy ma apasy avune čōllāmif: «Juḡḡaḡoma, azisy joḡmasa ta, siḡnine peiřgi!»

Pu avu onamamif. Inji mune pu avunigi čisei jamanatyř. Mijokuanne ultermif. Avu keinine hem ultermif. Keinilige nōhūřine hem ultermif.

Keinini siḡnine kēn peimif. Siḡni azisy na xsa da c'emenadyř! Avu: «Men kelemes, men keinym uljinen, men kein aḡmas!» Apāřy ma ijařy jařamif: «Uḡḡuči o'řsa ta, almi neřqur?» — temif.

Inji pu siḡnine almif. Pu z'uričixtan zaḡazinen uř kifnige jařni almif. Pu avu keinur aljinen o'mif. Oḡurunden iř kaḡḡaḡuči qāḡaḡda vōsa, aje^f p čyḡ keler. Pu uř kifnigi zusyne poḡḡāmif. Tosmif.

Перевод

Были старик и старуха. У них была дочь. Был еще старик. У него был сын. [Старик и старуха] выдали свою дочь за юношу. Девушка была очень красивой. Муж ее уехал торговать и не возвращался восемь лет. Женщина каждый день ходила в монастырь молиться. Возжигала ароматные свечи и бумагу. Все это делала для того, чтобы ее муж вернулся [домой].

И еще сын одного богатого человека каждый день смотрит на эту женщину. Однажды, подойдя к служанке монастыря, он спрашивает [у нее]: «Откуда эта женщина? Она каждый день приходит в монастырь. Зачем [она] приходит?»

Служанка ответила: «Ее муж уехал торговать. Восемь лет [прошло, (он все еще) не вернулся. [Она] ревностно возжигает ради него (букв. говоря, есть ли он, нет ли)».

На следующий день женщина [снова] пришла возжигать свечи и бумагу. Служанка спросила: «Твой муж приехал или нет?»

— И муж не приехал и письма нет! — [ответила женщина]. Затем она ушла. Пришел юноша и сказал служанке: «Позови мне эту [женщину]!»

Служанка сказала: «Зачем тебе звать женщину, которая [так] хорошо молится (букв. возжигает)?»

Юноша сказал: «Я дам тебе много денег!»

— Попробую позвать [ее]! — сказала [служанка].

На другой день женщина пришла [опять]. Служанка сказала: «Понщи у меня в голове!» Сама [она] положила под колени себе мешочек с разбитой чашкой, а под себя положила, надувши, мочевой пузырь. Когда [она] двигалась, эти вещи издавали звуки.

Женщина спросила у служанки: «Что у тебя звенит?»

— Я тебе не скажу! — ответила [служанка].

— Скажи! — попросила [женщина].

— Госпожа, не буду тебе говорить. Ты застыдишься. Я не могу сказать! — [сказала служанка].

— Почему не сказать? Я женщина и ты женщина! — [сказала женщина].

— Сейчас ты ступай домой. Завтра приходи пораньше. Я тебе объясню! — [сказала служанка].

Пришел юноша и спросил служанку: «Согласится эта женщина или нет?»

Служанка ответила: «Если дашь мне много денег, позову тебе [ее].»

Юноша дал [служанке] много денег. На следующий день пришла женщина. Зажгла свечи, бумагу. Кончив возжигать, [она] отправилась к служанке. Обе разговорились.

— Скажи мне, что вчера обещала, — сказала женщина.

Служанка сказала: «Я с детства усердно молилась (*букв.* возжигала) в монастыре. Ни с кем не согрешила. Теперь вот состарилась. От старости много болезней [происходит]. Звенит — тоже от этого!»

Та женщина сказала: «Если согрешу с кем-нибудь, ну и пусть! Не согрешу — старость окажется виной [всех болезней]. Найди мне кого-нибудь!»

Служанка сказала: «Я сама — усердно молящийся человек. Где [я тебе] найду? Сама ищи!»

Женщина сказала: «Я с детства не перешагивала порог, куда я пойду искать?»

— Ступай пока [домой]. Завтра приходи сюда ночевать! — сказала служанка].

На следующий день женщина пришла [снова]. Зажгла бумагу, свечи. Она и служанка говорили, пили чай. Служанка пошла и сказала юноше: «Приходи сегодня вечером!» Выходя [от него], она сказала: «Возьми [ее] силой!»

Женщина и служанка легли [спать]. Служанка сказала: «У меня живот заболел. Я должна выйти!»

Служанка пошла и сказала юноше: «Возьми [ее] силой!» Юноша, войдя, набросился на женщину. Та закричала. Явилась служанка и схватила их.

— В монастыре, где мы усердно молимся (*букв.* возжигаем), вы занимаетесь таким делом! Завтра я всем расскажу! — сказала служанка].

Женщина сказала: «Дам [тебе] пятьдесят тасыров, [только] никому не говори!»

Юноша умолял служанку, [говоря]: «Никому не рассказывай, я дам тебе много денег!»

Служанка сказала: «Коли не дадите денег, расскажу [всем] односельчанам!»

На другой день юноша и женщина принесли деньги и отдали [их] служанке.

Служанка сказала: «С завтрашнего дня не приходите [больше] в монастырь! Где хотите, там и делайте [свои] дела!»

И вот мужчина каждый день [повадился] ходить домой к женщине.

Как-то вечером юноша лежал на спине и [вдруг] плюнул вверх. Плевок попал в балку на потолке. Женщина и юноша [ничего] не заметили (букв. не знали).

Приехал муж женщины. Когда [он] лег, то посмотрел на потолок. Увидел плевок. Он сказал жене: «Кто приходил сюда? Кто лежал на кане?»

Девушка сказала: «Никто не приходил. Как ты уехал, я лежала [всегда] одна!»

Юноша сказал: «Ложись-ка на спину и плюнь в потолок!»

Сколько раз женщина ни плевала, [ни разу] не могла попасть в потолок.

Юноша спросил: «Я уехал, и ты согрешила. Если вы (букв. ты) женщины живете (букв. сидите) одни, то впадаете в грех. Ты мне правду скажи! Я не стану тебя бить!»

Женщина ответила так: «Я каждый день ходила в монастырь возжигать свечи. Как-то поискала в голове служанки [монастыря]. [Служанка] стала издавать звуки. Я спросила [об этом].»

— Раньше я ни с кем не согрешила, [вот] и издаю звуки. [— сказала служанка].

— Коли так, приведи мне кого-нибудь, я разок согрешу! [— сказала я].

Муж сказал: «Завтра приведи того человека. Как придет, откуси ему язык. Если сказав: „Муж уехал торговать“, не откусишь [ему язык], я тебя убью!»

Женщина откусила язык тому [человеку]. Муж той [женщины] в тот же вечер пошел и убил служанку [монастыря]. Убив, вложил ей в рот язык того человека. Монастырь не открывали три-четыре дня.

— Почему служанка не открывает дверь? [— думали люди].

[Они] перелезли через стену и пошли посмотреть, что делает служанка. [Оказалось], что ее убили. Сказав: «Кто же убил служанку?», начали искать [ее убийцу].

Пошли жаловаться (букв. преклонять колена) большому чиновнику: «Кто же убил нашу служанку [в монастыре]?» Из ямына пожаловал человек. [Он] осмотрел рану [служанки] и обнаружил у нее во рту [чей-то] язык. «Надо поискать человека, не имеющего языка!»

Собрали [все население] деревни. Мужчин, женщин, старых и малых — всех собрали. Начали осматривать у односельчан языки. Без языка среди них не оказалось. Стали считать (букв. смотреть) людей. Оказалось, что не пришел сын такого-то князя. Пошли пригласить его. [Он] был без языка, [потому] и не мог прийти. Тут же связали его и повели. Его спросили: «Почему ты убил служанку [монастыря]?» Не имея языка, [он] не в состоянии был говорить. Его убили.

Однажды муж сказал жене: «Пригласи отца и мать! После возвращения мне надо [их] хорошенько угостить!»

— Я позову отца и мать! [— сказала жена].

[Отец и мать] пришли, и все угостились. Вечером [они] отправились домой. На другой день [муж] снова сказал жене: «Пригласи отца и мать, будем пить сорму!»

Мать и отец пришли. Все пили сорму. [Муж] послал жену набрать сормы из чана. Сам [незаметно] подошел и ударом ноги свалил жену вниз головой в чан с сормой. [Затем] вернулся и сел на кан. Севши, крикнул жене: «Принеси сорму!» Жена-то умерла.

Сказав: «Что-то не идет!», [он] пошел посмотреть. Пришел, [а] жена умерла. Вот он заплакал. Мать и отец [начали] юношу утешать: «Не плачь! Пусть нет у нее старшей сестры, отдадим [тебе] младшую!»

Юноша не соглашался. [Но] он — очень ловкий [человек]! Служанку [монастыря] убил. Жену свою убил. И ее любовника убил.

Выдали за него младшую сестру жены. Младшая еще красивее, чем старшая! Юноша говорил: «Я не хочу! После смерти жены я не женюсь!» Отец и мать сказали: «Кто умер, тот умер. Почему не жениться!»

Юноша женился. Из-за плевка [он] погубил три души! Женившись [еще раз], юноша зажил [по-прежнему]. У делающего [что-либо] тайком вина когда-нибудь да обнаружится! Конец.

61. * ИСКУСНЫЙ ЛЕКАРЬ (ТОМБАХ)

(Ма Му-хуже, мужч., 38 лет, род. в сел. Мынта, крестьянин.
Записано в сел. Алтиюли 24 июня 1957 г.)

Текст

Üxatda piř bar kiři posyř vumiř. Aņa anuř vumiř. Anasy čiqnamiř.
Čiqnařana ařyryx tegmiř. İnji aņa t'üzü sařamiř apasy: «Ananıgı ařyry-
ryne kem poıtyrsa, aņa k'ën begütyri!»

İnji piř kiři pařjinen t'üzyny tātamiř. Tātajinen apasy pu kiřine pař-
ta pamiř. İnji ča ičeimiř. Pu kiři jařamiř: «Jet'i juř susyny at-dy ge! Uř
xantonige tor ařyny at-dy ge! Uři tēranige susyny at-dy ge! Jec'i murennige
qarıřqan susyne at-dy ge! Jet'i tejaņnige tcmuř puxne at-dy ge! Jec'i
ařařci zāsini at-dy ge! Jec'i očyx kulini at-dy ge! Jec'i tuxņige pokune
at-dy ge! Jec'i i'ınige pokune at-dy ge! Jec'i zıjjaņ at'dy ge! Jec'i qylıř
at-dy ge! Jec'i pō at-dy ge! Jec'i c'ita at-dy ge! Jec'i ux at-dy ge! Jec'i
yř kiř čařa-dy ge! Jec'i qatyn kiře čařa-dy ge! Jec'i ana čařa-dy ge! Jec'i
qamče at'dy ge!»

İnji pu anāne pu kiři pařmiř. Jukāne ičtermiř. Jec'i kun pařmiř. Jec'i
keře pařmiř. Pu ana ařyryry pořumiř. İnji ku kiř'uxke naņ kerigine peimiř!
Anāsyne ořu peim ř. İřkisy laņku c'iqnamiř. Apāsy naņ keregine kořta-
mamiř.

İnji punıgı fařvu t'enž'ine zořtamiř. İnji pu anā ma avu, iřkisy xuaņt-
'ořa otyře avunı ojuna jaņmiř. Kumuřne juxlem.ř. Pu avuga xun'aņor
pořumiř.

Pu avuga xun'an sormiř: «Neřlic'i kumuřne akeřze? Pu k'ene neřliži
akeřze?»

— Mem pu anānige ařyryryne pořtyrže. Ařyryry pōřana maņa k'ën
taņnaži. Pu kumuřne maņa perži. Pelıgı z'iqnaži!

Pelıgı ojynda paņguje otcinan ananı ojına jaņ'zi. Tosmiř.

Перевод

Давным-давно был один старик. [У него] была дочь. Дочь выросла да заболела (букв. болезнь коснулась). Отец дал объявление: «Кто вылечит дочь от болезни, тому [он] отдаст ее в жены».

Некий человек сорвал [это] обьявление (т. е. согласился с условием). Отец привел этого человека домой. Напоил его чаем. Человек сказал: «Принеси воду [из] четырех источников! Принеси землю оттуда, где пересекаются три дороги! Принеси воды [из] большого моря! Принеси смешанной воды [из] семи рек! Принеси железный шлак [от] семи кузнецов! Принеси [деревянные] стружки [от] семи мастеров по дереву! Принеси золу [из] семи очагов! Принеси помст семи кур! Принеси навоз семи псов! Принеси семь свеч! Принеси семь мечей! Принеси семь ружей! Принеси семь пик! Принеси семь стрел! Позови семь мужчин! Позови семь женщин! Позови семь девушек! Принеси семь плетей!»

Человек осмотрел дочь [старика]. Все заставил выпить. Семь дней смотрел. Семь ночей смотрел. Девушка поправилась. [Старик] отдал юноше то, что требовалось. Свою дочь, прочитав [молитву], отдал. Они стали супругами. Отец отдал еще не все, что требовалось [молодым]. Но вот [он] вручил им дом и пашню. Девушка и юноша, сев в паланкин, отправились к юноше домой. Взяли с собой (букв. погрузили) серебро. У юноши была мачеха. Юношу мачеха спросила: «Зачем привез серебро? Жену зачем привез?»

— Я эту девушку вылечил от болезни. По излечении ее дали мне в жены. И серебро мне дали. Так получилось, [— ответил юноша].

Прожив в [этом] доме полмесяца, [молодые] вернулись в дом девушки. Конец.

62. * ВЕРНОСТЬ ДОЧЕРИ (ТОМБАХ)

(Ма Му-хуже, мужч., 38 лет, род. в сел. Мынта, крестьянин.)

Записано в сел. Алтиюли 24 июня 1957 г.)

Текст

Piř bař kiři vāra. Ana uř vumiř. Apasý ma iřasy, iřkisy, soriřmiř: «Pu anařar'ne řařa-dy gē! Inři pu anařarā sorale piřer!»

Ziřax anařa sořmiř: «Iřé ma aranénen lēme iřpar mu? Kemnénen lēme iřpar?»

Nene řtanři anařa sormiř: «Kemnénen lēme iřpar?»

Inři kič'i anařa sormiř: «Kemnénen iřpar?»

Inři puřosy řařař'miř. Iřá ma ara, iřkisy, soruřmiř. Āřzugune zāřyx anane řařamiř.

Ziřyx anařa sormiř: «Kemnénen lēme iřpar?»

Ziřyx ana řan'jamiř: «Men iřá ma aranénen lēme iřpar! Pekarař kiřpar!»

Inři řtanři anařa sořmiř: «Kemnénen lēme iřpar?»

— Ará ma iřanénen lēme iřpar!

— Kemnénen pekārař kiřpar?

— Iřá ma aranénen kiřar!

Kič'i anařa sormiř: «Sen kemnénen lēme iřpar?»

— Men Xutanénen lēme iřpar!

— Sen kemnénen pikārař kiřpar?

— Men Xutanénen pekārař kiřpar!

Iřasý ma apasy, iřkisy, āřyřy keři. Kiči anane vāřy qořta řurzi. Aziřý ma sygnénen, řosy, řa iřterzi. Iřá ma ara sořinzi(// sořinzi). Iřkysyna pekārař tix perzi. Puřosy řařyři.

Iřasý ma apasy soryři: «Zāřyx anane par kiřa beři! O'tanzi anane pař kiřa beři! Kič'i anane jox kiřa beři! Voņbeinři arč'ina erigi ta lēme ičk'i! Voņbeinři arč'ina erigi ta pekārař kiřel!»

Piř kune qõya emex keleguče kēmiř. Kic'anane aņa peřmiř. Kiz'i ana soınmeř. Ana avunige enina tãxył'm.ř. Emex keleguči xõřum.ř. Ana avuřa jeřameř: «Sen men.gi kijumdyr, xõřuqoma! Seņ qaida o'ssa, meni pařta!»

Avu jařameř: «Men jüz'ugde õtyrpar!»

Ana, iřkysy, pãm.ř. Pařjinen qoř iřindege vaņbeiler qařmiř. İnji pař kiřnige anasine piř vaņben pařta kiım.ř.

— Par kiři erolene anasıne iřtemē kēyũta erulene ũt'terer. Mali qař!

Bu ana jüz'ugkõdayy vãzane tēremēř. Pu vaņbeiler k'ũm.ř. İnji pu vãřa bir kedane peřmiř.

— Sen kētořa pař' ta, ulli pusuřa pãr ta puni pēr ta atur ař! Unden piř jũx' jũx'lã! Ejiņa pekãrax jito ař ta kitegeř!

Pu vaņben kulmiř: «Maņa čũvãndãn bir kedany peřjinen!» Pēligi jařagatyř. Pusuřa vãm.ř. Xař je'mem.ř: «Jãrymini čeņņõņ e't, jãrym.ne piřgi!»

İnjj ojina kēmiř jũx'lãjinen. Anden avũ ma ana, iřkisy, xuaņsojetana pãm.ř. Anta ařtun o'qan uggelex pãm.ř. Pu oje iřkisy pãm.ř. Vãgytdagy (<vu agytdagy) kiři xurõom.ř — pu iřkisy uler. Pu anã ma, iřkisy, ulmem.ř.

Ana jařam.ř avuřa: «Xõřuquma, sen uxta, men paqqũ!»

İnji pu anenigi apasy jařam.ř: «Peseř pãzar tũigoř! Anařarne čařã!»

Anařar keım.ř. Kic'i ana kēmem.ř. Ne'z'iden paņnařuř?

Ulli ana jařam.ř: «Men kumuř piř kure piřgi!»

O'tanji ana jařam.ř: «Kumuř piř kure piřgel!»

Kic'i ananige kijusy jařam.ř: «Ař'tun piř kuře piřgi!»

Puřar čõsy kul.řmiř. vaņbeņ qaidan aķiřur te kul.řmiř. Anden tãyařmiř. Ařzikune čařãm.ř. Ne'z'e paņnařuř?

— Ař'tun, — zãtyx ana, — piř kuře peřgi! — tem.ř.

O'tanji ana: «Ař'tun piř kuře piřgi!» — dem.ř.

Kic'i ana: «Ař'tun iřki kuře piřgi!» — tem.ř.

Apasy pãzar'ne tõimiř. Pãzařy o'mãm.ř. Jũte o'qũ tēse, ař'tun uggelex te't tuncugyna te't quřu kegedadyř!

Ař'tun uggelex ta'mãm.ř. Saņguajıřa sana'm.ř.

— Senigi kiz'i ananige ojynte pãdyř!

Kic'i ananigi ojina apasy sormã pãm.ř. Anasy korenmem.ř. Anden arzigune iřasy pãm.ř. İřasyına izyna čitãm.ř. İřasy jeřam.ř: «İzygne čitãřanynne ařtořo!» Anasy jařam.ř: «Men senden ũjalıtyř!» Arzigune azisy, iřkysy, pãm.ř. Azisy, iřkysyna čã pēm.ř. İřkysyne ařtun uggelex piř-piř peřmiř. Apasini ojina aķiım.ř. İřky tũnřuguna qõimiř. Arzigune apasy keım.ř. Apasyna ařtun uggelex piř peřmiř. İřasyına piř peřmiř.

Apasũ ma iřasy, iřkysy jořãnm.ř. Azisũler jořãnm.ř. Apasũ ma iřasyne kic'i anasy asyram.ř. Tosz'i.

Перевод

У одного богатого человека были три дочери. Отец и мать решили: «Позовем-ка этих девушек да спросим мы их!»

Спросили у старшей (букв. большой) дочери: «Ешь (букв. пьешь) ли [ты] пищу матери и отца? Чью пищу [ты] ешь (букв. пьешь)?»

Спросили у средней дочери: «Чью пищу [ты] ешь?»

Спросили у младшей (букв. малую) дочери: «Чью [пищу ты] ешь?» [Затем] все разошлись. Мать и отец посоветовались. На другой день позвали старшую (букв. большую) дочь.

[Они] спросили у старшей дочери: «Чью пищу [ты] ешь?»

Старшая дочь ответила: «Я ем пищу матери и отца. Ношу [их] одежду!»

Спросили у средней дочери: «Чью пищу [ты] ешь?»

— [Я] ем пищу отца и матери! [— ответила средняя дочь].

— Чью одежду [ты] носишь? [— спросили отец и мать].

— [Я] ношу одежду матери и отца! [— ответила средняя дочь].

Спросили младшую (*букв. малую*) дочь: «Ты чью пищу ешь?»

— Я ем пищу бога! [— ответила младшая дочь].

— Ты чью одежду носишь? [— спросили отец и мать].

— Я ношу одежду, [что дал] бог! [— ответила младшая дочь].

Мать и отец рассердились. Младшую дочь прогнали. Старшую и [среднюю] ее сестру напоили чаем.

Мать и отец остались довольны (*букв. обрадовались*).

Обоим [сестрам] сшили платье. [Затем] все разошлись.

Мать и отец решили: выдадим старшую дочь за богатого человека! Среднюю дочь [тоже] выдадим за богатого человека! Младшую дочь выдадим за бедняка! Пусть живет (*букв. следует за*) с бродягой и ест [его] пищу! Пусть живет (*букв. следует за*) с бродягой и носит [его] одежду!

Однажды к дверям подошел нищий (*букв. проситель хлеба*). Младшую дочь за него и выдали.

Младшая дочь была рада. Девушка схватила (*букв. повисла*) юношу за руку. Нищий испугался. Девушка сказала юноше: «Ты мой муж, не пугайся! Где ты будешь жить (*букв. сидеть*), [туда] меня веди!»

Юноша сказал: «Я живу (*букв. сижу*) в пещерном доме!» [Девушка и юноша] отправились. При их появлении бродяги, [жившие] по берегам реки, разбежались. Девушку повел один из них.

— Богатый человек в поисках дочери [придет сюда] и всех нас убьет! Бегите скорей! [— сказал бродяга].

Девушка собрала черепицы, что были в пещере. Бродяги засмеялись. Один кусок черепицы [она] дала [бродяге].

— Ты ступай на улицу, зайди в большой магазин, дай это и купи коня. Нагрузи на него куль муки. Купи себе платье и надень [его]! [— сказала девушка].

Бродяга засмеялся: «Мне дали кусок кирпича» Так [он] говорит.

Пошел [бродяга] в магазин. Не хватило сил [у него] отдать всю черепицу].

— Половину возьму в долг, половину уплачу, [— решил он].

Нагруженный, [он] вернулся домой. Потом юноша и девушка отправились в настоящий дом. В нем были золотые голуби. Туда они и пошли. Люди, что находились там, испугались: умрут эти двое! Но ни девушка, [ни юноша] не умерли.

Девушка сказала юноше: «Не бойся! Засни — я посторожу (*букв. посмотрю*)!»

Вот отец этой девушки сказал: «Ударим в стену! Позови девушек!» Девушки пришли. Не пришла [лишь] младшая (*букв. малая*) дочь. Как помочь [в этом деле]?

Старшая (*букв. большая*) дочь сказала: «Я дам меру серебра!»

Средняя дочь сказала: «Дам меру серебра!»

Муж младшей дочери сказал: «Дам меру золота!»

Все засмеялись. Где бродяге достать [золота]! Потом [все] разошлись. На другой день [опять всех] позвали. Чем поможете?

— Золота, — старшая дочь сказала, — одну меру дам!

Средняя дочь сказала: «Золота одну меру дам!»

Младшая дочь сказала: «Золота две меры дам!»

Отец [начал] бить в стену. Стена не выдержала. Чтобы жить (*букв.*

сидеть) [в этом доме], надо посадить в четыре угла четыре золотых голубя. Золотых голубей не нашли. Обратились к мудрену.

— Голуби есть в доме твоей младшей дочери, [— сказал мудрец].

Отец пошел просить в дом младшей дочери. Дочь не показалась. Затем на другой день отправилась мать. Она укрылась и от матери. Мать промолвила: «Ты не прячься!» Дочь сказала: «Я стесняюсь тебя». На следующий день пришли две старшие сестры.

Обеих старших сестер [девушка] угостила чаем. Каждой из них дала по золотому голубю. [Сестры] принесли [голубей] в дом отца. Поставили [их] в два угла.

На следующий день пришел отец. И отцу [девушка] дала одного золотого голубя. И матери [она] дала одного [золотого голубя].

[Потом] отец и мать обеднели. Старшие сестры обеднели.

За отцом и матерью смотрела (букв. воспитывала) младшая дочь. Конец.

63. * КАК ДЕВУШКА УСТРОИЛА СВОЮ СУДЬБУ (ТОМБАХ)

(Рассказчик слышал сказку у стариков сел. Чицзы. Событие это действительно когда-то произошло в Чицзы)

(Ма Му-хуже, мужч., 38 лет, род. в сел. Мынта, крестьянин.
Записано в сел. Алгиюли 26 июля 1957 г.)

Текст

Оха́лда бõсыр̄ вуми́. Посы́р̄ па́р̄ ки́ш̄ вуми́. Ани ке́не то́мамис̄. Нене пõсур̄ вуми́. У та па́р̄ ки́ша́. Пу и́скысы̄ ја́ры тагна́смис̄. И́скысын̄у ке́ны та то́мамис̄. И́н̄ји пу и́скысы̄ сорис̄мис̄: «Ки́ч̄иле́х пи́р̄-пи́р̄ а́талé!» — теми́.

— Seni keñi avu tuɣ^usa, meni keñi ana tuɣ^usa, seni avuɣa peilé!

— Meni keñi ana tuɣ^usa, seni avuɣa peigi!

Peligi e'z'inen k'a'č'a jeifam̄is̄. In̄ji iškysyn̄u keñe k'õtyrm̄is̄. P̄iřisyn̄ige avu tuɣ^um̄is̄. P̄irisin̄ige ana toɣm̄is̄. Avu un̄y jařam̄is̄. Ana un̄e jařam̄is̄. Ana xutu jařz'uxař. Pu iškisy xutu jiriřpar. Avu oxupar.

Avune apasy ulm̄is̄. Apasy õlgana piř kunden piř kun joxtanm̄is̄.

In̄ji pu avu jan'fam̄is̄: «Mā keñ aťetyr!» — temiř.

Iřasy jařam̄is̄: «Apañnigi j̄arysin̄ige anasyne peipař!»

Avu jeifameř: «Me jořkiřa peiřar o?»

Iřasy: «Peřéř!» — temiř.

Andan suzi j̄ur'm̄is̄. Ananige apasy: «P̄emes!» — timiř.

Ananigi iřasy: «Peil̄i! — dimiř, — pemeře, oxałda qa'č'a jaifam̄is̄! Xa-
zañ võɣady?»

Apasy jeifam̄is̄: «Avu jořxadyr, eninen urux qaři z'issa, j̄aran põma-
ɣadyr!»

Iřasy jaifam̄is̄: «Põmasa, pomar̄y! timiř, — ananige minina p̄ar̄y! Tařin-
da ñaņ jařařsa, jařařq̄y! Apasy tekile pemeř!»

Ananigi iřasy anařa sorm̄is̄: «Oxałda apaņ iškysy j̄ary taņnařqujin̄ige avusyna seni peigi! Oxałda qa'č'or jařařqan, q'a'č'ur b̄ar!»

Ana jeifam̄is̄: «Eligusa, men aņa čyxq̄y!»

— Seniği apaņ seni vu avuɣa p̄emeityr!

Ana: «N̄eḡe peř jořař?» — timiř.

Iřasy: «Apaņ jařatyř, — tiřzi, — oxałda oļynda xutu paradyř. Kemni ke-
ñe avu tuɣ^usa, kemni keñi ana tuɣ^usa, aņa p̄arejelé! Peligi jařařc'i. In̄ji
seni apaņ avu joxtan̄yana seni avuɣa peř jořař!»

Ana jařařzi: «Xusařta bõřanda jaifam̄is̄, in̄ji joxtansa, joxtan̄y! K̄en
taņnar̄y men aņa!

İjasy apasyna jaiřamıř: «Pu ana avuřa kēm tařnaıy te jūāğ'jatyř!»
Apařy jaiřamıř: «Jāğjōsa, jōğjoıy! Men tegili pemeř! Xarıyançax oı-te o'qy!»

İnji pu avu ox^umā pāmıř. Pu ana piř kunden piř kun avuřa uçırpadyř
Pu ana piř kunden piř kun ařyrmıř.

Ananı ijasy apasyna jaiřamıř: «Anara ařryx tegimıř».

Apası jaiřamıř: «Uç'otnıge (<uř joınıge) otař'ıgınde r°axxuař peimıř.
Ana anta o'qy da ařa-muřa uçırđi ta ařyryry poıy!»

Anı ma anan'đi furřuřaruđi, iřkysy, anda otyrmıř. Avu ox^u taryı ke-
gende uçirmıř, pāyanı uçirmıř. Avun ge penarıy tayımıř. Avuřa naıř'ü
joxmamıř. Pu ana arzikunē terjedēn heli çarı jü'mıř. Avu terememıř. Ana-
nıđi furřuřaruđısy helini akiımıř. A'zi avu taryı kiımıř. Pu ana terjedēn
çatamıř. Pu avu pāřin'ı tařmamıř'ux jürmıř ojına. Arđi avu oxumā keimıř.
Pu ana kōta saxtamıř.

— İřina pālél! — teimıř.

Pu avu pāmamıř.

Anař'ux: «Nēgē pāmıř?» — te tēmıř.

— Sen pař kiřn'đi qyzadyř, men apa joxmarařan jeř'im pařadyř. Seni
aparı bilse, meni ulterer! Meni arđimda ka'z'a jarařuđi joxtyr!

Ana avunı jür koımıř. Avu oxumā pāmıř. Parjinen avuř'ux ja'z'ux
oxumamıř. Oxumarařana axun sormıř.

Avu jaiřamıř: «Muřenıđi anasy meni çataparđi. Mařa sorđi, men jaiřa-
mađi. Pu jōğjıñēnen men oxu kun'eđ kēmeıtyř!»

Avu ojına jarıkeđi. Ejasyna jaiřađi: «Men ařyrytyř!»

— Kařta se ařyrytyř? — te sormıř.

Avusy jaiřamameř. Piř zumađe oxuma pāmameř. Axun çatama
keimıř.

İjasy axun-bōřa jeiřađi: «Avu ařyrypadyř! Kařta se ařyrypadyř — mařa
jaiřamatyř!»

Annen axun-bō oı řina kirkeđi. Avuřa sorđi. Avu jyř'ıajınen jarađi.
Anden axun-bō jan'đi. İjasy axun-bōřa sorđi. Axun-bō jaiřamađi.

İnji pu ana, rař'ta o'cuđi ana piř kunden piř kun uçır'se, avune kor-
mıđi. Piř kunden piř kun ana uřaže. Piř kunden piř kun lēme iç'meže, çā
iç'meže. Anden bu anane furřuřaruđe sorđi: «Sen nēgē lēme iç' joxtur?»

Pu ana avune çalıřatuma jür'đi. Pu avu keřisy keç'ı. Avu ijasyına jař-
yan ç'e't'zi: «Men eře tıřařa oxumā pāyudyř!» Avuř'ux jırđi. Jırđinen anane
ojına parđi. Ana avune terjiden tat'đi. Ananıge pen'jařına avune sořađi.
Ana piř kunden piř kun ātux iç'ç'ı. Lēme tořaruđıřa jan'jađi: «Kurıřax
āt-dy gél! İřē ma apara jan'şaquma!»

Pu iřkisy keřisy řařtanđi. Piř kunden piř kun anan'đi xusařy çıřnađi.

Ejası sorđi anara: «Seni xusařyđ çıřnāmıř, jatyřtanmıř. Sen naře'z'ı,
xusařyđ çıřnađi? Aparı bilse, ulterer seni!»

Furřuřaruđıne ijasy vařzi: «Men! anamne sen jacı'ux furřuřamıř!» —
te vařzi.

Furřuřarařan ana jyřađi. İnji pař kiřni anasy sorđi: «Sen nēgē jyřta-
pař?» — tiřzi.

— Seni iřarı meni vařzi.

— Nege vařzi?

— Seni syxlam! — te vařzi.

Pu ana avuřa jaiřađi: «Men sařa heli beıge, sen sař'ix e'me pař! —
tiřzi, — sen sař'ixqa pāmıřa, men'đi apa seni z'ıquřta ulterer! Men'đi xusa-
řym çıřnađi. Meni apam ko'gūřa mařa sorar. Men apara xui ta perat-
mařatyř!»

Avu helini 3'iz'3'inen sãz'ixqa jürzi.
«Pifet bo'jinen avune jan! — teizi, — men õreten kiigi-ta Komun tene õz'y qãyi! Sen ešeten çyx-ty ge-da Kõmun tene ke! Anta kõ-ušelé!»
Ananigi panjirini jãrimini avuqa perzi, jãrymyni ana izy 3'iz'3'y. Avu ifkunini jãrimini anaqa perzi, jãrymini avu izy 3'üz'3'e. Avu jü:zi.
Pif kunoõ apasy anane paxmã parzi. Pax ke'jinen apasy ijasyna jeif-azi: «Anañ nañ if e'c'ipař ma? Xusary jãtyxtanmiř».

Ijasy: «Izy nañ bilkuř!» — temiř.

— Ețisy anane muqa çatã-dy ge! Lařsyg'ux ohule uç'erilé!

Ețisy anane çatazi. Ana kiizi. Ifkisy uçirzi. Anani xusary çignamiř.

— Pu anan'e uje't oãta jürgur? — demiř.

— İnji muqa hell bēgi-ta sãz'ixqa pãr'y-ta ézy keju iç'tegita keigel!

Ana sãz'ix peřet e'tz'inen Kõmun tene kiimiř. Avu ham sãz'ix e'tz'i-nen jan'miř, Komun dene kiimiř. Ifkisy ka'ç'atařmiř. Ifkisyngi panjirinı tũřazinen paxmiř. Ifkisyngi ifkunine tũřazinen paxmiř. Anda ifkisy korus-3'inen o'miř. Ořtegi k'a'ç'ane avuqa jařfamiř. Ifkisy a'ttan piř-piř aljinen, minjinen anani ojina jan'miř.

Ijasý ma apasy anaqa: «Kẽto?» — te sormiř.

— Pu çãpyñ kemtyř? — teimiř.

Ana jařfamiř: «Pif jeřte sãz'ix e'kuji çãpyñdyř!»

Ijasý ma apasy, ifkisy, so-ıřmiř,

— Anane muqa peřil! — teijinen soriřm'ıř.

Apasy ijasina jařfamiř: «Sen pãř-ta anaqa sõr — pu kic'ux saqa kijo tañnasa, põyař mu põmařař?» — teimiř.

Pu ana: «Ije ma apa jõãnjõsa, põřatyř!» — tem'ıř.

Ijasý jařfazi: «Apañ ifkisyñ soryřcinen pu kic'uxke peřil!» — teizi.

Pu ana: «Jaxřatur!» — deimiř.

Ananige apasy avuqa sormiř: «Meni anani sã kem peigi, sen kelegur mu — kelemes?»

Pu avu: «Kelegul!» — deimiř.

Ifkisyyna peqarax tixmiř. Kun qoimiř. Çinçi-tõleni — jõkõne çatamiř. Pu avunigi ijasini çatãmamiř. İnji pu anane avuqa oxumiř. Oxujinen avunige ojina ana ifkisy pãmiř.

Avuni ijasý sorji avuqa: «Pu qãtyn kiři kemdyř?»

— Pu menigi keřnimtyř!

— Neřlezti alzi?

— Men sãz'ix etz'inen alzi!

Pu ijasý soinzi. İnji ijasý, keřne — jõkõsy anani ojina jan'zi. Avunigi ijasý, ananigi ijasý-apasy sētãñ'iç'ç'i. Çõsy kulıřci.

Anani apasa jařfazi: «Oxãlda pelisi k'a'j'a jařařci — seni avuqa meni anane pēgũl jařařci. Arzi men pellenzi, men anani avuqa pēmēzi. İnji ifkisy sãz'ixqa parjinen tařmiř. Xukeři ifkisyngige kēn tañnaquşy minnatyř!»
İnji çõsy ta kulıřcinen çã iřmiř. Tosmiř.

Перевод

Давным-давно был один старик. Он был богат. Жена [ему никого] не родила. Был еще старик. И он был богат. Оба [старика] стали друзьями. Жены обоих [стариков] не рожали. Вот [однажды] эти старики посоветовались. «Возьмем-ка по одной младшей (букв. малой) жене!» — сказали [они].

— Если твоя жена родит мальчика, [а] моя жена родит дочь, отдам [ее] за твоего сына, [— сказал один из стариков.

— Если моя жена родит дочь, отдам [ее] за твоего сына, [— сказал другой старик].

Таким образом [они] договорились. Вот жены [обоих стариков] забеременели. Одна из них родила сына, другая (*букв.* одна) родила дочь. Мальчику и девочке исполнилось по десять лет. Девочка очень красивая. Мальчик и девочка очень дружат. Мальчик учится.

[Но вот] умер отец мальчика. По этой причине [его] семья день ото дня [стала] беднеть.

Однажды юноша сказал: «Возьмите мне жену!»

Мать сказала: «[Тебе] дадут дочь друга твоего отца!»

Юноша промолвил: «Мне, бедняку, разве [ее] дадут?»

Мать сказала: «Дадут!»

Потом послали (*букв.* пошел) свата. Отец девушки сказал: «Не отдам [свою дочь]!»

Мать девушки сказала: «[Давай] отдадим! Если не отдадим, разговоры пойдут! Когда можно [отдать]?»

Отец сказал: «Юноша — бедный. Если установить с ним родственные связи, будет неравенство (*букв.* друзьями не будут)!»

Мать промолвила: «Коль не будет, так не будет! Это судьба дочери (*букв.* пойдем к судьбе дочери)! Коли говорят люду, так пусть говорят! Отец отдал — и все [тут]!»

Мать сказала дочери: «Раньше отец [обещал] тебя выдать за сына своего друга. [Они] дали слово [друг другу], слово [дано]!»

Дочь сказала: «Коль так, я выйду за него [замуж]!»

— [Но] твой отец не отдает тебя этому юноше, [— сказала мать].

— Почему не отдает? — спросила дочь.

Мать сказала: «Отец твой говорит, [что] раньше в доме [юноши] много [всякого] добра [было]. Чья-то жена родит мальчика, чья-то жена родит девочку, детей поженим — так [отцы] условились. Теперь юноша обеднел, [и поэтому] твой отец не отдает тебя [этому] юноше!»

Дочь сказала: «Условились еще до [нашего] рождения. Обеднел, так обеднел! Я буду ему женой!»

Мать сказала отцу: «Дочь хочет быть женой юноше!»

Отец сказал: «Хочет, ну и пусть хочет, [а] я не отдам! Пусть сидит дома, пока не состарится!»

Юноша начал учиться. Девушке день ото дня [все сильнее] хотелось его видеть. [И вот] она с каждым днем [все сильнее] стала болеть.

Мать девушки сказала отцу: «Дочь заболела (*букв.* коснулась болезнью)».

Отец сказал: «На пересечении трех дорог я дал [дочери] дом. Пусть она в нем (*букв.* там) сидит, туда-сюда смотрит — болезнь и пройдет!»

[Вот] девушка и [ее] служанка [начали] жить (*букв.* сидеть) [в этом доме]. [Девушка] видела юношу [всякий раз], когда [он] возвращался с занятий или шел на занятия. Платье юноши было порвано. Некому было смотреть за юношей. На другой день девушка бросила из окна [юноше] денег. Но юноша не взял (*букв.* не собрал) [их]. Служанка принесла деньги [обратно]. Как-то однажды юноша возвращался [с занятий]. Девушка окликнула [его] из окна. Юноша прошел, не поднимая головы. [В другой раз], когда юноша шел на занятия, девушка поджидала его у дверей.

— Пойдем ко мне (*букв.* внутрь дома)! — сказала [она]. Юноша отказался (*букв.* не пошел).

Девушка спросила: «Почему не идешь?»

— Ты дочь богатого человека, я же без отца, сирота. Если твой отец узнает, [он] меня убьет. Замолвить слово за меня некому, [— ответил юноша].

Девушка прогнала юношу. Юноша пошел на [свои] занятия. [Но] учиться хорошо он не мог. Ахун спросил [причину его расстройств].

Юноша ответил: «Меня позвала дочь одного человека. [Она] спросила меня, [а] я не ответил. По этой причине учсь не идет мне на ум!» Юноша вернулся домой и сказал матери: «Я заболел!»

— Что у тебя болит?— спросила [мать].

Сын не ответил. Целую неделю [он] не ходил на занятия. Ахун пришел за ним.

Мать сказала ахуну: «Сын болеет. Но что у него болит, мне не говорит».

Ахун вошел в дом и спросил юношу [о болезни]. Юноша, плача, рассказал [причину]. Затем ахун [собрался] уходить. Мать спросила ахуна [о болезни сына], но он [ничего] не сказал.

Девушка, живущая (*букв.* сидящая) в [тѐм] доме, сколько ни смотрела каждый день, юноши не видела. С каждым днем ее беспокойство росло. [Она] перестала есть и пить. Наконец, служанка девушки спросила: «Ты почему не ешь?»

Девушка попросила позвать юношу. Вечером юноша пришел. Матери он сказал неправду: «Я иду на занятия в нижний район». Сам пошел в дом к девушке. Девушка втащила юношу в окно и спрятала его в свой сундук. С каждым днем девушка стала больше есть. Тому, кто приносил [ей] пищу, она сказала: «Приноси побольше, [но] матери и отцу не говори!»

[Девушка и юноша] стали жить как муж и жена. День ото дня начал расти живот у девушки.

Мать спросила девушку: «Твой живот стал большим, вырос. Что случилось, что твой живот вырос? Если отец узнает, [он] тебя убьет!»

Служанку мать побила, приговаривая: «Ты не смогла как следует за моей дочерью!»

Служанка-девушка заплакала. Дочь богатого человека спросила [ее]: «Ты почему плачешь?»

— Твоя мать меня побила! [— ответила служанка].

— Почему побила? [— спросила девушка].

— Тебя не уберегла, [потому] и побила, [— ответила служанка].

Девушка сказала юноше: «Я дам тебе денег, поезжай торговать. Если не поедешь, мой отец, поймав тебя, убьет! У меня вырос живот. Как только отец заметит, [он] меня спросит. Я не смогу дать ответ отцу!»

Юноша взял деньги и уехал торговать.

[Девушка] сказала [юноше]: «Через год возвращайся! Я с юга (*букв.* верха) приду и остановлюсь в гостинице Комуна. Ты явись с севера (*букв.* низа) и приходи в комунскую гостиницу. Там увидимся!»

Половину своего браслета девушка отдала юноше, половину взяла себе. Половину своего платка юноша дал девушке, половину взял себе. [Затем] юноша уехал.

Однажды отец пошел проведать дочь. Вернувшись домой, он сказал матери: «Дочь что-то совершила, живот ее стал большим!»

— Пусть сама знает!— сказала мать.

— Завтра дозови сюда дочь. Хорошенько (*букв.* подробней) вдвоем посмотрим! [— сказал отец].

На другой день позвали дочь. Девушка пришла. [Отец и мать] посмотрели. [Действительно] живот у девушки вырос.

— Где стыд у этой девушки? — сказали [отец и мать].

— Дадим ей денег. Пусть пойдет торговать и сама себе найдет мужа! [— решили они].

Девушка, поторговав, через год приехала в комунскую гостиницу. Юноша также прибыл туда. Они поговорили, примерили [половинки] браслета, примерили [половинки] платка. [Так] признав друг друга, они там остановились. [Девушка] рассказала юноше, что [с ней] произошло (*букв.* речь о том, что было дома). Они купили коней и поехали в дом к девушке.

Мать и отец сказали девушке: «Приехала?»

— Твой спутник — кто он? — спросили [они].

Девушка ответила: «[Мой] спутник — торговец из одного места».

Мать и отец посоветовались.

— Выдадим дочь за него! — решили [они].

Отец сказал матери: «Ступай спроси у дочери, хочет ли она, чтобы этот человек стал ее мужем?»

Девушка сказала: «Если мать и отец [этого] хотят, [то] пусть [так] будет!»

Мать сказала: «С отцом мы решили выдать [тебя] за этого человека».

Девушка сказала: «Хорошо!»

Отец девушки спросил юношу: «Отдаю тебе в жены свою дочь — ты хочешь или нет?»

Юноша ответил: «Хочу».

[Юноше и девушке] сшили платье. Назначили день [свадьбы]. Пригласили всех родственников, [только] мать юноши не пригласили. Девушку выдали за юношу замуж. [Юноша и девушка] отправились в дом юноши.

Мать юноши спросила сына: «Эта женщина — кто такая?»

— Это моя жена! [— ответил юноша].

— Как ты женился (*букв.* взял жену)? [— спросила мать].

— Поторговал и женился (*букв.* взял жену), [— ответил юноша].

Мать обрадовалась. И вот мать и жена юноши отправились в дом девушки. Мать юноши, мать и отец девушки познакомились. Всем было весело.

Отец девушки сказал: «Раньше так [мы] условились — сыну твоего [отца] отдадим мою дочь. Потом я передумал и не отдал свою дочь [его] сыну. Поехав торговать, [вы там оба] познакомились. Ваша женитьба по праву — судьба!»

Все засмеялись и [принялись] пить чай. Конец.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

У д ж и р е м

Проза	7
Сказки	7
1. * О прекрасном юноше, который стал императором	7
2. * Добром за добро	9
3. * Доброму — добро	12
4. * Добрый старик	13
5. * Сыновья мести	13
6. * Хитрый обманщик	16
7. * Мунгыскарджах. I	18
8. * Глупый волк	21
9. * Заяц и медведица	22
10. Агу Каралжи. I	23
11. * Мунгыскарджах. II	26
12. * Мальчик — сын коровы	27
13. * Хитрый заяц	28
Поэзия	32
14. Сагыш. I	32
15. Сагыш. II	33
16. Сагыш. III	34

А л т и ю л и

Проза	36
Свадебный обычай (<i>предание</i>)	36
17. Верблюжья игра	36
Сказки	38
18. * Бедный зять	38
19. * О семье	42
20. Агу Каралжи. II.	43
21. * Храбрый Лан Сан Чень	43
22. * Заяц, волк и лиса	48

Х а н б а х

Проза	54
Сказки	54
23. Агу Каралжи. III	54
24. * Горькая доля	58
25. * Мунгыскарджах. III	61
26. * Мунгыскарджах. IV	64
Поэзия	66
Исторические песни	65
27. * Песня о переселении саларов	65

К о м б а

Проза	68
28. Исто́ия селения Комба	68

Хазагач

Поэзия	69
Песни	69
29.	* Возьму-ка я тебя в жены!	69
30.	* Если я не думаю о тебе	69
31.	* В голубом небе	70
32.	* На высокой горе пестрая куропатка воркует	70
33.	* Буду-ка я твой!	71
34.	* Мельничного камня вращение	71
35.	* «Печень» — зовут девицу Пасу	72

Ловэн

Поэзия	73
36.	* В просторах высокого неба	73

Эйше Ахвар

Проза	75
Сказки	75
37.	* Слова — помощники	75
38.	* Злая мацеха	77
39.	* Кто плохо поступает, тот хорошего не испытает	78
40.	* Старуха и нищий	79
41.	* О глупце	80
42.	* Слепой и ахун	80
43.	* Несправедливый и справедливый князь	81
44.	* Дерево, испугавшееся тюрьмы	82
45.	* Торжество справедливости	83
46.	* Кошка, мышь и воробей	86
Поэзия	87
47.	Величальная	87

Ноджа

Поэзия	91
48.	Сагыш. IV	91

Улагыл

Проза	95
49.	* Рассказ о сельском хозяйстве	95
Сказки	95
50.	* О плешивце	95
51.	* О дураке	98
52.	* О сторожевых львах	100
53.	* Масембу	102
54.	* О мудрой жене	106
55.	* О хитреце	110
56.	* Мунгыскарджах. V	114
Поэзия	117
Песни	117
57.	* Салар Сань Ши-па	117
58.	* В верхнем селе — Тей-по	118

Мынта

Проза	119
50.	История переселения саларов	119
Сказки	125
60.	* Все тайное становится явным	125
61.	* Искусный лекарь	130
62.	* Верность дочери	131
63.	* Как девушка устроила свою судьбу	134

Исправление

На стр. 58 строки 14—18 св. следует читать так:

Голуби сначала прилетели (букв. опустились) парами. [Агу Караджи] обрадовалась, что (букв. говоря) Коскур-оглан жив (букв. есть). Потом голуби прилетели (букв. опустились) по одному. [Агу Караджи], говоря: «Коскур-оглана нет [в живых]», — ялача, отправилась [его] искать.

Эдгем Рахимович
Т Е Н И Ш Е В

*Утверждено к печати
Институтом языкознания
Академии наук СССР*

*

Редактор издательства *В. Д. Артамошина*
Технический редактор *С. В. Цветкова*
Корректор *М. К. Киселева*

*

Сдано в набор 25/II 1964 г.
Подписано к печати 30/X 1964 г.
А-13812 Формат 70×103¹/₁₆ Печ л. 9
Усл.-печ л 12,33 Уч.-изд. л. 10,86 Тираж 1100 Изд. № 1187.
Зак. 155 Темплан 1964, № 89, Цена 76 коп.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография издательства «Наука».
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА „НАУКА“**

ВЫШЛИ В СВЕТ

1. **Бенгальский язык.** Вопросы грамматики. 1962 г. Цена 70 коп.
2. **БАРХУДАРОВ А. С.** Словообразование в хинди. 1963 г.
Цена 70 коп.
3. **ГРАНДЕ Б. М.** Курс арабской грамматики в сравнительно-
историческом освещении. 1963 г. Цена 2 р. 90 к.
4. **ЗОГРАФ И. Т.** Очерк грамматики среднекитайского языка.
1962 г. Цена 55 коп.
5. **Иранский сборник.** 1963 г. Цена 1 р. 05 к.
6. **МОРЕВ Л. Н.** Основы синтаксиса тайского языка. 1964 г.
Цена 40 коп.
7. **СОЛНЦЕВА Н. В.** Страдательный залог в китайском языке.
1962 г. Цена 40 коп.
8. **Языки Китая и Юго-Восточной Азии.** Сборник статей. 1963 г.
Цена 85 коп.
9. **Японский язык.** Сборник статей. 1963 г. Цена 85 коп.

*Книги можно приобрести в магазинах
книготоргов и „Академкниги“*

Цена 76 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“